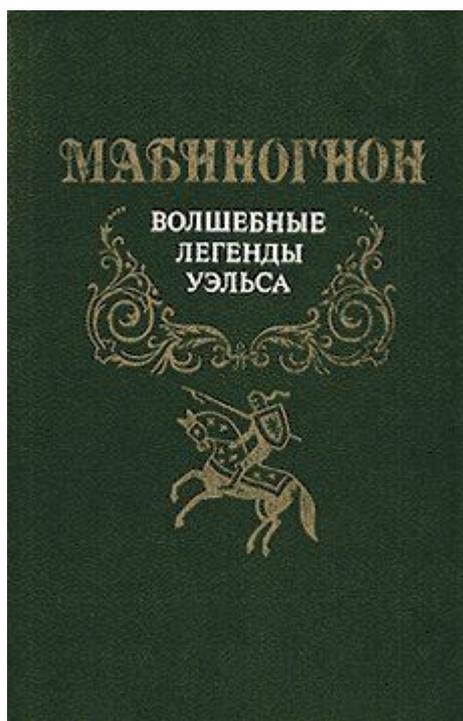

Эпосы, легенды и сказания Мабиногион

*«Мабиногион. Волшебные легенды Уэльса.»: Научно-издательский центр «Ладомир»; М.; 1995
<http://reced.ru/lib/>
ISBN 5-86218-168-7*

Аннотация

Сборник валлийских легенд «Мабиногион», составленный в XI–XII вв., содержит 12 легенд. В них отразились мифологические представления древних кельтов, события легендарной истории Британии, влияние европейского рыцарского романа, который сам сложился под воздействием валлийских легенд о короле Артуре, Тристане и Изольде, Святом Граале. К повестям сборника примыкает история приключений легендарного барда Талиесина, жившего в VI веке.

Красочные и глубоко самобытные легенды «Мабиногион» представляют интерес не только для специалистов, но и для широкого круга читателей.

Автор неизвестен Мабиногион

Мир Мабиноги

Сборник валлийских легенд «Мабиногион», составленный в XI–XII вв., содержит 12 легенд. В них отразились мифологические представления древних кельтов, события легендарной истории Британии, влияние европейского рыцарского романа, который сам сложился под воздействием валлийских легенд о короле Артуре, Тристане и Изольде, Святом Граале.

Знание Мабиноги и других памятников валлийской литературы необходимо не только кельтологам, но и тем, кто занимается сравнительной мифологией, религиоведением, лингвистикой. Знание Мабиноги обязательно и для специалистов в области средневековой европейской литературы. Знание Мабиноги полезно и всем, кто интересуется историей Британии и Европы в целом. Наконец, знание Мабиноги вводит читателя в совершенно особый мир кельтской традиции, причудливый и непохожий на знакомые нам миры, как реальные, так и вымышленные. Это давно уже оценили творцы сказочной фантастики в разных странах. Сюжеты кельтской мифологии приходят к нам через романы Джона Толкина, Майкла Муркока, Мэри Стюарт. Переведены на русский язык главные ирландские эпические повести, однако другая основная ветвь древней кельтской литературы – валлийская – практически неизвестна русскоязычному читателю.

Приглашаем в мир Мабиноги, архаичный и причудливый, мрачный и радостный, открытый не только в далекое прошлое, но и в вечный горизонт человеческой фантазии.

Когда в 1849 году леди Шарлотта Гест издала в Лондоне книгу, озаглавленную «Мабиногион из Красной книги Хергеста и других древних валлийских рукописей», история и культура кельтских народов, населяющих Британские острова, были уже хорошо изучены, но таили в себе больше вопросов, чем ответов. То же положение сохраняется и сейчас, полтора века спустя, несмотря на радикальное усовершенствование методов научного поиска и увеличение объема накопленных знаний. Никакого парадокса в этом нет. Кельтскую Атлантиду приходится не поднимать с морского дна, но по крупицам отыскивать в фундаменте иноязычных и инокультурных традиций, сплавившихся за столетия в конгломерат Великобритании. Жив язык, сохранилось множество письменных памятников – но то и дело кельтологи сталкиваются с коварными сюрпризами прошлого. Споры обычны в науке; здесь же они возникают по любому вопросу, из-за каждого слова в древних рукописях.

Все это говорит не только об особой сложности предмета, но и об особом интересе к нему историков. В самом деле, кельты – первый цивилизованный народ Европы, авангард железного века, распространивший некогда свою скотоводческую цивилизацию на огромном пространстве от Карпат до Ирландии. Когда в середине прошлого века ученые впервые заинтересовались индоевропейской проблемой, они сразу заметили сходство в языке и обычаях древних кельтов с теми индоевропейскими народами, от которых до нас дошли наиболее ранние памятники – индоарийцами «Ригведы», иранцами «Авесты», греками «Илиады». То, что кельты смогли сохранить эти архаичные традиции в более позднее время, довести их до письменной фиксации, во многом объясняется историческими условиями. Оттесненные другими народами сперва на Британские острова, а затем и на их наиболее дальние и неприступные окраины, кельты оказались, по словам французского ученого Жоржа Дюмезиля, «хранителями периферийного индоевропейского фонда». Сохранение традиционного кланового устройства и экономическая деградация оказали кельтским народам дурную услугу, облегчив их завоевание Английским королевством, но стали неоценимым приобретением для историков, предоставив им богатейший сравнительный материал для характеристики развития не только Британии, но и всей Европы. Притом общественный «застой» отнюдь не сопровождался культурным. Симбиоз древней кельтской культуры с христианством и латинской письменностью вызвал к жизни после V века н. э. богатую и глубоко своеобразную литературу.

Прежде всего это относится к Ирландии – «светильнику Запада», где огонь культуры не гас даже в темные века раннего средневековья. Ирландские монахи, основавшие множество монастырей по всей Европе – а в то время в монастырях сосредотачивалась вся культурная жизнь, – славились не только ученостью, но и терпимостью и в своих рукописях сохранили (конечно, в пере-

осмысленном виде) многие предания языческого прошлого. Труд переписчиков в монастырских скрипториях не прекращался, несмотря на жестокие раздоры клановых вождей, на опустошавшие остров нашествия скандинавов, а затем и англо-нормандцев. Именно их самоотверженными усилиями дошли до нас основные сведения об истории и культуре древних кельтов.

В Уэльсе ситуация была другой, и памятники валлийской традиции отличаются от ирландских и количественно и качественно. Начнем с того, что ирландцы и валлийцы представляют две основные ветви кельтских языков (так называемые «к-кельты» и «п-кельты» – первые произносили индоевропейский звук *Kw как P, вторые – как K (Kw), разделившиеся в незапамятные времена еще на континенте.

Их историческая судьба тоже была различной. Если Ирландия до IX – X веков оставалась «вещью в себе», не подвергаясь иноземным вторжениям (если не считать мирного «вторжения» христианства), то Британию, населенную бриттами (так называли островных п-кельтов), с 1 века н. э. сотрясали нападения чужеземцев. Вслед за римлянами, создавшими здесь смешанную латинско-британскую культуру, но не сумевшими ассимилировать местное население (в отличие от Галлии), на острове появились в V веке германские племена – англ и саксы, которые и покончили с кельтской Британией. Медленно, шаг за шагом, отступали в V–VIII веках бритты из Камбрии, Лотиана, Корнуолла, унося с собой боль поражений и гордость немногих одержанных побед, пока их последним бастионом не остался гористый полуостров на западе, еще с римских времен населенный наиболее дикими и воинственными племенами. Отчаявшись захватить его, англосаксы в VIII веке вырыли так называемый «ров Оффы», на столетия отгородивший эту область от собственно Англии (Логрии), и назвали ее «Валлис», «застойная земля» (в современном английском произношении Уэльс). Сами бритты называли свою страну Кимру, «страна сородичей». Историк VIII века Ненний с раздражением пишет о «диких кимрах», которые отказываются именовать себя бриттами; но племена Уэльса вряд ли помнили о родстве с «культурными» бриттами Логрии, что так легко сделали рабами саксов. Не забывали об этом только хранители учености – и язычники-барды, и христианские монахи, бежавшие в Уэльс со всего острова, где, по словам историка XII века Гальфрида Монмутского, «непогребенные трупы крестьян и церковнослужителей усеивали собою землю».

Анализ памятников валлийской литературы показывает, что некоторые из них созданы вне Уэльса в VI–VIII веках. Позже, когда валлийцы окончательно обособились, деятельность авторов и героев этих памятников была перенесена в Уэльс, хотя из традиции так и не изгладились мечты о никогда не существовавшем «королевстве Британии», отразившиеся в многочисленных «пророчествах» – своеобразном жанре валлийской литературы. «Пророчества» приписывались обычно легендарным мудрецам и чародеям вроде Мирддина (Мерлина) и Талиесина, и в них отражались надежды на изгнание саксов и обретение бриттами свободы. Эти надежды вновь ожили, когда в 1066 году саксы были побеждены Вильгельмом Завоевателем, но французские бароны оказались еще более опасными врагами Уэльса, чем короли англосаксов. Вскоре франко-нормандцы захватили юг полуострова и создали там полунезависимые феодальные владения, объединенные именем Марч (то есть «марка», или пограничная область).

В самом Уэльсе тем временем происходили нескончаемые внутренние раздоры, характерные для кельтского общества того времени, основными субъектами которого были клан (cenedl) и король (brenhin). Единого государства в Уэльсе никогда не существовало, не было даже попыток его создать, как это наблюдалось в Ирландии. «Короли» или вожди отдельных племен боролись за власть друг с другом, с англонормандскими феодалами, со своими «подданными» – общинниками и с более мелкими вождями. Стабилизирующую роль пыталась играть церковь, которая (особенно монашеский орден цистерцианцев) немало сделала для развития экономики и культуры Уэльса. При этом страна оставалась малонаселенной, скотоводческой, города и просто постоянные поселения отсутствовали. Монастырей было немного, и письменная традиция не была столь давней и развитой, как в Ирландии. Древнейшее сочинение по истории Уэльса, «Анналы Камбрии», относится к VIII веку, а первые записи поэтических и литературных произведений – к XI веку. Конечно, многое за века погибло, но в целом несомненно, что кельтская литература Уэльса беднее ирландской. Одновременно она менее своеобразна и испытала больше чужеземных влияний, по крайней мере после XII века, когда былая изоляция Уэльса окончательно рухнула и наиболее дальновидные правители валлийских королевств попытались модернизировать общество, чтобы сохранить независимость перед лицом агрессии уже не отдельных феодалов, а английской короны.

Но было поздно. Драматическое противоборство Эдуарда I, английского и последнего короля независимого Уэльса, первого «принца Уэльского» Ллевелина ап Грифидда окончилось в 1282 году английским завоеванием Уэльса. Чтобы смирить непокорных кимров (а их восстания не прекращались до XV в.), король сохранил титул «принца Уэльского», даровав его своему сыну. Но симбиоза не получилось, да и вряд ли он был возможен. Кельтская культура, третируемая как «варварская», на столетия отошла на задний план, став (как и в Ирландии) достоянием народных сказителей, которых королевская юстиция преследовала как «бродяг».

Тут случился один из любимых историй парадоксов. Когда реальная кельтская независимая культура доживала в Уэльсе последние дни, ее импульс проник в европейскую литературу, обогатив ее образами и сюжетами, ставшими популярными в течение столетий. То, что получило в науке название артуровского эпоса, имело много источников, и его кельтская основа неузнаваемо трансформировалась при переносе на почву европейского феодализма. Вопрос об историческом прообразе короля Артура слишком сложен, чтобы рассматривать его здесь; но его легендарный «двойник» впервые появился в «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского (Грифидда ап Артура) – первого автора, соединившего в своем творчестве англо-нормандскую и валлийскую традиции и задавшегося целью прославить прошлое Британии. Среди созданий Гальфрида, которыми питалось вдохновение многих будущих классиков (в том числе и Шекспира), большое место занимал образ Артура – могучего короля Британии и сопредельных стран, идеального вождя рыцарского сообщества. Этот образ «пришелся ко двору» в европейском обществе XI–XII веков – и как недостижимый идеал клонящегося к упадку рыцарства, ищущего выхода в союзе с королевской властью, и как идеал еще популярной в те века универсалистской монархии, объединяющей народы под единым скипетром (не случайно легенда привела Артура в Рим – столицу Вселенской Империи). Во всяком случае, начиная с XII века и до самого конца средневековья нескончаемые переработки сюжетов о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола, о Тристане и Изольде, о Святом Граале заполняют литературу всех народов Западной Европы. Эти сюжеты бумерангом возвращаются и в Уэльс, откуда когда-то вышли, и соединяются там с кельтской мифологическо-литературной традицией. Так рождается сборник сказочных повестей, известный ныне под условным, но отнюдь не случайным названием «Мабиногион» – так озаглавила его первая переводчица на английский, леди Гест.

Сборник, включающий в себя 11 легенд, дошел до нас в составе двух рукописных сводов древней валлийской литературы – так называемых Белой книги Риддерха (ок. 1325) и Красной книги Хергеста (ок. 1400). Их тексты несколько отличаются друг от друга, что доказывает заимствование из общего, более раннего источника. «Мабиногион» множественное число от «Мабиноги», хотя лишь первые четыре повести сборника носят название «Ветви Мабиноги» и связаны общим сюжетом и общими героями. Само слово «Мабиноги» переводится обычно как «повесть о юности» (от валлийского *mat*), в словосочетаниях *uab* или *ap* – «юноша», «отрок»), но смысл такого наименования был не совсем понятен, а потому стал предметом множества дискуссий.

Язык отдельных легенд сборника, как и их сюжеты, относится к разному времени, но большинство ученых считают, что они были записаны не ранее XI и не позднее XII века. Именно тогда в независимом Уэльсе наблюдался определенный культурный подъем и было написано или переписано в монастырских скрипториях множество рукописей различного содержания. В XII веке на валлийский было переведено сочинение Гальфрида Монмутского, что усилило интерес к легендарному прошлому. С другой стороны, при дворах валлийских королей творили барды, в изобилии использовавшие в поэзии мифические и легендарные образы. Именно они разработали в валлийской традиции уникальный жанр триад – группировки имен или событий по тройкам, применявшейся и к бытовым сюжетам, и к легендарной истории (так называемые «Триады Острова Британии»). Барды, хоть и не столь образованные, как ирландские филиды, хранили в памяти кое-что из языческой мифологии кельтов. Одно время среди ученых бытовало мнение, что Мабиноги – нечто вроде шпаргалки, составленной бардами для лучшего запоминания мифологических сюжетов. Но функции Мабиноги явно отличаются от чисто технических, неся на себе следы литературной обработки. Может быть, это влияние монахов (которые и в Ирландии часто стилизовали древний сюжет); может, отражение новых вкусов владетельных покровителей или самих бардов. Во всяком случае, сборник «Мабиногион», хоть и достаточно разнородный, кажется единым литературным явлением, стоящим на стыке мифа, псевдоисторической традиции и собственно литературы, что и позволяет выделить его из массы других валлийских текстов хроник, сводов зако-

нов, житий, легенд, триад, пророчеств, поэтических произведений.

Самый древний, мифологический слой представлен в Мабиноги очень широко, хоть и переработанный монахами-редакторами. Его конкретные примеры рассматриваются в примечаниях; здесь достаточно сказать об основных тенденциях. Как и в ирландской псевдоисторической схеме «завоеваний», языческие боги в валлийских легендах превращаются в допотопных правителей Британии и Уэльса, могучих чародеев или зловредных трикстеров. Обычными являются путешествия героев в потусторонний мир за знаниями или чудесными предметами; часть персонажей явно наследует признаки предков или культурных героев – устроителей мира. Но в целом связность и последовательность мифа утрачена; сюжет тяготеет скорее к волшебной сказке с ее типичными коллизиями «поисков» или «потериобретения». Притом в Мабиноги сохраняются необычайно архаичные для европейской литературы образы и целые словесные блоки; некоторые из них несут даже пережитки тотемизма или других первобытных верований, очень любопытные при сопоставлении с мифологией других народов. Большая роль уделена божествам потустороннего мира (превращенным христианской редакцией в «бесов», «ведьм» и др.), которые то и дело вторгаются в жизнь людей. «Мир чудесного» в Мабиноги еще по-варварски груб, но в нем естественно укореняются более символизированные образы поздней европейской эсотики (так, Святой Грааль – переосмысленный «котел изобилия» кельтской мифологии, но в то же время и символ приобщения к божеству христианской легенды). Совершенно особым образом эсотерическая традиция отражается в «видениях» и «пророчествах», представленных в настоящем сборнике «Историей Талиесина» из «Книги Талиесина», записанной в XIII веке (о ее составе и происхождении см. в примечаниях). В произведениях, приписанных барду VI века Талиесину, причудливо преломляется стилистика индоевропейских священных гимнов, воспеваются эпический герой – поэт и воин и в то же время слышатся отзвуки раннехристианских и гностических философских концепций. Талиесин существовал на самом деле, как и многие из упомянутых в Мабиноги лиц – Максен Вледиг (Магн Максим), короли Уриен и Мэлгон Гвинедд, герой борьбы против Рима Касваллаун и другие. Но для легенды это лишь условные имена, наполняемые сказочным содержанием. Не важно, тождественны ли правитель Думнонии Марх ап Мейрхион и король Марк из легенд о Тристане, король Мерсии Оффа и Осла Длинный Нож, реальный Артур и могучий повелитель Британии – все они вплетаются в причудливый узор «Мабиногион», где меж людей ходят волшебники и полубоги, а среди реальных имен вдруг появляются древние тотемы (например, «кабан» Килох или Рианнон – персонифицированное конское божество). Псевдоистория участвует в Мабиноги героями и сюжетами, но не концепцией. Хотя сочинение Гальфрида было почти наверняка прочитано редакторами сборника, его пафос прославление древнего царства бриттов – остался невостребованным. Действие Мабиноги (кроме «Видения Ронабви») происходит в условном «хронотопе» легенды, но если в начале это доисторическая утопия мифа, то в конце, в «артуровской» части, – внеисторическая утопия рыцарского романа. Здесь исчезают даже столь обильные в «Ветвях Мабиноги» топографические реалии Уэльса; королевство Артура призрачно – у него есть центр (Каэрлеон или Камелот – не важно) и сплошная периферия, «глухой лес», где совершаются рыцарские подвиги. Это тоже интересно, но кельтская специфика сходит на нет.

Такая же метаморфоза происходит в заключительных повестях и с литературной формой. Грубость языка, варварство выражений в ранних легендах сочетаются с яркой, образной речью, индивидуальностью характеров, сложной, иногда ритмизированной конструкцией фраз. Герои Мабиноги принадлежат к числу самых ярких характеров ранней европейской литературы, причем это относится не только к главным, но и к второстепенным персонажам (например, сколько индивидуальности в образе Эвнисиэна из «Бранвен»). Даже речь их меняется в зависимости от обстановки. В «артуровских» повестях континентальное влияние приводит к обилию клише, к «скованности» языка. Текст кажется переводным, и это действительно перевод с языка европейского феодализма на язык валлийского кланового общества, где для каких-то понятий просто нет слов. Здесь по-прежнему встречаются индивидуальные характеры (особенно выделяется Передур), но это тоже уже не валлийцы, а идеальные рыцари Западной Европы.

Конец «Мабиногион» символичен. Это конец кельтского общества, побежденного феодализмом, и конец валлийской средневековой культуры, размытой заимствованиями и чуждыми литературными стандартами. Новой литературе Уэльса суждено было пройти через множество влияний, но и она, и вся европейская словесность испытали на себе очарование сюжетов Мабиноги. Наряду с опосредованным «артуровским» влиянием наблюдалось и прямое, по мере того как

кельтская история и мифология становились достоянием широкой общественности. Жители Британских островов, влюбленные в свое прошлое, принялись всерьез изучать его значительно раньше, чем в других странах. Свою роль здесь сыграли и интерес к истории времен Просвещения, и романтическая ее идеализация, и патриотический подъем кельтского национального возрождения, но главным образом, конечно, становление новых методов научного анализа письменных источников. Издания и переводы «Мабиногион» появлялись параллельно с развитием кельтологии, прежде всего на Британских островах, но также в Германии, Франции и других странах. Появились научные публикации текстов Мабиноги из «Белой книги Риддерха» (1907) и «Красной книги Хергеста» (1887), а также отдельных повестей сборника. Вслед за переводом леди Гест были предприняты еще четыре английских перевода и французский перевод Ж. Лота. Знание Мабиноги и других памятников валлийской литературы необходимо не только кельтологам, но и тем, кто занимается сравнительной мифологией, религиоведением, лингвистикой. Знание Мабиноги обязательно и для специалистов в области средневековой европейской литературы. Знание Мабиноги полезно и всем, кто интересуется историей Британии и Европы в целом. Наконец, знание Мабиноги вводит читателя в совершенно особый мир кельтской традиции, причудливый и непохожий на знакомые нам миры, как реальные, так и вымышленные. Это давно уже оценили творцы сказочной фантастики в разных странах. Сюжеты кельтской мифологии приходят к нам через романы Джона Толкина, Майкла Муркока, Мэри Стюарт. Переведены на русский язык главные ирландские эпические повести, однако другая основная ветвь древней кельтской литературы – валлийская – практически неизвестна русскоязычному читателю.

Первый русский перевод «Мабиногион» носит компромиссный характер. Он рассчитан на вдумчивое и достаточно компетентное чтение. Примечания облегчены и призваны дать читателю общие сведения об истории и мифологии древних кельтов. Всех, интересующихся данной темой более подробно, отсылаем к англоязычной литературе, а также к переводам ирландского эпоса.¹ Остальных просто приглашаем в мир Мабиноги, архаичный и причудливый, мрачный и радостный, открытый не только в далекое прошлое, но и в вечный горизонт человеческой фантазии.

В. Эрлихман

Четыре ветви мабиноги

Пуйл, король Дифеда²

Король Пуйл.³ правил семью частями⁴ Дифеда⁵ Однажды, находясь в своем дворце.⁶ в Ар-

¹ Ирландские саги. Перев. А. А. Смирнова. М. – Л., 1961; Похищение быка из Куальнге. Перев. С.В.Шкунаева и Т.А.Михайловой. – М., 1985; Предания и мифы средневековой Ирландии. Перев. С.В.Шкунаева. – М., 1991.

² *Pwyll Pendewic Dyuet.*

Эта первая из Ветвей Мабиноги дошла до нас в составе Белой книги Риддерха (далее: БК) и Красной книги Хергеста (далее: КК) в двух вариантах, почти не отличающихся друг от друга; отрывки или варианты в других рукописях не обнаружены. Текст скомпонован из двух самостоятельных частей, связанных лишь фигурой главного героя – Пуйла, короля Дифеда, одного из мифо-эпических персонажей валлийской традиции. Большинство действующих лиц «Пуйла» встречается в последующих Ветвях Мабиноги, что позволяет предположить наличие связного цикла легенд, не все из которых нашли себе место в письменном варианте.

Первая часть «Пуйла» представляет собой типичное для кельтского фольклора описание странствия героя в потусторонний мир, после которого он приобретает волшебные качества (не находящие, правда, применения в контексте повествования). Вторая часть описывает женитьбу героя на полубогине Рианнон, ее несправедливое наказание, рождение и детские годы их сына Придери – могучего чародея, появляющегося во всех четырех Ветвях Мабиноги, в отличие от Пуйла, который умирает уже в первой Ветви.

Действие повести происходит в Дифеде, на юго-западе Уэльса, в краю богатых мифологических и литературных традиций, но географические реалии представлены довольно слабо. По особенностям языка текст «Пуйла» отнесен учеными к древнейшему слою письменной обработки мабиноги – примерно к середине XI века. Кроме обилия данных по валлийской мифологии, повесть проливает свет на обычаи древнего Уэльса, на отношения между правителем и его подданными, на положение женщины в обществе и др.

[Примечание редакции: Наш читатель Эли Бар-Ялом пишет, что, если имена передавать по звучанию, то Уэльс называется не Кимру, а Кымри. А Дифед должен быть скорее Дивед. Другие имена переданы по звучанию, а не по написанию.

³ Пуйл (Pwyll) упоминается в ряде генеалогий как предок королевского рода Дифеда, сын Айркол Ллау Хира, ис-

берте⁷ решил он выехать на охоту. Место, куда он собрался, называлось Глин-Кох⁸ И той же ночью он отправился в путь. Добравшись до Ллойн-Диарви, он заночевал там, а на рассвете приблизился к Глин-Кох, пустил собак в чашу и протрубил в рог, объявляя начало охоты. Он устремился вслед за собаками, и его спутники отстали; тут он услышал вместе с лаем своей своры лай других собак, доносившийся со стороны.

И он выехал на лесную поляну и увидел там не своих собак, а чужих, преследовавших большого оленя. На середине поляны они настигли его и повалили наземь. Тогда Пуйл смог разглядеть этих собак, подобных которым он не видел никогда в жизни.⁹ Они были белы как снег, а их уши – красны; и белое и красное сверкало и переливалось. И он подъехал ближе, и отогнал собаку от оленя, и увидел собственную свору.

Подозвав своих собак, он узрел скачущего к нему всадника.¹⁰ на большом сером коне, с охотничьим рогом на шее, одетого в охотничий костюм из серой шерсти. Всадник приблизился и заговорил с ним. «Рыцарь! – сказал он. – Я знаю, кто ты, и я не приветствую тебя». – «Что ж, – ответил Пуйл, – может быть, по своей знатности ты и не должен делать этого»¹¹ «Поистине, – сказал тот, – не моя знатность причиной тому». – «Что же, о рыцарь?» – спросил Пуйл. «Видит Бог, причина – в твоём невежестве и грубости». – «О каком невежестве ты говоришь, рыцарь?» – «Я никогда не знал большего невежества, – сказал тот, – чем отогнать собак, загнавших оленя, и под-

---

торического лица, жившего в VI в. Несмотря на это, реальное существование Пуйла весьма сомнительно из-за присущих ему мифологических черт (или же здесь мы встречаем характерное для кельтской традиции смешение реального лица с его мифическим тезкой или дальним предком). В литературе (в частности, в поэмах из «Книги Талиесина») Пуйл упоминается как чародей, связанный с потусторонним миром (Аннуином). Его имя переводится как «мудрость», «благоразумие», что подчеркивает полученные им в царстве мертвых сверхъестественные знания. Титул его в повести – «*rendeic*», означает «князь, правитель области» (в отличие от короля, «*brenhin*»), что отражает реалии более позднего времени, когда Дифед прекратил существование в качестве независимого королевства.

⁴ Словом «часть» мы здесь и далее переводим валлийский термин «*cantref*», буквально – «сотня трефи». Не знавшие крупных поселений скотоводы-валлийцы жили небольшими общинами, которые носили название «*treff*». «Сотня трефи» была условной единицей, включавшей в себя различное количество общин.

⁵ Древнее королевство Дифед (*Dufed* или *Dyuet*) находилось на юго-западе Уэльса (ныне графство Пемброкшир). Известно с римских времен как область диметов. В 906 г. было присоединено к королевству Дехьюбарт, а позднее, в XII в., завоевано англо-нормандцами. Эта область, находящаяся близко к Ирландии, была в V–VI вв. колонизирована ирландцами Муму (Манстера), что, возможно, объясняет некоторые заимствования из ирландской мифологической традиции, встречающиеся в мабиноги.

⁶ *Llys*, «двор», здесь и далее, в соответствии с легендарной терминологией, переводится как «дворец». Однако на самом деле термин обозначает временное поселение короля или правителя области, в котором он проводит какое-то время (у королей в Уэльсе не было постоянной резиденции, они объезжали подвластные территории, собирая дань (ср. древнерусское «полюдье») и останавливаясь во временных «дворах», чем и объясняются упоминания постоянных переездов королей в мабиноги). Этот «двор» (как и «дворцы» ирландских королей, например, знаменитый Дворец Красной Ветви в столице уладов Эмайн-Махе) представлял собой центральное помещение, состоящее из крытых покоев и зала с множеством столбов, над которыми в случае непогоды могла воздвигаться крыша из дранки или соломы. Вокруг располагались жилища королевских воинов и слуг и хозяйственные постройки; все это окружалось изгородью. При чтении текста следует помнить этот образ валлийского «дворца» и принимать описания роскошества и богатства как сказочную гиперболу, вдохновенную классической литературой.

⁷ Арберт, или Нарберт – одна из частей (*cantrefi*) Дифеда, где часто из-за удобного расположения помещался королевский двор.

⁸ *Glyn* – «долина», в данном случае – долина речки Кох, или Ких, впадающей в Тиви на границе Дифеда и Истрад-Тиви.

⁹ Эти собаки, Свора Аннуина (*Cwn Annwn*), часто встречаются в валлийском и ирландском фольклоре как «дикая охота», сопровождающая злых духов; позже они превратились в символ неукротимого стремления (ср. «красноухие псы желанья» в стихотворении Йетса). Здесь они выступают в роли проводников из реального мира в сказочный.

¹⁰ *Marchauc* (от валл. *march* – «лошадь») – слово, первоначально означавшее «всадник», позже под влиянием англо-нормандской традиции приобрело значение «рыцарь» (как мы далее почти везде и переводим), а также «благородный муж», *chevalier* (что по-французски тоже означает «всадник»).

¹¹ По валлийскому обычаю, при встрече двух людей первым должен был здороваться менее знатный.

пустить к нему собственную свору. Это верх невежливости и, хотя я не стану мстить тебе, – сказал он, – я возьму с тебя цену сотни оленей». – «Рыцарь, – сказал Пуйл, – если я обидел тебя, я возьму обиду». – «И как же ты собираешься возместить ее?» – «По твоей знатности, но я должен знать, кто ты». – «Я король своего королевства». – «Приветствую тебя, господин, – сказал Пуйл, – но как зовется твое королевство?» – «Аннуин,¹² – ответил тот. – Я Араун,¹³ король Аннуина». – «Господин, – спросил тут Пуйл, – как мне добиться твоей дружбы?» – «Есть такой способ, – сказал король. – В моих владениях есть тот, кто мне не подчиняется и постоянно со мною воюет. Это Хафган, король Аннуина. Ты легко можешь освободить меня от него и, сделав это, заслужить мою дружбу». – «Я рад сделать это, – сказал Пуйл, – однако скажи мне как?» – «Я скажу тебе, – отвечал тот, – как это сделать. Я одарю тебя своей дружбой и возьму тебя в мой дворец в Аннуине. Я дам тебе прекраснейшую из женщин, чтобы ты спал с нею каждую ночь; и я придам тебе мой образ и подобие так, что ни паж,¹⁴ ни воин – никто из моих людей не догадается, что это не я. И это будет длиться год и день,¹⁵ пока мы вновь не встретимся на этом месте». – «Согласен, – сказал Пуйл, – но когда я буду жить там, как я узнаю того, о ком ты говоришь?» – «В одну из ночей, – отвечал тот, – мы с ним уговорились встретиться у брода; ты будешь там в моем обличье, и твой первый удар оборвет нить его жизни.¹⁶ И хотя он будет просить тебя нанести ему второй удар, не делай этого, чтобы он не погубил тебя, ибо когда я сделал это, на другой день он опять бился со мною». – «Хорошо, – сказал Пуйл, – однако что будет с моими владениями?» Араун сказал: «Я сделаю так, что ни мужчина, ни женщина в твоих владениях не отличат меня от тебя, и займу твое место». – «Тогда я отправляюсь в путь», – сказал Пуйл. «Твой путь будет чистым, и ничто не мешает тебе достичь Аннуина, ибо я сам поведу тебя».

И он вел его, пока не достигли они жилых мест и дворца. «Смотри, – сказал Араун, – дворец и королевство в твоём распоряжении. Входи, и все признают тебя за меня, и ты увидишь, что тебе надо делать». И Пуйл вошел во дворец и увидел там спальни, и залы, и покои,¹⁷ чудно украшенные, каких он никогда не видел. И он прошел в комнату, и бывшие там пажи и юноши приветст-

¹² Annwyn (Annwn) – название царства мертвых в валлийской мифологии, под влиянием христианства ставшее затем обозначением ада. Значение слова восходит к и.-е. *dheubhno – «темный, глубокий» (отсюда русское «дно»). От этого слова в кельтских языках происходит название «нижнего» мира dubpoili dumno-(Н р л. domuin – «мир»), противопоставленного «верхнему» миру, название которого связано с albio – «светлый», например, валл. eifydd или Albion, древнее имя Британии, часто ошибочно связываемое с лат. albus, «белый». Оба эти слова, по-видимому, употреблялись в значении «мир», что показывают имена правителей типа Думнорикс, Альбиорикс и т. п. Слово «Annwyn» может происходить от *an-dubno – («не-мир») или от *ande-dubno («очень глубоко»).

По кельтской традиции попасть в потусторонний мир довольно просто, особенно в определенные дни года и в определенных местах; случайно или намеренно попавшие туда люди часто получают там чудесные знания или свойства, но из-за того, что время там течет иначе, чем на земле (или вообще стоит на месте), они возвращаются в мир людей через много лет (см. популярные ирландские «плавания» в потусторонний мир).

¹³ Король Аннуина Араун (Arawn), не носящий здесь характерных черт властелина подземного царства, упоминается также в прозаическом комментарии к поэме «Кад Годдеу» из «Книги Талиесина» (см.).

¹⁴ Здесь словом «паж» переводится термин «gwas ystauell», одна из должностей двора. Обычно молодые приближенные короля обозначались словом «tасwуf», относящимся к сыновьям общинников от 14 до 21 года, которые, по валлийскому обычаю, проходили при дворе обучение воинскому делу. Кроме них, у короля была небольшая постоянная дружина (teulu), члены которой обозначаются далее как «воины». Термин «tасwуf» переводится далее как «паж» или «юноша». Само слово происходит от ирл. maccóim – «юноша» (ср. mac – «сын»).

¹⁵ «Год и день» – обычный срок валлийского права, особенно при возврате долга.

¹⁶ Жертвоприношения и прочие обряды совершались, как правило, в лиминальных (пограничных) ситуациях – на рубеже стихий (на опушке леса, у брода и т. п.) или на краю поселения. Считалось, что в таких местах потусторонние существа теряют силу и их можно одолеть (ср. охоту на кабана Турха Труйта в «Килохе» или убийство Ллеу Ллау Гифса в «Мате, сыне Матонви»).

Поединок Пуйла и Хафгана представляет собой классическое ритуальное действие, совершаемое ежегодно для восстановления или поддержания космического равновесия (ср. поединок Гвина, сына Нудда, с Гуитиром в «Килохе», происходящий каждый год до Страшного суда). В одной из ирландских саг король-волшебник Ку Рои также сражается со своим противником каждый год в день Самайна (1 ноября), когда ирландцы отмечали календарный праздник начала зимы.

¹⁷ Как уже отмечалось, «зал» (neuadd) и «покои» (ystafell) – две основные части валлийского «дворца» (llus).

вовали его. Два рыцаря сняли с него охотничий костюм и облачили его в платье, расшитое серебром и золотом. И вошел он в зал, и увидел там стражей и свиту, самую пышную из виденных им, и с ними королеву, прекрасную даму в золоченом шелковом¹⁸ наряде. И они умылись и сели за стол. По одну сторону от него села королева, по другую же – некий граф¹⁹

И он заговорил с королевой, и показалось ему по ее речам, что она самая благодетельная и чистосердечная дама из всех. И они ели, и пили, и пели, и веселились,²⁰ и ни один дворец на земле не мог сравниться с этим по изобилию еды, питья и драгоценной утвари.

Пришло время им ложиться спать,²¹ и они пошли спать с королевой. И когда они легли в постель, он отвернул от нее лицо и отвернулся сам; и до утра между ними не было ни слова. Наутро же они вновь вели благородную и изящную беседу. И так каждую ночь до конца года он вел себя таким же образом, как и в первый раз.

И год прошел в охоте, в песнях и празднествах и в веселье с придворными, пока не настала ночь, назначенная для битвы и об этой ночи знали во всех уголках королевства, так что, когда он пошел к месту встречи, с ним пошли все его люди.²² И, подойдя к броду, увидели они там всадника, который сказал: «Слушайте, люди! Это спор между двумя королями за землю и власть, и только между ними. А вы стойте в стороне и ждите исхода схватки».

И они сошлись на середине брода, и первым ударом тот, кто был в обличье Арауна, поразил Хафгана в центр щита так, что щит раскололся пополам и сам Хафган оказался на земле, его нога запуталась в стремени,²³ и он был смертельно ранен. «О рыцарь! – воззвал Хафган. – Я не сделал тебе ничего дурного. Я не знаю, зачем тебе моя смерть. Но, ради Бога, если ты сделал это, доверши то, что начал». – «Рыцарь, – ответил тот, – я сделал с тобою то, что сделал. Обратись к своим людям, я не могу добить тебя». – «Мои верные слуги! – промолвил Хафган. – Оставьте меня. Пришла моя смерть, и я не могу больше править вами».

«Люди! – сказал и тот, кто был в обличье Арауна. – Посоветуйтесь и скажите, кто из вас хочет служить мне». – «Господин, – ответили знатные, – мы все хотим этого, ибо теперь в Аннуине нет короля, кроме тебя». – «Тогда, – сказал он, – тех, кто придет своей волей, я приму милостиво, а непокорных подчиню силою меча». И он получил клятву верности²⁴ от знатных, и оба королевства уже на следующий день оказались в его власти. После этого он сел на своего коня и отправился в Глин-Кох.

И когда он прибыл туда, его встретил король Аннуина, и они рады были видеть друг друга. «Поистине, – сказал Араун, – Бог воздаст тебе за оказанную мне услугу, о которой я уже знаю. Возвратись же в свои владения, и ты увидишь, что я сделал для тебя». – «Что бы ты ни сделал, – сказал Пуйл, – пусть Бог воздаст и тебе». После Араун вернул Пуйлу, королю Дифеда, его образ и

¹⁸ Слово «*rali*», часто встречающееся в тексте, обозначает парчу или золоченый шелк – самую роскошную в то время ткань, поставляемую в Уэльс из Франции.

¹⁹ Слово «*iarll*» (от скандинав. *Jarl* – «ярд») после утверждения в Уэльсе феодализма стало применяться в значении «граф».

²⁰ Словом «веселье» или «пир» мы переводим валлийский термин «*cyfedach*», собственно, означавший время после еды, когда гости напивались допьяна, слушая песни и занимательные истории, в число которых, несомненно, входили и сюжеты мабиноги.

²¹ В первом английском переводе Ш. Гест, руководствуясь нормами викторианской морали, выпустила всю последующую сцену и некоторые другие «вольные» места в мабиноги. Между тем эта сцена характеризует как качества главного героя, так и сложившийся в Уэльсе куртуазный идеал, оказавший, возможно, влияние на формирование идеологии европейского рыцарства.

²² *Gwrda* – собственно, означает «добрый муж»; употреблялось в значении полноправных общинников, обладающих собственностью (наподобие англосаксонского «тан»). Здесь передается как «люди».

²³ Эта формула, часто встречающаяся в тексте, возможно, отражает заимствование из практики рыцарского турнира, поскольку для Уэльса конные поединки не были характерны, хотя в целом единоборство предводителей «за землю и власть» встречается в кельтской традиции.

²⁴ Это тоже отражает проникновение в Уэльс феодальных обычаев и терминологии. Слово «*gwrogaeth*» – калька с французского «*hommage*», феодальная присяга на верность.

подобие и сам обрел свой вид и отправился в свой дворец в Аннуине, где рад был видеть своих придворных, которых не видел долгое время. Они же не знали о его отсутствии и удивились его появлению не более чем всегда. И этот день прошел у них в веселье и развлечениях, и он сидел и беседовал с женой и приближенными. И когда время сна сменило время веселья, они отправились на покой.

Король лег в постель, и к нему пришла жена. Он заговорил с нею, и они разделили удовольствие. И, будучи лишена внимания целый год, она задумалась. «Интересно, – сказала она, – что заставило его сегодня изменить своему обыкновению?» Она думала долгое время, и он встал и обратился к ней дважды и трижды, но не получил ответа. Он спросил: «Почему ты не говоришь со мной?» – «Господин, – сказала она, – не могу я сразу выговориться за целый год». – «О чем ты? – спросил он. – Ведь мы говорили всегда». – «О, стыд! – воскликнула она. – Ведь уже год до вчерашнего вечера с момента, как мы ложились в постель, между нами не было ни разговоров, ничего другого, и ты даже не повернул ко мне лица». Король весьма удивился и подумал: «Клянусь, я нашел человека, чья дружба тверда и нелживаа». Потом он сказал жене: «Госпожа, не брани меня. Видит Бог, я не спал на одной кровати с тобою весь этот год до прошлой ночи». И он рассказал ей всю историю. «Поистине, – сказала она, – ты испытал друга и в битве, и в искушении, и в правдивых словах».

В это время Пуйл, король Дифеда, прибыл в свои владения и начал расспрашивать своих приближенных о том, что случилось за год. «О господин, – сказали они, – твоя милость никогда еще не была так велика, ты никогда не был столь добр к своим слугам, никогда так щедро не расточал даров, и твоя власть никогда не была справедливее, чем в этот год». После этого Пуйл поведал им все. «Поистине, господин, – сказали они, – надо возблагодарить небо за то, что ты обрел такого друга, и не нужно менять установленных им порядков». – «Видит Бог, – сказал Пуйл, – я не стану их менять».

И после этого короли укрепили дружбу между собой и посылали друг другу коней, и борзых, и соколов, и все, что они считали приятным друг для друга. И по причине того, что он жил год в Аннуине, и правил там столь удачно, и объединил два королевства в один день своим мужеством и отвагой, его стали называть не Пуйл, король Дифеда, но Пуйл, Государь Аннуина.

Однажды он был в Арберте, в своем главном дворце, где готовился праздник для него и его приближенных. И после обеда Пуйл решил подняться на вершину холма за дворцом, что назывался Горседд Арберт.²⁵ «Господин, – сказал один из придворных, – у этого холма есть свойство, что если кто-либо из знатных взойдет на него, он не спустится, не будучи зачарован или не увидев какого-нибудь волшебства». – «Я не боюсь чар в такой близости от моего дворца; что до волшебства, то я с удовольствием его увижу, – сказал он, – я пойду и сяду на вершине холма».

И он с придворными сел на холме. И, сидя там, они увидели даму на прекрасном белом коне, в сияющем золотом одеянии, которая ехала по дороге, ведущей к холму. Конь ее, казалось, двигался почти шагом. «Люди, – спросил Пуйл, – кто среди вас знает эту даму?» – «Никто, господин», – отвечали они. «Пойдите кто-нибудь, – приказал он, – встретьте ее и узнайте, кто она такая». И один из них встал и вышел на дорогу, когда она проезжала, и он пустился за нею так быстро, как только мог, но чем быстрее он бежал, тем дальше она была от него. И, увидев, что он не в силах ее догнать, он вернулся к Пуйлу и сказал ему: «Господин, никто во всем мире не может догнать ее пешком». – «Тогда, – сказал Пуйл, – ступай во дворец, возьми там самого резвого скакуна и поезжай за нею».

И тот взял коня и устремился в погоню. Он выехал в поле, пришпорил коня, но чем больше он его погонял, тем дальше от него была всадница. Он совсем загнал лошадь, пока не убедился, что ему не догнать ее; тогда он вернулся к месту, где был Пуйл. «О господин, – сказал он, – бесполезно преследовать эту даму. Я не знаю на свете коня быстрее этого, и он не смог догнать ее». Пуйл сказал: «Должно быть, это и есть волшебство. Давайте вернемся во дворец». И они вернулись во дворец и провели там день. И настал следующий день, и пришло время обеда. После пира Пуйл сказал: «Теперь мы, те же, кто был вчера, подыдемся на вершину холма. А ты, – сказал он одному из придворных, – возьми с собою самого быстрого коня». И тот сделал это.

Они поднялись на холм вместе с конем и, присидев там немного времени, увидели даму на

---

²⁵ Слово «gorsedd» обозначает, собственно, не холм, а насыпной курган, на каких обычно устраивались народные собрания. Такие курганы часто связывались с магией и волшебством подобно ирландским «сидам».

том же коне и в том же одеянии, едущую по той самой дороге. «Смотрите! – сказал Пуйл. – Вот и вчерашняя всадница. Будь готов, юноша, – обратился он к придворному, – узнать, кто она». – «Я с радостью сделаю это, господин», – ответил тот.

В это время всадница приблизилась к ним. Юноша подбежал к коню, но, прежде чем он вскочил в седло, она проехала мимо, и между ними пролегло большое расстояние. Однако ее скорость была такую же, как и в предыдущий день. Пока конь юноши шел тихо, всадница приближалась, но как только юноша пришпорил коня, она отдалилась так, что он едва мог ее разглядеть. И чем больше он погонял коня, тем дальше она становилась, хотя конь ее двигался так же медленно. Когда он увидел, что не может ее догнать, он вернулся к месту, где был Пуйл. «Господин, – сказал он, – ты видишь, конь не в силах ее догнать». – «Я вижу, – сказал Пуйл, – что бесполезно кому-либо из вас пытаться настигнуть ее. Видит Бог, она едет к кому-то в этой местности, если только ее неторопливость позволит до него добраться. Вернемся же во дворец». И, вернувшись во дворец, они провели день в увеселениях, пока не отошли ко сну.

Следующий день прошел так же, как предыдущие, и настало время обеда. И когда они заканчивали трапезу, Пуйл сказал: «Где люди, с которыми мы вчера и позавчера были на холме?» – «Мы здесь, господин», – сказали они. «Пойдемте, – сказал он, – и сядем на вершине холма. Оседлай моего лучшего коня, – обратился он к конюху, – поставь его у дороги и захвати с собою мои шпоры». И слуга сделал это. Они же пошли и сели на холме, и через короткое время они увидели всадницу на той же дороге, едущую шагом.

«Юноша, – сказал Пуйл, – я вижу всадницу, веди скорее моего коня». Он сел на коня, и когда он сделал это, всадница уже проехала мимо. Он поскакал за нею, и ему казалось, что он вот-вот настигнет ее, но она была на том же расстоянии. Тогда он пустил коня шагом и тут же оказался рядом с нею.

«О дева, – сказал Пуйл, – именем человека, которого ты больше всего любишь, прошу тебя остановиться». – «Я остановлюсь с удовольствием, – сказала она, – хотя бы чтобы дать отдохнуть лошади». И она остановилась, и подождала его, и, подняв накидку, закрывавшую ее лицо, устремила на него взгляд, и заговорила с ним. «О дева, – спросил он, – откуда ты и куда держишь путь?» – «Я еду по своему делу, – ответила она, – и я рада тебя видеть». – «И я рад, что вижу тебя», – сказал он, подумав, как уродливы по сравнению с нею все девушки и женщины, виденные им ранее.

«Госпожа, – сказал он, – поведай мне о своем деле». – «Мое главное дело, – ответила она, – было отыскать тебя». – «Так и для меня, – сказал Пуйл, – твое появление стало главным. Скажи же мне, кто ты?» – «Я скажу тебе, господин, – ответила она. – Я Рианнон,²⁶ дочь Хэфайдда Старого,²⁷ и меня хотели выдать замуж против моей воли. Но я не хотела этого потому, что люблю одного тебя, и не покину тебя, если ты только не прикажешь.²⁸ Вот я пришла и жду твоего ответа». – «Клянусь Богом, вот мой ответ, – сказал Пуйл, – если бы я мог выбирать из всех знатных дам и дев мира, я выбрал бы только тебя». – «Тогда, – сказала она, – если такова твоя воля, женись на мне, пока я не стала женой другого». – «Я женюсь на тебе как можно скорее, – сказал Пуйл, – как только ты пожелаешь». – «Я приглашаю тебя через год и день во дворец моего отца. Я подготовлю

²⁶ Рианнон (Rhiannon) – один из главных персонажей Ветвей Мабиноги. Ее образ и имя унаследованы от древней кельтской богини-матери, известной в Галлии и Британии как Ригантона (Rigantona, «царица» (или Эпона) Еропа, от и.-е. *ekwo-, «лошадь»). Эта богиня тесно связана с плодородием и конским культом; отсюда «конские» обязанности, которые выполняет Рианнон во время своего несправедливого наказания, и отождествление ее сына. Придери с жеребенком. В повести подчеркиваются также свойственные Рианнон сила и мудрость, характерные и для ирландских «конских» героинь, например, для Махи из саги «Недуг уладов». Маха, бегающая быстрее лошади и обладающая колдовской силой, выступает как одна из трех богинь войны (иногда они именуются тремя Махами). Еще одна богиня войны, Морриган (имя, возможно, соотносится с Рианнон и обозначает «царица смерти»), отличается кровожадностью и странствует в сопровождении воронов – птиц смерти и мудрости. Упоминаемые далее «птицы Рианнон» также представляют собой «вещих» птиц – неперемных спутников мудрой богини, а позже – колдуньи.

²⁷ Хэфайдд Старый (Heveidd Hen) – по данным триад, сын Блейддина из Гламоргана, один из Трех королей, заслуживших королевство не по праву наследования, а благодаря своим достоинствам.

²⁸ Здесь отражено брачное право в древнем Уэльсе. Невесту обычно выдавал замуж ее ближайший родственник по мужской линии, но она могла не согласиться с его выбором и выбрать себе мужа против желания рода; при этом она, однако, лишалась своих имущественных прав в качестве члена рода.

празднество к твоему прибытию». – «Хорошо, – сказал он. – Я буду там и женюсь на тебе». – «Господин, – сказала она, – будь здоров и помни свое обещание. Сейчас же я должна удалиться».

Тут они расстались, и он вернулся к своим спутникам. И на все вопросы о его встрече с всадницей он переводил разговор на другие предметы.

И спустя год настал назначенный для встречи срок. И он снарядил сотню рыцарей и отправился с ними во дворец Хэфайдда Старого. И он прибыл туда, и во дворце возрадовались его прибытию, и собрался народ, и было общее веселье. И все припасы дворца были в его распоряжении. Приготовлен был зал, и они сели за столы так: Хэфайдд Старый рядом с Пуйлом, и Рианнон на другой стороне стола, и прочие, по их знатности.

И они ели, и веселились, и беседовали, и в конце пира увидели высокого светловолосого юношу благородного вида в шелковом наряде, расшитом серебром. И, войдя в зал, он приветствовал Пуйла и сидевших с ним. «Милость Божия с тобой, друг мой, – сказал Пуйл, – входи и садись». – «Не могу, – сказал тот, – я послан, чтобы передать тебе нечто». – «Говори же», – сказал Пуйл. «Господин, – сказал тот, – я хочу обратиться к тебе с просьбой». – «Клянусь, что, какой бы ни была твоя просьба, я выполню ее, если это в моих силах!» – «О! – сказала Рианнон, – для чего ты дал это обещание?» – «Он дал его, госпожа, и все тому свидетели», – сказал юноша. «Друг мой, – сказал Пуйл, – так в чем же твоя просьба?» – «Дама, которую я люблю, должна сегодня стать моей женой, и я прошу тебя устроить здесь свадебный пир».²⁹ И Пуйл замолчал, ибо он не мог ничего ответить. «Молчи сколько хочешь, – воскликнула Рианнон, – никто из людей не проявлял еще так мало ума, как ты». – «Госпожа, – сказал он, – я не знал, кто это». – «Это тот человек, который домогался меня против воли, – сказала она, – Гуал, сын Клида, муж, богатый стадами, и после того, что ты обещал, не отдать меня ему будет для тебя позором». – «Госпожа, – сказал он, – я никогда не сделаю этого, ибо я не знал, о чем этот человек попросит». – «Отдай меня ему, – сказала она, – но я сделаю так, что он никогда меня не получит». – «Как ты сделаешь это?» – спросил Пуйл. «Я дам тебе маленький мешочек,³⁰ – ответила она, – храни его бережно. Он просит у тебя пира, но скажи ему, что это не в твоей власти, я же даю пир для гостей и своих придворных. Дальше моя забота, – сказала она, – а я пообещаю ему выйти за него через год и день. И в конце этого года ты должен быть здесь с этим мешком, а рыцарей своих скрой в саду. И когда начнется пир, войди в одежде нищего и с этим мешком в руках и попроси лишь наполнить этот мешок едой. Я же, – сказала она, – сделаю так, что вся еда и питье в этих семи землях не заполнят его. И когда он спросит тебя, не наполнился ли мешок, ты ответишь, что он не наполнится, пока муж знатный и богатый не ступит на него и не придавит еду ногами. Когда он встанет туда, быстро подними мешок, и он уйдет в него с головой. И как только он окажется в мешке, труби в рог и зови своих рыцарей».

«Господин, – сказал Гуал, – уже долго я жду ответа на свою просьбу». – «Хотя ты и попросил многого, – сказал Пуйл, – ты получишь все, что в моей власти». «Друг мой, – сказала Рианнон, – нынешний праздник я даю в честь гостей из Дифеда и для моих придворных, поэтому я не могу подарить его тебе. Через год и день будет пир для тебя, мой друг, и на нем я стану твоей женой».

И Гуал отбыл в свои владения, и Пуйл тоже вернулся в Дифед. И прошел год, и настал срок пира во дворце Хэфайдда Старого. Гуал, сын Клида, пришел на праздник, что был устроен в его честь, и он вошел во дворец, и там возрадовались его прибытию. А Пуйл, Государь Аннуина, прятался в саду с сотней рыцарей, как посоветовала ему Рианнон, и с ним был чудесный мешок. И он оделся в старые лохмотья и надел на ноги грубые деревянные башмаки. И когда начался пир, он вошел прямо в зал и, войдя, приветствовал Гуала, сына Клида, и всех сидящих с ним, мужчин и женщин.

«Помоги тебе Бог, странник, – сказал Гуал, – чего ты хочешь?» – «Господин, – сказал

²⁹ Валлийская свадьба сводилась к свадебному пиру, устраиваемому для членов родов жениха и невесты. После этого они считались мужем и женой. Обычное обозначение женитьбы в валлийской терминологии – «cysgu genthi» («спать вместе»). Мы сохраняем этот термин в некоторых местах из-за его своеобразного грубого колорита.

³⁰ Волшебный мешок, популярный в валлийском фольклоре, родственен волшебному котлу или чаше с неиссякаемым содержимым, из которых питаются души умерших в загробном мире. Образ, особенно популярный в ирландской мифологии (котел Дагда), часто встречается в мабиноги, а позже находит отражение в таинственных свойствах Святого Грааля.

Пуйл, – пусть Бог хранит тебя, у меня есть к тебе просьба». – «Что ж, – сказал Гуал, – если твоя просьба разумна, я с радостью ее исполню». – «Я прошу совсем немногого, господин, – сказал Пуйл, – наполни этот маленький мешок едой». – «Ну, это скромная просьба, – сказал тот, – и я исполню ее. Дайте ему еды!» – велел он.

И вошли многие слуги и принялись наполнять мешок, но, сколько они туда ни клали, мешок не становился полнее. «Друг мой, – спросил Гуал, – твой мешок еще не полон?» – «Он не наполнится ничем, что в него ни положишь, клянусь Богом, – сказал Пуйл, – пока владеющий землями и богатствами не встанет сверху и не придавит еду ногами». – «О мой друг, – сказала Рианнон Гуалу, сыну Клида, – стань скорее на этот мешок». И он поднялся с места и стал обеими ногами в мешок. Тогда Пуйл поднял мешок так, что Гуал оказался в нем с головой, и быстро затянул мешок ремнем, и завязал его, и протрубил в рог. И вот во дворец вбежали его люди, и они схватили тех, кто был с Гуалом, и бросили их в темницу.

И Пуйл скинул грязные лохмотья и старые башмаки, и когда входили его придворные, они били мешок и спрашивали: «Кто там?» – и отвечали: «Барсуку». И каждый из них ударил по мешку ногой или палкой. И так они играли; каждый, входя, спрашивал: «Что это вы делаете?» – «Мы играем в барсука в мешке», – отвечали те. Так возникла эта игра.³¹

«Господин, – сказал человек в мешке, – выслушай меня; мне не суждено быть забитым в мешке». – «Господин, – сказал тут и Хэфайдд Старый, – он говорит верно. Твое право не слушать, но такая смерть недостойна его». – «Тогда, – сказал Пуйл, – посоветуйте, что мне с ним сделать?» – «Вот совет для тебя, – сказала Рианнон, – ты теперь должен быть милостив к просителям; оставь его там, пока он не пообещает отказаться от мести. И этого наказания будет с него довольно». – «Я сделаю все, что вы просите», – сказал человек в мешке. «И я согласен с советом Хэфайдда и Рианнон», – сказал Пуйл. «Да, таков наш совет», – сказал Хэфайдд. «Я принимаю его, – сказал Пуйл. – Пусть пригласят поручителей».³² «Мы свидетельствуем за него, – сказал Хэфайдд, – пока не освободились его люди, чтобы сделать это». И Гуал вылез из мешка, и его люди были освобождены. «Теперь от Гуала требуется поручительство в том, о чем он знает», – сказал Хэфайдд. Гуал подписал и сказал: «Теперь подпиши ты, господин». – «Пусть за меня подпишется Рианнон», – сказал Пуйл. И поручители согласились с этим. И Гуал сказал: «Я ранен и получил много ушибов. Мне нужно омыться,³³ я удалюсь. Я оставлю своих людей, чтобы они отвечали за меня». – «Хорошо, – сказал Пуйл, – ты можешь идти». и Гуал отправился в свои владения.

И после был приготовлен зал для Пуйла, и его людей, и для жителей дворца, и они сели за столы так же, как сидели год назад. И они ели и веселились, и, когда пришло время ложиться спать, Пуйл с Рианнон прошли в свои покои и провели ночь в удовольствии и любви.

И наутро в начале дня Рианнон сказала: «Господин, вставай и прими поэтов и просителей и не отказывай сегодня никому в своей щедрости». И Пуйл встал, и выслушал все просьбы поэтов, и наделил каждого по его хотению. И праздник продолжался, и никому не было отказано в участии.

Когда же празднество закончилось, Пуйл сказал Хэфайдду: «Господин, с твоего позволения я завтра возвращусь в Дифед». – «Хорошо, – сказал Хэфайдд, – подожди немного, и Рианнон приедет к тебе».³⁴ – «Клянусь Богом, – сказал Пуйл, – мы поедем вместе». – «Ты хочешь этого, господин?» – спросил Хэфайдд. «Да, видит Бог», – ответил Пуйл. И на следующий день они отправились в Дифед и прибыли в Арберт, где для них уже готов был праздник. И к ним навстречу вышли знатные этой страны, и ни мужчину, ни женщину Рианнон не обделила богатыми подарками, будь то кольцо, или браслет, или ожерелье. И они благополучно правили страной год и другой.

³¹ Игра в «барсука в мешке», распространенная в Средневековье настолько, что понадобилось даже придумывать ее происхождение, до наших дней не дошла, и относительно ее сущности можно только догадываться.

³² Поручительство было обязательным в Уэльсе при заключении любых договоров, но упомянутая далее подпись – более поздняя новация.

³³ Валлийцы вообще мылись часто; в каждом trefi была общая баня. См. частые упоминания о бане в тексте мабиноги.

³⁴ Как и у других народов, в Уэльсе невеста после свадьбы оставалась некоторое время в родительском доме, после чего торжественно, со свадебным эскортом, переезжала в дом к мужу.

А на третий год мужи страны опечалились, видя человека, любимого ими, своего господина и кровного брата, лишенным потомства. И они попросили встречи с ним и встретились вместе, что называется Пресселеу в Дифеде. «Господин, – сказали они, – мы видим, что ты уже старше многих мудрей этой страны, и печалимся, что нет у тебя потомства от твоей жены. Возьми другую жену, от которой ты сможешь иметь детей. Может быть, ты желаешь того, что есть, но мы этого не потерпим». – «Однако, – сказал им Пуйл, – мы еще не так давно вместе, и многое может случиться. Подождите до конца года, и если через год ничего не изменится, я последую вашему совету». Такой срок они установили.³⁵

И не успело это время пройти, как у него родился сын. Он родился в Арберте, и в эту же ночь послали няnek присматривать за матерью и дитем. Няньки спали рядом с матерью мальчика, Рианнон. И этих няnek в покоях было шестеро. И они полночи не спали, а потом их сморил сон, и они пробудились только с криком петуха. И, поглядев туда, где они оставили младенца, они не увидели его. «О! – воскликнула одна из няnek, – младенец пропал!» – «Верно, – сказала другая, – и нам не миновать костра или меча».³⁶ – «Кто же, – спросила третья, – скажет, что нам делать?» Тут одна из них сказала: «У меня есть хороший совет». – «Какой?» – спросили другие. «Здесь есть сука со щенятами, – сказала она. – Давайте уьем этих щенят, и вымажем кровью лицо и руки Рианнон, и положим возле нее кости, будто она сама разорвала собственное дитя. И она не сможет оправдаться против нас шестерых». И они так и поступили.³⁷

Днем Рианнон проснулась. «Няньки, – спросила она, – где мое дитя?» – «Госпожа, – сказали они ей, – не спрашивай о своем сыне. Мы бы не добились ничего, кроме ран и увечий, борясь с тобой, ибо нет женщины сильнее тебя, и не нам тебе противиться. Ты сама сгубила своего сына – вот его кровь». – «Увы! – вскричала Рианнон, – Бог, который знает все, знает и то, что это ложь. Если вы чего-то боитесь, я клянусь защитить вас». – «Поистине, – сказали они, – мы никому не позволим причинить нам зло». – «Так и правда не причинит вам зла», – сказала она. Но на все ее слова, рассудительные или жалобные, у них был один ответ.

Тут Пуйл, государь Аннуина, проснулся, и проснулись также его воины и придворные. И нельзя было утаить этот случай. Рассказ о нем разнесся по стране, и все люди это слышали. И они собрались для встречи с Пуйлом, требуя, чтобы он оставил жену из-за ее ужасной жестокости. На это Пуйл ответил: «У вас нет причин требовать развода из-за отсутствия у меня потомства. Мы знаем, что у нее был ребенок, и я не разведусь с ней; если же она виновна, придумайте ей наказание».³⁸

Тут созвали наставников и мудрецов, и, поскольку Рианнон предпочла понести наказание, чем спорить с няньками, она приняла то, что ей назначили. А назначенное ей наказание было оставаться в замке в Арберте до истечения семи лет, и сидеть каждый день возле каменной глыбы, что лежала у ворот, и рассказывать эту историю всем входящим, кто, как она думала, ее не знает, и предлагать всем, кто захочет, везти их во дворец на спине. Однако никто не позволял ей делать этого. И так прошел остаток года.

---

³⁵ Здесь отражен обычай родового общества, по которому правитель должен взять другую жену, если первая не обеспечивает ему потомства (etifedd). Знаменательна решительность общинников, вмешавшихся в личную жизнь своего короля. В Уэльсе их роль была меньше, чем в Ирландии, где родовые традиции были еще крепче, но и в Уэльсе король был обязан советоваться с народом на периодических собраниях.

³⁶ Слово «lloski» («сожжение»), возможно, отражает давний обычай кельтов сжигать преступников в гигантском чучеле, сплетенном из прутьев, в качестве жертвы богам. Этот обычай описан античными авторами и документально подтвержден раскопками в Наван-Форт (Ирландия). В историческое время, однако, сожжение как вид казни в Уэльсе не применялось, и, быть может, слово «lloski» употреблено здесь в значении клеймения раскаленным железом – наказания, принесенного в Уэльс англо-нормандцами.

³⁷ Убийство матерью-богиней собственного сына и его последующее воскрешение – популярнейший сюжет земледельческой мифологии (иногда молодого бога убивают посторонние злые силы). Последующее воспитание жеребенка-Придери Тейрнионом – «земная» инициация бога-сына, одновременно являющаяся отголоском валлийского обычая отдавать сыновей знати в воспитание родичам или побратимам – см. последующее воспитание Придери Пендаран Дифедом.

³⁸ Пуйл вступает здесь в противоречие с родом, и формально он прав, ибо поступок Рианнон предусматривает определенное законом наказание, но не развод.

В это время Тейрнион Ториф Флиант владел Гвент Искоуд,³⁹ и был он лучшим человеком в мире. И в его доме жила кобыла, прекраснее которой не было во всем королевстве. Каждый год на первый день мая она жеребилась, но жеребята пропадали неведомо куда. И вот однажды Тейрнион сказал своей жене: «Госпожа, не везет нам с жеребятами от нашей кобылы!» – «Что же тут можно поделывать?» – спросила жена. «Сегодня канун первого мая, – сказал он, – и, клянусь Богом, я узнаю, куда деваются мои жеребята!»

И он велел ввести кобылу в дом, и сам вооружился, и начал ждать ночи. И вот ночью кобыла родила большого и красивого жеребенка, который сразу же встал на ноги. Тейрнион взглянул и подивился на его красоту, и тут вдруг он услышал великий шум, и вслед за этим огромная когтистая лапа просунулась в окно и схватила жеребенка. Тогда Тейрнион выхватил меч и с такой силой ударил по лапе, что часть ее отвалилась и вместе с жеребенком упала к его ногам. И после этого был шум и дикий вой. Он отворил дверь и выскочил наружу, но не увидел шума,⁴⁰ из-за полной темноты. Тут он вспомнил, что не запер дверь, и поспешил вернуться. И у входа лежал младенец в пеленках, завернутый в шелковый плащ. И он взял младенца и увидел, что тот очень здоров для своего возраста. Он запер дверь и вошел в зал, где была его жена. «Госпожа, – позвал он, – ты спишь?» – «Нет, господин, – сказала она, – я спала, но проснулась, когда ты вошел». – «Вот дитя для тебя, – сказал он, – ведь нет у тебя своих детей». И он рассказал ей всю историю. «Господин, – спросила она, – а в какое одеяние был завернут этот младенец?» – «В шелковый плащ», – ответил он. – «Наверное, он сын знатного человека, – сказала она, – мой господин, послушай, что я придумала. Я созову своих подруг и по секрету расскажу им, что я беременна». – «Хорошо, сделай это», – сказал он. И они так сделали и, окрестив после ребенка⁴¹ дали ему имя Гориваллт Эурин,⁴² ибо волосы на его голове были желтыми, как золото.

Мальчика нянчили в доме, пока ему не исполнился год. Через год он уже мог ходить и выглядел как ребенок трех лет, даже больше, по росту и силе. И когда ему пошел второй год, он выглядел как шестилетний. А в конце своего четвертого года он уже ездил с лошадьми на водопой.

«Господин, – спросила однажды жена у Тейрниона, – где тот жеребенок, которого ты спас в ночь, когда нашелся мальчик?» – «Я отдал его конюхам, – ответил он, – и велел присматривать за ним». – «Не лучше ли было бы, господин, – сказала она, – отдать его мальчику, ведь они вместе появились в нашем доме». – «Я не против, – сказал Тейрнион, – и я отдам его мальчику». – «Господин, – сказала она, – пусть Бог вознаградит тебя». И коня отдали мальчику и велели конюхам обучить его, чтобы мальчик мог на нем ездить.

И в это время они слышали историю о Рианнон, о ее проступке и наказании. И Тейрнион Ториф Флиант внимательно выслушал эту историю и просил каждого, кто приходил в дом, вновь и вновь рассказывать о печальной судьбе Рианнон.

После этого Тейрнион много думал, и смотрел на мальчика, и увидел, что никто из сыновей не походит так на отца, как мальчик был похож на Пуйла, Государя Аннуина. Он хорошо знал Пуйла, ибо когда-то служил у него. И он опечалился, что держит у себя сына другого человека, и на досуге сказал жене, что мальчик – сын Пуйла, Государя Аннуина, что зазорно держать его у себя, когда такая благородная дама, как Рианнон, несет несправедливое наказание. И жена Тейрниона согласилась, что они должны отослать мальчика к Пуйлу. «И этим, господин, – сказала она, – мы приобретем три вещи: благодарность Рианнон за освобождение ее от наказания, благодарность Пуйла за спасение и воспитание его сына, и третье – если мальчик вырастет благородным, он будет нашим приемным сыном и сделает нашу старость спокойной». Так они и порешили.

И не позже чем на следующий день Тейрнион собрался с двумя конными, и четвертым был мальчик на подаренном ему коне. И они направились в Арберт и через короткое время были там. И, войдя во двор, они увидели Рианнон, сидящую возле каменной глыбы. Когда они поравнялись с

³⁹ Gwent Is Coed – область в юго-восточном Уэльсе, ныне графство Монмутшир.

⁴⁰ «Шум», который можно увидеть – явный остаток языческого одухотворения сил природы.

⁴¹ Буквально: «окрестив его их крещением». Возможно, это указание редактора-монаха на какое-то «языческое крещение», которое он отличает от христианского ввиду давности описываемых событий.

⁴² Gwri Gwallt Eurin – «Гори Золотоволосый»; первая часть имени происходит, видимо, от gwrīd – «цветение», «расцвет». Позже этот герой появляется (отдельно от Придери) в ряде текстов, в том числе в «Килохе».

нею, она сказала: «Господа, постойте! Я должна довести одного из вас до дворца на своей спине, и это мое наказание за убийство собственного сына». – «О добрая госпожа, – сказал Тейрнион, – я думаю, никто из нас не позволит себе сесть тебе на спину». – «Пусть кто хочет садится, – сказал мальчик, – я не сяду». – «Правильно, душа моя, – сказал Тейрнион, – никто из нас не сделает этого».

И они вошли во дворец, и все возрадовались их приходу. Они попали на праздник, устроенный по поводу возвращения Пуйла из поездки по Дифеду,⁴³ и вошли в комнату для умывания, и Пуйл приветствовал Тейрниона. И они сели за стол: Тейрнион между Пуйлом и Рианнон, а два спутника Тейрниона рядом с Пуйлом, и мальчик между ними. Закончив есть, они завели разговор, и Тейрнион рассказал всю историю о кобыле и мальчике, и как мальчик воспитывался в его доме, и как он узнал его. «Смотри, госпожа, вот твой сын, – сказал Тейрнион, – и те, кто обвиняли тебя, повинны во лжи. И когда я услышал о твоём несчастье, мне было тяжело и я опечалился. И я не верю, что хоть один из присутствующих не признает этого мальчика за сына Пуйла». – «Да, это он», – сказали все. «Видит Бог, – сказала Рианнон, – если это так, то я свободна от моей тревоги». – «Госпожа, – сказал Пендаран Дифед,⁴⁴ – твой сын был твоей тревогой, и ты должна назвать его Придери,⁴⁵ сын Пуйла, Государя Аннуина». – «Смотри, – сказала Рианнон, – может, его нынешнее имя лучше». – «Как его зовут?» – спросил Пендаран Дифед. «Гориваллт Эурин – вот имя, что мы дали ему», – сказал Тейрнион. «Придери, – сказал Пендаран Дифед, – будет его именем». – «Так лучше, – сказал Пуйл, – чтобы мальчик получил имя по слову, которое его мать произнесла, услышав о нём радостную весть». Так они и решили.

«Тейрнион, – сказал Пуйл, – Бог вознаградит тебя за воспитание этого мальчика, и, если он вырастет благородным, он также оплатит тебе добром». – «Господин, – сказал Тейрнион, – никто на свете не печалится о нём больше моей жены, которая его вырастила. Хорошо, если он сохранит в памяти то, что мы для него сделали». – «Клянусь Богом, – сказал Пуйл, – пока я жив, я не оставлю тебя и твоих людей. И пока он будет жить, для него будет справедливее помогать тебе, чем мне. И если согласишься ты и те из твоих людей, кто его воспитывал до нынешнего времени, я отдам его в обучение Пендарану Дифеду». – «Это хорошая мысль», – сказали все. Так мальчика отдали Пендарану Дифеду.

И Тейрнион Ториф Флиант и его спутники вернулись в свои земли, окруженные любовью и вниманием. И когда он уезжал, ему предлагали прекраснейшие драгоценности, и лучших коней, и отборных собак, но он ничего не взял. И так они жили в своих владениях. А Придери, сын Пуйла, Государя Аннуина, обучался и воспитывался, пока не стал прекрасным юношей, самым ловким и умелым во всех делах в целом королевстве.

И так прошли годы и годы, пока не пришел конец жизни Пуйла, Государя Аннуина, и он умер. И Придери правил семью частями Дифеда со славой, любимый подданными и всеми вокруг. И после того, как он завладел тремя частями Истрад Тиви и четырьмя частями Кередигона,⁴⁶ они стали называться семьёй частями Сейсиллуг. И Придери, сын Пуйла, Государя Аннуина, правил в этих землях, пока не подумал о женитьбе. И он взял в жены Кикфу, дочь Гвинна Гохиу, сына Глоиу Уоллта Лидана, сына Каснара Вледига⁴⁷ из правителей этого острова.

⁴³ Уже упомянутый годичный объезд королем своих владений со сбором дани.

⁴⁴ Пендаран Дифед – еще один, наряду с Пуйлом, мифический предок валлийцев Дифеда (его имя и значит «глава потомства Дифеда»); часто упоминается в генеалогиях и других текстах. Иногда ему приписывается владение чудесным стадом свиней; однако по данным триады № 26 (здесь и далее триады нумеруются по изданию Р. Бромвич: *Triodeid Ynys Prydein*. Cardiff, 1961) этих свиней привел из Аннуина Пуйл, который и отдал их в дар Пендарану Дифеду. По указанию той же триады, Придери пас этих свиней, за что и был прозван одним из Трёх могучих свинопасов Острова Британии. Позже эти же свиньи стали причиной его гибели (см. мабиноги «Мат, сын Матонви»). Что касается Пендарана Дифеда, то в следующей ветви «Бранвен» он появляется вновь, но уже в роли юноши, бежавшего от узурпатора Касваллауна, сына Бели.

⁴⁵ *Prydery, pryder* – тревога, забота (валл.).

⁴⁶ Истрад Тиви (нынешнее графство Кармартен) и Кередигон (графство Кардиганшир) вместе составляли область Сейсиллуг, одну из трех областей юга Уэльса наряду с Дифедом и Гламорганом (Морганног).

⁴⁷ *Wledig* (от валл. *gwledig* – «владыка») – титул, формально обозначающий верховную власть над Британией (на пример, Максен Вледиг). В большинстве случаев просто почетное прозвище.

И это конец первой Ветви Мабиноги.

Бранвен, дочь Ллира⁴⁸

Это – вторая Ветвь Мабиноги.

Бендигейд Вран,⁴⁹ сын Ллира⁵⁰ был королем над всем этим островом и царствовал в Лондоне.⁵¹ Однажды пребывал он в своем дворце Харлех.⁵² в Ардудви⁵³ И он сидел на вершине над морем, и были с ним Манавидан, сын Ллира, его брат, и два его брата со стороны матери, Ниссиэн и Эвнисиэн, и множество знатных, что всегда окружали короля. Два брата по матери были сыновьями Эуровидда.⁵⁴ от их матери Пенарддим, дочери Бели, сына Маногана⁵⁵ И один из этих

⁴⁸ *Branwen uerch Llyr*

История Бранвен сохранилась в полных версиях в БК и КК и в маленьком фрагменте, содержащемся в БК и относимом по особенностям языка к более раннему периоду. Здесь, в отличие от «Пуйла», изложен цельный сюжет, типологически близкий к сюжету о Троянской войне, – гибель людей двух королевств из-за женщины. Мрачный романтизм и фатализм повести делают ее одной из самых интересных в художественном отношении. Здесь появляются ярко очерченные характеры, даже с индивидуальными речевыми особенностями, что для литературы того периода еще не было типичным. Прекрасная, безвинно страдающая Бранвен; мудрый и величественный Бендигейд Вран; коварный и ироничный Эвнисиэн; нерешительный, переменчивый король ирландцев Матолх – все эти образы, находя свои истоки в мифологии, одновременно порождают многих героев средневековой литературы, прежде всего – повести о Тристане и Изольде (одна из героинь которой, кстати, получает имя Бранжъена, производное от Бранвен).

Действие повести разворачивается на широком – по сравнению с другими мабиноги – географическом просторе, охватывающем не только Уэльс, но и Ирландию с Англией. Исторический фон в основе своей легендарен, хотя в нем нашли отражение некоторые факты ранней истории Уэльса и обычаи как валлийцев, так и ирландцев.

⁴⁹ Bendigeiduran – «Благословенный Вран». Вторая часть имени относится к общекельтскому божеству потустороннего мира (возможно, восходящему к ведическому Варуне). Первая же часть объясняется в триаде 16, где говорится о том, что Бендигейд Вран вместе со своим сыном Карадаугом был взят в плен римлянами и семь лет прожил в Риме, где обратился в христианство и принес эту веру на остров, за что и был назван одним из Трех благословенных правителей. Упоминание Врана в связи с римским завоеванием столь же легендарно, как и его управление «Островом Британии и тремя прилегающими островами». В других триадах Бендигейд Вран также упоминается среди мудрых и могучих правителей Британии, что отражает его функции первопродка, с которыми связаны и его великанский рост, и странность качества его отрубленной головы. Вдобавок, Врану в фольклоре приписываются и вредоносные качества (типа вожака «дикой охоты»), что не очень согласуется с его «благословенностью» и позволяет считать его тесно связанным с царством мертвых, возможным аналогом ирландского Балора, чудовищного короля демонов-фоморов, отрезанная голова которого также обладала чудесными свойствами.

⁵⁰ Llyr Llediath, «Ллир Кратких речей», мифический первопродок ряда валлийских родов; его имя соответствует ирландскому Ler. У ирландцев Мананнан Мак Лер (валлийский Манавидан) был морским божеством; упоминание Бендигейд Врана и Бранвен в качестве детей Ллира, вероятно, восходит к более поздней традиции. Образ шекспировского короля Лира создан фантазией Гальфрида Монмутского («История бриттов»), хотя, возможно, отражает некоторую аморфность и слабость этого персонажа, упомянутого в одной из триад, где говорится о том, что Эуровидд заключил Ллира в темницу и отнял у него жену.

⁵¹ Лондон – по-валлийски Llundain или Caer Lludd, «крепость Ллудда»; происхождение названия отражено в повести «Ллудд и Ллевелис». Город был важным политическим центром Британии еще до римлян, но упоминание о нем как о столице явно связано с более поздним временем.

⁵² Харлех – порт на северо-западе Уэльса, в древности называемый также Twt Bronwen, или «крепость Бранвен».

⁵³ Ардудва – область в графстве Мерионет (северо-западный Уэльс).

⁵⁴ Эуровидд, как уже упомянуто, заключил в темницу Ллира, отца Бендигейда Врана и Манавидана; и силой отнял у него его жену Пенарддим. Некоторые ученые отождествляют его с римским военачальником Осториєм.

⁵⁵ Бели Великий, сын Маногана, отец Касваллауна и Ллудда, – один из легендарных правителей Британии. Ряд ученых (в первую очередь Т. Ф. О'Рахилли) связывают его имя с корнем *melld* («сияющий»), который соединяют, с одной стороны, с мифическим народом Фир Болг в Ирландии, с другой (что кажется более вероятным) – с галльским племенем белгов, которые, как считают многие ученые, захватили юг Британии непосредственно перед римским вторжением. Бели, или Беленос, упоминается также в качестве супруга Дон – богини-матери, имя которой восходит к индоевропейскому корню **danu* – «вода» и которая в валлийской мифологии является матерью Гвидиона, Арианрод и некоторых других героев-волшебников. Таким образом, Бели в качестве супруга хтонической прародительницы соответствует небесному божеству света и солнца (ср. ирландский Гриан, «солнце», супруг Дон-Дану).

братьев был добрым мужем и всегда мирил родичей,⁵⁶ когда они ссорились, и это был Ниссиэн; другой же, напротив, сеял раздоры между родичами, когда они жили в мире.

И, сидя там, увидели они тринадцать кораблей, плывущих с юга Ирландии, и корабли двигались к ним, легко и плавно скользя по волнам. Попутный ветер быстро приближал их. «Я вижу корабли, – сказал король, – плывущие сюда. Пошлите слуг узнать, кто это и что им нужно». Слуги собрались и пошли к пристани. И, увиденные ими вблизи, корабли были самыми большими и хорошо снаряженными, какие они когда-либо видели. Над ними развевались прекрасные и славные знамена из шелка. И на палубе одного из кораблей, шедшего впереди прочих, они увидели лежащий щит как знак мира.⁵⁷

И слуги подошли к ним так, что могли слышать друг друга, и люди с кораблей спустили лодки, и сошли на берег, и приветствовали короля. Он же выслушал их с того места, где он сидел, с вершины над их головами. «Помоги вам Бог, – сказал он, – и добро пожаловать. Кому принадлежат эти корабли и кто на них старший?» – «Наш господин, – сказали они, – Матолх, король Ирландии,⁵⁸ и ему принадлежат эти корабли». – «Сойдет ли он на берег?» – спросил король. «Он не ступит на берег, господин, – ответили они, – пока не получит ответа на свою просьбу». – «И какова же его просьба?» – спросил король. «Он хочет породниться с тобою, господин, – ответили они, – и прибыл просить в жены Бранвен, дочь Ллира.⁵⁹ И этим он желает связать воедино Ирландию и Остров Могущества,⁶⁰ чтобы они стали еще сильнее». – «Тогда, – сказал король, – пусть он сойдет на берег, и мы поговорим». И этот ответ передали королю, который сошел на землю, и все приветствовали его, и тем же вечером был великий пир для его людей и людей дворца. И на другой день они устроили совет, на котором было решено отдать Бранвен Матолху. А она была третьей по знатности из дам этого острова⁶¹ и прекраснейшей девушкой на свете.

И по соглашению между ними он должен был отпраздновать свадьбу с нею в Аберффрау.⁶² И они разъехались и отправились в Аберффрау; Матолх со своими спутниками – морем, а Бендигейд Вран и его люди – по суше, пока не прибыли в Аберффрау. Там они устроили пир и сели за стол так: король Острова Могущества и Манавидан, его брат, рядом с ним, и Матолх на другой стороне и Бранвен, дочь Ллира, рядом с ним. Они сидели не в доме, а в шатре, ибо ни один дом не вмещал Бендигейда Врана. И они стали пировать, и ели, и пили, и веселились. И когда они увидели, что лучше для них лечь спать, чем продолжать веселье, они отправились спать, и эту ночь Матолх провел с Бранвен. На другой день все люди дворца встали, и позаботились о размещении гостей и

⁵⁶ Здесь слово «deulu» можно понимать и как «родичи», и как «дружины»; вероятно, имеются в виду враждующие между собой потомки Ллира и Эуровидда.

⁵⁷ Распространенный обычай, возможно заимствованный у скандинавов.

⁵⁸ Короля с таким или хотя бы похожим именем история не знает; при этом его имя скорее всего действительно является ирландским, поскольку не находит этимологии в валлийском языке.

⁵⁹ Branwen uerch Llyr; видимо, первоначальной формой этого имени было Bronwen («белогрудая»), а потом его приблизили к имени Bran. Один из любимых женских образов валлийской поэзии, где отмечается не только ее красота, но и магическое искусство. Печальная судьба Бранвен отражена также в нескольких триадах. На острове Англси есть место, называемое Инис-Бранвен; в 1813 г. там откопали древнее погребение, но, естественно, тогдашний уровень научных знаний не позволил определить его характер. Во всяком случае, именно это место (Абер-Алау) указано в повести как могила Бранвен.

⁶⁰ Ynys y Kedyrn, «Остров Могущества», или «Остров Могущественного» – одно из многих имен Британии в валлийской традиции. Известна триада № 1 из «Имен острова Британии» (Enweu Ynys Prydein), где говорится, что сначала остров именовался «Предел Мерлина» (Clas Myrddyn), потом Медовым (Y Vel Ynys) и, наконец, Остров Британии (Ynys Prydein) в честь мифического первопредка бриттов Придейна, сына Аэда Великого. Возможно, название «Остров Могущественного» происходит от имени другого первопредка, Ху Кадарна (Могучий Пес).

⁶¹ Буквально: «третьей из прародительниц» (tryded prif rieni), но такой перевод сомнителен, поскольку Бранвен не оставила потомства. Двумя другими прародительницами (или знатнейшими дамами) Острова Британии можно считать Рианнон как мать Придери и Арианрод как мать Ллеу.

⁶² Аберффрау на острове Англси было в IX-XIII вв. резиденцией королей Гвинедда, северного валлийского королевства.

их коней, и разместили их повсюду, до самого моря.

И после этого Эвнисиэн, вздорный муж, о котором мы говорили, направился к месту, где находились кони Матолха, и спросил, чьи они. «Это кони Матолха, короля Ирландии», – ответили ему. «И что они здесь делают?» – спросил он. «Король Ирландии здесь, ибо он женился на Бранвен, твоей сестре, и с ним его кони», – ответили ему. «И они выдали за него такую достойную девушку без моего согласия! Они не могли нанести мне большего оскорбления»,⁶³ – воскликнул он. И после он накинулся на коней с оружием и отрезал губы с их ртов, и уши на их головах, и их хвосты. Так он обезобразил коней и лишил их всей красоты.

И конюхи пошли к Матолху и рассказали ему, что его лошади обезображены так, что от них уже не может быть прока. «Господин! – сказал один из них, – тебе нанесено оскорбление, и ты должен отомстить». – «Поистине, – сказал король, – меня удивляет, что они нанесли мне такую обиду, после того как отдали за меня девушку столь знатную». – «Господин, – сказал тут другой, – это действительно так, и лучше тебе ничего не предпринимать, а подняться на корабль». И после этого он взошел на свой корабль.

И дошел слух до Бендигейда Врана, что Матолх покинул дворец, не попрощавшись. И он отправил послов узнать, в чем дело. Вот их имена: Иддик, сын Анарауда, и Хэфайдд Хир. И они пришли к Матолху и спросили, по какой причине он хочет их покинуть. «По правде, – сказал он, – я не настроен покидать вас, ибо нигде я не встречал лучшего приема. Но одно меня удивило». – «Что же это?» – спросили они. «Вы вручили мне Бранвен, третью по знатности даму острова и дочь короля, и выдали ее за меня, и после этого оскорбили меня. И я удивлен этим оскорблением, ибо оно не уживается с таким даром, как она». – «Поистине, господин, – сказали они, – не волею кого-либо из старших дворца, ни кого-либо из совета тебе нанесена эта обида. И если ты чувствуешь себя оскорбленным, то Бендигейд Вран оскорблен и разгневан ничуть не менее». – «Я верю этому, – сказал он, – однако это не может стереть моего оскорбления».

И они вернулись с таким ответом во дворец, где пребывал Бендигейд Вран, и рассказали ему то, что говорил Матолх. «Нельзя, – сказал он, – допустить, чтобы он отплыл в столь недружественном настроении, и мы этого не допустим». – «Да, господин, – сказали они, – надо сейчас же послать к нему послов». – «Я пошлю их, – сказал он, – встаньте, Манавидан, сын Ллира, и Хэфайдд Хир, и Иник Глеу Исгвидд, и идите к нему, и передайте, что он получит лучшую лошадь за каждую из испорченных. И кроме того, в возмещение он получит слиток серебра размером с него и серебряную пластину шириной с его лицо.⁶⁴ И скажите, что за человек это сделал, и что сделано это против моей воли, и что это сделал мой брат по матери, которого мне трудно казнить или изгнать.⁶⁵ И пригласите его навестить меня, – сказал он, – и мы заключим мир на условиях, которые он предложит».

Послы отправились к Матолху и передали ему все сказанное в дружелюбном тоне, и он, выслушав это, сказал: «Нам нужно посоветоваться». Он созвал совет, и на совете решили, что, если они отвергнут предложение короля, они не избавятся от бесчестья и вдобавок не получат возмещения. И он согласился с этим и отпустил послов с миром во дворец.

Потом для них разбили шатер, и они стали пировать и сели так, как они сидели в начале праздника, и Матолх заговорил с Бендигейдом Враном. И он был мрачен и немногословен из-за нанесенной ему обиды, хотя ранее всегда казался веселым. И Бендигейд Вран подумал, что его опечалила малость возмещения. «Друг мой, – сказал Бендигейд Вран, – ты не так разговорчив сегодня, как прошедшей ночью. Если это из-за малости возмещения, я увеличу его по твоему хотению, и ты завтра же получишь причитающихся лошадей». – «О господин, – сказал тот, – Бог вознаградит тебя». – «И я еще увеличу возмещение, – сказал Бендигейд Вран, – я дам тебе котел,⁶⁶ и

---

⁶³ Действительно, по валлийскому праву требовалось согласие Эвнисиэна на замужество Бранвен как одного из ближайших ее родственников.

⁶⁴ По валлийским законам Хоуэла Доброго (X в.), королю в возмещение за бесчестье (sarhad) полагалось отдать по сотне коров на каждую область его королевства, полосу серебра длиной от земли до лица сидящего короля и полосу золота шириной с его лицо.

⁶⁵ Бендигейд Вран мог казнить или изгнать Эвнисиэна, однако это неизбежно вызвало бы кровную вражду между родами Ллира и Эуровидда.

⁶⁶ Этот Котел Оживления родствен другим чудесным котлам и чашам кельтской мифологии (см. «Пуйл», примеч.

свойство этого котла таково, что если погрузить в него сегодня убитого человека, то завтра он будет так же жив, как раньше, кроме того, что не сможет говорить». И Матолх поблагодарил его за это и весьма развеселился.

И на другое утро они дали Матолху всех лошадей, что у них были. И оттуда они двинулись с ним в другую общину.⁶⁷ и там дали ему лучших жеребят, и поэтому та община стала называться Талеболион⁶⁸

И они сидели вместе вторую ночь. «Господин, – спросил Матолх, – откуда ты взял котел, который дал мне?» – «Он попал ко мне, – ответил тот, – от человека из твоей страны, и я не знаю, где он его взял». – «Кто это был?» – спросил он. «Лласар Ллесгиуневид, – ответил тот, – и он пришел из Ирландии со своей женой Кимидей Кимейнфолл. Они спаслись из Железного Дома в Ирландии, где для них был разожжен костер,⁶⁹ и бежали сюда. Я удивлен, что ты ничего не знаешь об этом». – «Я знаю нечто, господин, – сказал Матолх, – и все, что я знаю, я расскажу тебе. Однажды я охотился в Ирландии на холме над озером, что называлось Озером Котла. И я увидел высокого рыжеволосого мужчину, идущего от озера с котлом на спине. Он имел свирепый и отталкивающий вид, и с ним была женщина. И хотя он был высок, она была выше его вдвое. И они подошли ко мне и приветствовали меня. „Что вы тут делаете?“ – спросил я у них. „Вот, господин, наше дело, – ответил он, – эта женщина вскоре должна зачать, и я хочу, чтобы ее ребенок стал самым защищенным из воинов“. Я предложил им свое покровительство, и они прожили у меня год. И этот год я щедро содержал их, но неприязнь к ним росла, и к концу четвертого месяца они стали ненавидимы всеми в моей стране, ибо угнетали и оскорбляли придворных и народ. И наконец мои люди потребовали, чтобы я выбирал между ними и этими пришельцами. Я попросил совета, что с ними делать, ибо их не удавалось ни упросить, ни заставить уйти из-за их силы и воинственности. И мне дали совет изготовить дом из железа. И когда он был готов, собрались все кузнецы Ирландии, кто имел клещи и молот. И они обложили дом древесным углем, когда пришельцы собрались там. И мужчины, женщины и дети принесли им еду и питье, и, когда они захмелели, кузнецы принялись разжигать уголь и раздувать мехи, пока дом не раскалился добела. Тогда пришельцы собрались в середине дома, пока жар не стал невыносимым, потом же он нажал на стену плечом и вырвался наружу. И то же сделала его жена, но, кроме них, оттуда никто не спасся. После этого, я думаю, господин, – сказал Матолх Бендигейду Врану, – они и бежали к тебе». – «Да, – сказал тот, – они пришли и отдали мне котел» – «И что же, господин, ты сделал с ними?» – спросил он. «Я поселил их в своих владениях, и их число умножилось, и они преуспевали и снабжали области, где они жили, лучшими воинами».⁷⁰

В эту ночь они беседовали до тех пор, пока могли, и пили, и пели; когда же они увидели, что им лучше лечь спать, чем продолжать беседу, они отправились спать. И потом пир продолжался, а по окончании его Матолх отплыл в Ирландию вместе с Бранвен, и их тринадцать кораблей отплыли из Абер-Менуи, и они прибыли в Ирландию. И там была великая радость по этому случаю. И все люди Ирландии, мужи и жены, навестили Бранвен, и всем она дарила браслеты, или кольца, или королевские драгоценности: все, на что падал их взгляд. И так она провела счастливо год в большой славе, в почете и уважении.

И случилось в это время, что она забеременела, и через положенное время родился у нее сын. Вот имя, что они дали ему: Гверн, сын Матолха.⁷¹ И они отдали его на воспитание лучшим

29). Он часто ассоциируется с глубоким озером (в данном случае это Длин Тегид, или «Озеро Дивное»). Собственно Котел Оживления известен по ирландской псевдоисторической компиляции «Книга завоеваний Ирландии» («Lebor gabala Egepp»), в которой он принадлежит племени богов Туата Де Дананн.

⁶⁷ Cymwd («община») – территориальная единица в древнем Уэльсе. Несколько общин составляли cantref.

⁶⁸ Talebolion – от «taiwyd ebolion» («уплатили жеребятами»). Пример искусственной этимологии. На деле название общины, видимо, обозначает «Предел рода Бол» или «Боли».

⁶⁹ История с Железным Домом кажется заимствованной из ирландской саги «Orgain Dind Rig» («Разрушение Динн Риг»); вообще сожжение героя в доме как прообраз грядущей огненной гибели мира часто встречается в ирландской мифологии.

⁷⁰ Память об ирландских поселениях в Уэльсе, которые, возможно, сохранялись в некоторых районах до VIII–IX вв.

⁷¹ Имя Гверн означает «другой»; возможно, это измененное ирландское имя Кербалл или Киаран.

людям Ирландии.

Но на второй год в Ирландии началась смута из-за оскорбления, которому Матолх подвергся в Уэльсе, и из-за увечья его лошадей. И за это его кровные братья и ближние люди попрекали его без жалости. И восстали они, требуя, чтобы он отомстил за бесчестье. И они придумали такую месть: они изгнали Бранвен из дома мужа, вынудив ее жить на дворе под солнечным жаром, и мясник каждый день после разделки мяса приходил к ней и давал ей пощечину. Такое ей придумали наказание.

«И еще, господин, – сказали Матолху его люди, – задерживай все корабли и лодки, плывущие в Уэльс, а тех, кто прибудет оттуда, заключай в темницу, чтобы они не узнали об этом». И они так и сделали.

И это продолжалось не менее трех лет. За это время Бранвен вырастила скворца, научила его говорить и объяснила ему, как выглядит ее брат. И она написала письмо о бесчестии и унижениях, которым ее подвергли, привязала его к крылу птицы и отправила ее в Уэльс.

И птица прилетела туда, и отыскала там Бендигейда Врана в Каэр-Сейнт в Арфоне,⁷² где он вершил суд, и села на его плечо, и встопорщила перья так, что он увидел письмо и понял, что птица ручная. И он взял письмо и прочел его. И, прочитав письмо, он опечалился, узнав о несчастьях Бранвен. И он приказал собрать войска со всего острова, и созвал посланцев из ста сорока и четырнадцати областей, и поведал им о том, что случилось с его сестрой. И они держали совет. Вот что решили они: идти всем на Ирландию, оставив дома лишь семь человек, во главе с Карадаугом, сыном Брана.⁷³ Их оставили в Эдейрнионе, и поэтому селение там получило название Сайт-Мархауг.⁷⁴

Вот эти семеро: Карадауг, сын Брана, и Хэфайдд Хир, и Иник Глеу Исгвидд, и Иддик, сын Анарауга Гваллтгруна, и Фодор, сын Эрвилла, и Голх Минаскорн, и Лласнар, сын Ллесара Ллесгигвидда, и с ними Пендаран Дифед, очень юный.⁷⁵ И эти семеро остались управлять островом, и Карадауг, сын Брана, был над ними старшим.

И Бендигейд Вран со спутниками, о которых мы говорили, отплыл в Ирландию, и он сам шел по мелководью, ибо море тогда было нешироким. Там были две реки, называемые Лли и Архан, но потом море разлилось и затопило многие земли. И он со спутниками, с бардами и поэтами, которых он нес на плечах, приблизился к берегу Ирландии.⁷⁶

И свинопасы Матолха в один из дней пасли свое стадо на морском берегу, и увидели нечто в море, и пришли с этим к Матолху. «Господин, – сказали они, – здравствуй!» – «Храни вас Бог, – сказал он, – какие у вас новости?» – «Господин, – сказали они, – у нас удивительные новости. Мы видели лес в волнах, где никогда не росло ни единого дерева». – «Поистине это удивительно, – сказал он, – и что же вы видели еще?» – «Мы видели, господин, – сказали они, – высокий холм над водой, и он двигался. И на вершине его была скала и два озера по ее сторонам. И лес, и холм, и все эти предметы тоже двигались». – «Наверное, – сказал он, – никто не сможет растолковать все эти чудеса, кроме Бранвен. Пошлите за ней». И люди отправились к Бранвен. «Госпожа, – спросили они, – что ты думаешь об этом?» – «Хотя я давно уже не госпожа, – ответила она, – я могу сказать, что это. Это пришли люди Острова Могущества, узнав о дурном обращении со мной». – «А что за лес виден в море?» – спросили они. «Это мачты кораблей», – ответила она. «А что же, – спросили они, – за холм в стороне от кораблей?» – «Бендигейд Вран, мой брат, – ответила она, – идет по

⁷² Caer Seint – Сегонтиум, римское укрепление недалеко от Карнарвона.

⁷³ Карадауг, сын Брана, т. е. Бендигейда Врана, упоминается в триадах как один из военачальников, выбранных бриттами, чтобы противостоять нашествию римлян (вместе с Касваллауном, сыном Бели). Отмечается, что «с ним были люди Британии от знатных до рабов» и что он одержал множество побед, но из-за предательства Аваруи, сына Ллудда, и его дочери Арегведд (отождествленной с царицей бригантов Картимандуей) он был взят в плен римлянами. В мабиноги, таким образом, произошло смешение нашествия римлян с предыдущим нашествием белгов, олицетворением которых, возможно, выступает здесь Касваллаун, сын Бели.

⁷⁴ Seit Marchaug («семь всадников», т. е. знатных) – имя, которое до сих пор носит холм в графстве Мерионет.

⁷⁵ См. «Пуйл», примеч. 43

⁷⁶ Буквально – о gerd arwest («с певцами на плечах»).

мелководью, ибо нет корабля, способного его выдержать». – «А что за скала и озера по ее сторонам?» – спросили они. «Он, – ответила она, – смотрит на этот остров в гневе, и его два глаза по сторонам его носа подобны озерам».⁷⁷

Тогда быстро сошлись все воины Ирландии и все моряки и стали держать совет. «Господин, – сказали они Матолху, – нет способа спастись, кроме как перейти через реку Ллинон⁷⁸ и оставить реку между тобой и им, разрушив мост. На дне этой реки лежит магнитный камень, и ни корабль, ни лодка не могут пересечь ее». И они перешли через реку и разрушили за собой мост.

Бендигейд Вран ступил на землю, и флот его подошел к берегу. «Господин, – сказали его спутники, – ты знаешь чудесное свойство этой реки. Никто не может пересечь ее, и на ней нет моста. Из чего ты собираешься соорудить мост?» – «Тот, – ответил он, – кто ведет войско, должен стать мостом. Я стану мостом».⁷⁹ И так это было сказано впервые, а впоследствии вошло в поговорку. И он лег поперек реки, на него положили доски, и все войско прошло по нему через реку.

И когда он встал, к нему подошли посланцы Матолха, и приветствовали его, и передали привет от Матолха, его родича, и заверения в самых добрых его намерениях. «И Матолх, – сказали они, – уступает престол Ирландии Гверну, сыну Матолха, твоему племяннику и сыну твоей сестры».⁸⁰ И он даст тебе любое возмещение за зло, допущенное в отношении Бранвен. И где бы ты ни был, господин, здесь или на Острове Могущества, Матолх обязуется помогать тебе». – «Слушайте, – сказал Бендигейд Вран, – пока я сам не возьму престол здесь или не получу каких-либо добрых вестей, у меня не будет для вас ответа». – «Скоро, – сказали они, – мы доставим тебе добрые вести». – «Я жду, – сказал он, – возвращайтесь же скорее».

И посланцы пришли к Матолху. «Господин, – сказали они, – приготовь ответ, могущий удовлетворить Бендигейда Врана. Он не стал слушать ничего, что мы ему предлагали». – «Люди мои, – спросил Матолх, – каков будет ваш совет?» – «Господин, – сказали они, – у нас есть один совет. Бендигейда Врана не вмещает ни один дом. Выстрой дом, в котором он мог бы поместиться, чтобы в нем на одной стороне размещались он и люди Острова Могущества, а на другой – ты и твои люди, и вверь свое королевство его воле, и принеси ему клятву верности. Из-за такой чести, – сказали они, – ибо он никогда не имел дома, вмещающего его, он пойдет на мир с тобою».

И посланцы вернулись к Бендигейду Врану и передали эти предложения, и он созвал совет, на котором решили их принять. И это было сделано по просьбе Бранвен, и она же упросила их не разорять остров. И они заключили мир, и был выстроен громадный и прочный дом. Но ирландцы придумали хитрость. Вот что они придумали: они вбили крючья по обеим сторонам каждого из сотни столбов, что были в доме, и повесили на каждый крюк по кожаному мешку⁸¹ и посадили в каждый мешок по вооруженному воину.

И раньше всех людей Острова Могущества туда пришел Эвнисиэн, и оглядел весь дом любопытным и подозрительным взглядом, и обнаружил кожаные мешки на столбах. «Что в этих мешках?» – спросил он у одного из ирландцев. «Мука, друг мой»,⁸² – ответил тот. Тогда он ощупал мешок, пока не нашел голову, и сдавил ее так, что его пальцы сквозь кости вошли в мозг. И он оставил этот мешок и подошел к следующему, и опять спросил: «Что там?» – «Мука», – опять ответил ирландец. Так он поступил со всеми мешками, пока никого не осталось в живых, кроме одного, и он подошел к последнему мешку и снова спросил: «Что там?» – «Мука, друг мой», – снова

⁷⁷ Это описание Бендигейда Врана очень сходно с описанием Мака Кехта в ирландской скеле «Разрушение Дома Да Дерга»: «Два озера у горы – два его глаза у носа. Две шкуры у дерева – два его уха у головы... Две голубые волны – его равно прекрасные брови на дивноцветном румянном лице» (перев. С. В. Шкунаева).

⁷⁸ Llinon – река Шэннон.

⁷⁹ A uo penn bit pont – «кто глава, тот и мост», средневековая валлийская поговорка, уже известная ко времени появления БК.

⁸⁰ Любопытный отголосок наследования по женской линии, известного у шотландских пиктов, но не встречающегося в историческое время ни в Ирландии, ни в Уэльсе.

⁸¹ Voly гоуп – «кожаный мешок»; слово «voly» кажется заимствованным из ирландского, где обозначает нечто набитое, раздутое (ср. Фир Болг).

⁸² Eneit – букв. «душа», здесь в смысле «друг».

ответил ирландец. И он ощупывал его, пока не обнаружил голову, и он сдал ее, как и другие. Хотя голова была в шлеме, он не оставил этого человека, пока не умертвил. И после произнес такой энглин:⁸³

*«Снарядился ты, вождь, для битвы
Вместе с воинами своими;
Отправляйся же вслед за ними!»⁸⁴*

После этого его спутники вошли в дом. Люди Ирландии сели с одной стороны стола, а люди Острова Могущества – с другой. И как только они уселись, они установили мир и отдали королевство в руки мальчика. Когда условия мира были оговорены, Бендигейд Вран призвал мальчика к себе, и от него он пошел к Манавидану, и все, кто его видел, полюбили его. И после Манавидана Ниссиэн, сын Эуровидда, призвал мальчика, и тот отправился к нему с радостью. «Почему, – спросил его брат Эвнисиэн, – мой племянник, сын моей сестры, не подошел ко мне? Если бы он и не был королем Ирландии, я был бы рад иметь с ним дружбу!» – «Пусть он подойдет», – сказал тогда Бендигейд Вран, и мальчик с радостью подошел к нему, «Бог, в которого я верю, – сказал себе Эвнисиэн, – даже не помышляет, какое зло я сейчас сотворю». И он внезапно встал, и схватил мальчика за ноги, и, прежде чем кто-либо в доме успел остановить его, швырнул мальчика прямо в пылающую печь.⁸⁵

И когда Бранвен увидела своего сына в огне, она пыталась кинуться в печь с места, где она сидела между двумя своими братьями. Но Бендигейд Вран сдержал ее одной рукой, а другой поднял свой щит. Тогда все в доме вскочили, и началось величайшее смятение, и каждый схватился за оружие. И Мордуидтилион вскричал: «Отомстим за Гверна!»⁸⁶ И когда они все обнажили оружие, Бендигейд Вран прикрыл Бранвен своим щитом.

И тогда ирландцы разожгли огонь под котлом оживления и принялись бросать туда мертвые тела, пока котел не наполнился, и на следующее утро мертвые воины стали такими же, как раньше, кроме того, что не могли говорить. И когда Эвнисиэн увидел, что мертвые Острова Могущества не оживают, он сказал себе: «Боже! Это я послужил причиной гибели людей Острова Могущества. Горе мне, если я не исправлю этого». И он спрятался среди мертвых воинов, и два дюжих ирландца взяли его и бросили в котел, приняв за одного из своих. И он ударился о дно котла и расколол его на четыре куска, но при этом разбилось и его сердце.

И в битве победили люди Острова Могущества, но после этой победы в живых остались лишь семь человек, и Бендигейд Вран был ранен в ногу отравленным дротиком. Вот те семеро, что остались живы: Придери,⁸⁷ Манавидан, Гливиэу Айл Таран,⁸⁸ Талиесин,⁸⁹ Инаук, Гридиэн, сын

⁸³ Энглин – один из жанров валлийской поэзии, трех – или четырехстрочное стихотворение, обычно содержащее какое-либо афористическое высказывание. Наличие энглинов в прозаическом тексте мабиноги позволило некоторым ученым предположить, что первоначально весь текст был написан стихами, но такое предположение вряд ли имеет под собой почву.

⁸⁴ В оригинале иронически обыгрывается слово «blawt», имеющее два значения: «мука» и «пыльца» в смысле «цвет» (воинства).

⁸⁵ У.-Дж. Гриффидд считает, что эпизод бросания мальчика в огонь предполагает доказательство его непринадлежности к нечистой силе, в чем обвиняли ирландцы его мать (обряд сродни прыжкам через огонь, известным у многих народов).

⁸⁶ Перевод этой фразы («Guern gwn, gwchuiwch Uordwyt Tyllion»), искаженной переписчиками, давно уже является предметом дискуссии. Некоторые ученые считают, что эпитет Мордуидтилион, переводимый ими как «раненое бедро», относится к Бендигейду Врану, и переводят всю фразу как «псы Гверна (т. е. воины Ирландии), цельте ему в бедро!». Это подкрепляется строками одной из поэм, приписываемых Талиесину: «Я был в Ирландии с Враном, Я видел, как пал раненный в бедро (uordwyt tyllon)». Мы сочли возможным дать нейтральный смысловой перевод этой фразы.

⁸⁷ Единственное упоминание Придери в этой Ветви Мабиноги.

⁸⁸ Гливиэу, Сын Грома – возможно, реликт кельтского громогового божества Тараниса; Eil – значит «второй», «схожий».

Мириэла, и Хейлинн, сын гвинна Хена. И Бендигейд Вран приказал им отрезать его голову.⁹⁰ «Возьмите мою голову, – велел он, – и отнесите ее на Белый Холм в Лондоне,⁹¹ и похороните там лицом к стране франков. И вы должны долгое время провести в дороге. В Харлехе вы будете пировать семь лет, и птицы Рианнон будут петь вам.⁹² И моя голова должна все время быть с вами, как будто она на моих плечах. И в Гуэлсе в Пенфро⁹³ вы должны находиться четыре по двадцать лет, и вы останетесь там, пока не отомкнете дверь в Абер-Хенвелен⁹⁴ и Корнуолл. И когда вы отомкнете эту дверь, вы отправитесь в Лондон и похороните там мою голову».

И они отрезали ему голову, и с нею эти семеро отплыли обратно, и Бранвен была с ними восьмой. И они высадились в Абер-Алау в Талиболион⁹⁵ и сели там отдохнуть. И она поглядела в обе стороны, на Ирландию и на Остров Могушества. «Увы! – произнесла она, – горе мне, что я родилась! Люди двух островов истреблены из-за меня». И она испустила тихий стон и сердце ее разбилось. И они вырыли ей могилу и похоронили ее на берегах Алау.

И после эти семеро отправились в Харлех, и голова была с ними. Когда они шли, им встретились толпы людей, мужчин и женщин. «Какие у вас новости?» – спросил их Манавидан. «У нас нет новостей, – ответили они, – мы спасаемся от Касвал – лауна, сына Бели,⁹⁶ который завоевал Остров Могушества и был коронован в Лондоне». – «А что же случилось, – спросили у них, – с Карадаугом, сыном Брана, и теми семерыми, что остались с ним на острове?» – «Касваллаун вышел против них и убил шестерых, а сердце Карадауга разбилось, ибо он видел их гибель от меча, но не видел, кто держал меч. Касваллаун надел волшебную одежду, и никто из убиваемых не видел его, а только его меч. Но Касваллаун не стал убивать своего племянника, сына своего кузена. И Карадауг был третьим, чье сердце разбилось от горя.⁹⁷ Пендаран Дифед же, который был младшим из них бежал и скрылся в лесу», – сказали они.

И они пришли в Харлех и расположились там. Им принесли еду и напитки, и стали они есть и пить. И прилетели три птицы и запели, и из всех песен, слышанных ими, ни одна не могла сравниться с этой. И птицы были далеко в море, но как будто рядом, и все время пели. И так для них прошли семь лет.

И на исходе этих семи лет они отправились в Гуэлс в Пенфро. Там было красивое место вы-

---

⁸⁹ Талиесин («Сияющее чело») – знаменитый полумифический валлийский бард, живший, по преданию, в VI в. Считается автором записанной в XIII в. «Книги Талиесина» – сборника поэм и пророчеств, ряд из которых действительно по особенностям языка может быть отнесен к VI в. О нем см. ниже в легенде «История Талиесина».

⁹⁰ Отрезанная голова героя, изрекающая предсказания, нередко встречается в кельтской, и не только в кельтской, мифологии (например, голова Конайре мак Этерскела в «Разрушении Дома Да Дерга» или голова Орфея).

⁹¹ На Белом Холме (Gwynnyn) в Лондоне, где ныне находится лондонский Тауэр, укрепление существовало, по крайней мере, с римских времен.

⁹² Три вещей птицы Рианнон (правда, связь их с ней остается неясной), которые, как указано позднее в «Килохе», могли своим пением «оживлять мертвых и усыплять живых». Последующие странствия героев – сокращенная передача классической схемы легендарного странствия, во время которого герои попадают на Острова блаженных, где забывают на время о своих устремлениях.

⁹³ Пенфро – впоследствии графство Пемброк.

⁹⁴ Абер-Хенвелен – Бристольский залив.

⁹⁵ Устье ручья Алау на острове Англси, где в 1813 г. была обнаружена предполагаемая могила Бранвен

⁹⁶ Касваллаун, сын Бели – популярный герой валлийского фольклора, один из выборных военачальников, защищавших остров от римлян под командованием Юлия Цезаря.

В традиции сохранились фрагменты легенд о Касваллауне, где описывается его борьба с римлянами и путешествие в Рим для освобождения возлюбленной, чародейки Флур, дочери Мигнаха Горра. Триады именуют его одним из Трех золотильщиков обуви Острова Британии (вместе с Манавиданом и Ллеу) и одним из Трех верных любящих. Однако магические способности приписываются ему только в этом тексте.

⁹⁷ В триаде 95 упоминаются Трое, сердца которых разбились от горя: это Карадауг, Бранвен и некий Фараон Данде (может быть, Фараон из библейской истории об Иосифе, сердце которого разбилось после гибели его полков в водах Черного моря, но тогда непонятна его связь с Британией). В более позднее время этого Фараона иногда заменяли Изольдой Белокурой (героиней повести о Тристане).

соко над морем, и для них приготовлен был большой зал. И, войдя в него, они увидели две Двери открытыми, а третья, что вела в Корнуолл, была закрыта. «Смотрите, – сказал Манавидан, – вот дверь, что мы не Должны открывать». И эту ночь они пировали и веселились. И из всего их горя они не помнили ничего, ни того, что случилось с ними, ни прочих печалей.

И они оставались там четыре по двадцать лет, но так, что не замечали времени и не делались старше, чем были, когда пришли туда, и не было для них времени более приятного и веселого. И голова была с ними, будто живой Бендигейд Вран. И потому их пребывание там названо Гостеприимством Достопочтенной Головы. Время же, проведенное ими в Ирландии, называется Гостеприимством Бранвен и Матолха.⁹⁸

И однажды Хейлинн, сын Гвинна Хена, сказал: «Позор мне,⁹⁹ если я не открою дверь и не узнаю, правда ли то, что о ней сказано». Он открыл дверь и увидел за ней Корнуолл и Абер-Хенвелен. И когда он открыл дверь, они разом вспомнили все зло, что с ними приключилось, и всех друзей и соратников, которых они потеряли, и все свои приключения, а главное – просьбу их господина. И с того часа они не знали отдыха, пока не добрались с головой до Лондона. И они похоронили голову на Белом Холме; и это было одно из Трех счастливых погребений этого острова и причина Трех злосчастных выкапываний, ибо никакая опасность не приходила на остров с моря, пока голова не была выкопана.¹⁰⁰

И на этом заканчивается рассказ о тех, кто вернулся из Ирландии. В Ирландии же не осталось в живых никого, кроме пяти беременных женщин в отдаленной пещере. У этих пяти женщин родилось пять сыновей, и они выросли, и задумались о женах, и решили овладеть ими. И так каждый из них спал с матерью другого, и они владели страной, и заселили ее, и разделили между собою. С тех пор Ирландия делится на пять частей.¹⁰¹ И они осмотрели место, где было сражение, и нашли там золото и серебро, и стали богатыми.¹⁰²

И здесь заканчивается эта Ветвь Мабиноги, повествующая о горе Бранвен, что было третьим горчайшим горем этого острова,¹⁰³ и о Гостеприимстве Бендигейда Врана, когда люди из ста сорока областей и стран пришли в Ирландию, чтобы отомстить за зло, причиненное Бранвен, и о семилетнем пире в Харлехе, и пении птиц Рианнон, и о Гостеприимстве Головы в течение четырех по двадцати лет.

Манавидан, сын Ллира¹⁰⁴

⁹⁸ Слово «*uspydawt*», переводимое нами как «гостеприимство», происходит скорее всего от латинского *hospitium* с тем же значением. Слово «*Urdawl*» в применении к отрезанной голове Брана переводится или как «достопочтенная, славная», или как «чудесная».

⁹⁹ Буквально: «позор моей бороде» (*meuyl ag uy maryf*).

¹⁰⁰ Приведем полностью очень любопытную триаду № 37: «Три счастливых погребения и Три злосчастных выкапывания Острова Британии.

Голова Брана Благословенного, сына Ллира, зарытая на Белом Холме в Лондоне лицом к Франции. До тех пор, пока она оставалась там, как ее положили, саксонская напасть не приходила на этот остров.

Второе счастливое погребение: драконы в Динас Эмрис, которых закопал Ллудд, сын Бели.

И третье – кости Гвертевира Благословенного в главных портах этого острова. Пока они оставались закопанными, саксы не могли проникнуть на остров.

С ними же случились и Три злосчастных выкапывания. Гуртейрн Немощный откопал кости Гвертевира из любви к язычнице Роннвен. Он же выкопал драконов.

Артур же выкопал из Белого Холма голову Брана Благословенного, ибо не желал, чтобы чья-то сила защищала этот остров, кроме его собственной».

¹⁰¹ Объяснение деления Ирландии на пять исторических провинций: Ленстер, Манстер, Ольстер, Коннахт и Мит.

¹⁰² Редактор, видимо, знал о наличии в Ирландии множества древних украшений и пришел к выводу, что они найдены на полях сражений.

¹⁰³ Собственно, здесь идет речь об «ударе Бранвен» (*Paluawt Branwen*); имеется в виду пощечина, которую давали Бранвен по приказу Матолха.

¹⁰⁴ *Manawydan iab Llyr*

Эта повесть прямо продолжает сюжет «Бранвен», но здесь события переносятся с широкого эпического простора на условное пространство волшебной сказки. Хотя действие снова происходит в Дифеде (и в городах Англии), геогра-

Это – третья Ветвь Мабиноги.

Когда те семеро, о которых мы рассказывали, похоронили голову Бендигейда Врана на Белом Холме в Лондоне, Манавидан, их вождь, оглядел своих спутников и глубоко вздохнул, и горе овладело им. «О Боже всемогущий, горе мне, – сказал он, – ибо нет никого, кто приютил бы меня хоть на одну ночь». – «Господин, – сказал Придери, – пусть это не тяготит тебя. Твой кузен стал владыкой Острова Могущества, и хотя он добился этого не по праву, не к лицу тебе затевать с ним раздор из-за земли. Ведь ты – один из Трех благородных правителей». ¹⁰⁵ – «Хотя он и мой кузен, – ответил Манавидан, – я не рад видеть его на месте моего брата Бендигейда Врана и не могу быть счастлив под одной крышей с ним». – «Нужен ли тебе мой совет?» – спросил его Придери. «Да, мне сейчас нужен совет, – ответил Манавидан, – что ты хочешь предложить?» – «Семь частей Дифеда достались мне, – сказал Придери, – и там сей – час моя мать, Рианнон. Я отдам тебе ее и с нею власть над всем Дифедом¹⁰⁶ И хоть не будет у тебя иных владений, кроме этих семи частей, это лучше, чем ничего. Моя жена – Кикфа, дочь Гвинна Глеу, и хотя королевство считается моим, я хочу, чтобы им владели ты и Рианнон. И если тебе нужны владения, то земли Дифеда – не худшие из них». – «Я и не желаю лучших, – сказал Манавидан, – и да воздастся тебе добром за твою дружбу». – «Все, что я могу дать тебе, будет твоим, если пожелаешь», – сказал Придери. «Я принимаю твой совет, друг, – сказал Манавидан, – и отправлюсь с тобой, чтобы увидеть Рианнон и ее владения». – «Ты правильно сделаешь, – сказал Приде – ри, – я уверен, что ты никогда не видел более разумной женщины. К тому же в расцвете лет никто не мог сравниться с нею, и даже сейчас ты не разочаруешься, увидев ее».

Они немедленно отправились в путь и наконец прибыли в Дифед. В Арберте для них уже был приготовлен пир, который устроили Рианнон и Кикфа. И Манавидан с Рианнон сели и завели беседу, и она показала свой ум и рассудительность так, что он подумал, что никогда не встречал женщины, подобной ей.

«Придери, – сказал он, – я последую твоему совету». – «Что же это за совет?» – спросила Рианнон. «Госпожа! – сказал Придери, – я пообещал тебя в жены Манавидану, сыну Ллира». – «Я с радостью соглашусь с этим», – сказала Рианнон. «Я тоже согласен, – сказал Манавидан, – и благодарю Бога за то, что у меня такой друг». И до конца пира он женился на ней.

«О господин, – сказал ему Придери, – развлекайся и пируй здесь сколько захочешь, я же отправлюсь в Ллогр,¹⁰⁷ чтобы принести клятву верности Касваллауну, сыну Бели». – «Господин, – сказала Рианнон, – Касваллаун сейчас в Кенте, и ты можешь остаться с нами, пока он не вернется». – «Я буду ждать», – сказал он, и они продолжили празднество.

И они объезжали Дифед, и охотились, и проводили время в развлечениях. Когда же они объехали весь край, то увидели, что нет страны более населенной, и имеющей лучшие охотничьи угодья, и более богатой рыбой и диким медом. И дружба между ними четыремя в то время так укрепилась, что они не могли расстаться даже на день.

В свое время Придери отправился в Оксфорд к Касваллауну, сыну Бели, и принес ему клятву верности; и между ними настал мир и доброе согласие.

И после его возвращения Придери с Манавиданом продолжали праздновать и наслаждаться

фические реалии почти отсутствуют. Основное внимание уделено действиям небольшого круга героев, причем вновь вырисовываются их индивидуальные особенности и различия. В центре повести находится фигура мудрого Манавидана – обобщенного образа бриттских династов, потерявших свои владения в Ллогре и нашедших убежище в Уэльсе. Классический сказочный сюжет «избавления от чар» делает историю динамичной и законченной, а язык ее, выразительный и проникнутый своеобразным валлийским юмором, является одним из лучших образцов средневековой словесности Уэльса.

¹⁰⁵ Слово «lleddf» здесь означает не просто «благородный», но «не добивающийся возврата своих владений». Двумя другими благородными правителями Острова Британии в триаде № 8 именуются Лливарх Хен и Гугон Горон, сын Передура.

¹⁰⁶ Это единственное упоминание о том, что сын мог выдать замуж овдовевшую мать. Реально по валлийскому праву вдова была свободна в выборе мужа; даже в этой истории требуется согласие самой Рианнон.

¹⁰⁷ Ллогр (Логрия) – валлийское название Центральной Англии, одной из трех частей Острова Британии наряду с Уэльсом (Сутгу) и Шотландией (Альба).

покоем. Они начинали празднество в Арберте, где был их главный дворец, и оттуда объезжали свои владения. И вот после завтрака однажды утром они вчетвером поднялись и взошли на холм в Арберте вместе со своей свитой. И когда они сидели там, внезапно поднялся сильный шум и разыгралась буря, и все скрылось в тумане, таком густом, что никто из них не мог разглядеть прочих. Когда же туман рассеялся и они огляделись кругом, то там, где раньше были стада, дома и нивы, они не увидели ничего: ни дома, ни дыма, ни человека, ни зверя; лишь здание дворца стояло пустое и брошенное, и там тоже не было людей и ни одной живой твари. И все их спутники также исчезли, остались лишь они четверо. «О Боже! – воскликнул Манавидан, – где же люди из дворца и наши спутники? Спустимся скорее и поищем их!» Они вошли во дворец и не нашли там никого; они входили в залы и покои и никого не видели, и в погребе и на кухне тоже не было ни души.

И они закончили праздник вчетвером, и пировали, и охотились, и объезжали свои владения, чтобы найти там дома и жителей, но не видели никого, даже диких зверей. И когда у них кончилась еда, они стали ловить рыбу и собирать дикий мед и провели так год и второй, и тут их терпение иссякло.

«Поистине, – сказал однажды Манавидан, – мы не можем больше так жить. Давайте отправимся в Ллогр и займемся каким-нибудь ремеслом,¹⁰⁸ чтобы прокормиться». И они отправились в Ллогр и пришли в город Херефорд¹⁰⁹ Там они обучились седельному делу, и Манавидан принялся разминать кожи и чистить их, как это делал Лласар Ллесгиуневидд, с синей известью, которая с тех пор зовется «краской Лласара».¹¹⁰

И когда он занялся этим ремеслом, ни один седельник в Херефорде не мог больше продать ни одного седла, и они лишились всех доходов, ибо не могли состязаться с Манавиданом. И они сошлись и порешили убить его и его спутников.¹¹¹ Но те были предупреждены об этом и стали решать, что им делать. «Негоже, – сказал Придери, – нам бежать из этого города; лучше пусть эти холопы¹¹² убьют нас». «Нет, – сказал Манавидан, – позорно для нас биться с ними и попасть в темницу за разбой. Будет лучше для нас отправиться в другой город и поселиться там». И они все вчетвером отправились в другой город.

«Чем мы здесь займемся?» – спросил Придери. «Мы будем делать щиты», – ответил Манавидан. «А знаешь ли ты, как их делать?» – снова спросил Придери. «Никто не мешает нам попробовать», – ответил тот. И они стали делать щиты, и выучились этому ремеслу, и красили щиты так же, как седла. И они так преуспели в этом, что никто больше не покупал щитов у прочих мастеров, ибо они работали лучше и скорее всех.

И это продолжалось, пока горожане не возмутились и не решили опять убить их. И они были предупреждены о том, что их хотят предать смерти. «Придери, – сказал Манавидан, – опять эти люди хотят убить нас». – «Давайте сразимся с этими холопами и перебьем их», – сказал Придери. «Нет, – ответил Манавидан, – Касваллаун и его люди узнают об этом и погубят нас. Мы должны уйти в другой город». – «И чем же мы займемся там?» – спросил Придери. «Мы будем выделывать обувь, ибо сапожники не посмеют запретить нам это». – «Но я не умею», – сказал Придери. Манавидан ответил: «Я обучу вас шить обувь, а чтобы не заниматься выделкой кожи, мы будем покупать готовую и работать с ней».

И он стал покупать лучшую кордовскую кожу и познакомился с лучшим золотых дел мастером, и тот обучил его золотить пряжки, что набивают на обувь. И по этой причине его прозвали Третьим из тех, кто золотил обувь.¹¹³

¹⁰⁸ Crefft – от англ. craft («ремесло»). Здесь мы встречаем сюжет о проникновении в Уэльс ремесел, а сам Манавидан выступает в роли классического культурного героя, обучающего людей мастерству.

¹⁰⁹ Херефорд – ближайший к Уэльсу значительный город; был центром, откуда в Уэльс проникали влияния городской феодальной культуры Англии. Упомянутый далее Оксфорд, центр средневековой учености, также играл важную роль в жизни Уэльса.

¹¹⁰ Здесь название синей извести, calch llasar, смешивается с именем беглеца из Ирландии Лласара (см. «Бранвен»).

¹¹¹ Типичная для средневековья нетерпимость членов цеха к конкуренции.

¹¹² Таеог – валлийское обозначение раба. Не знающие городской жизни валлийцы свысока смотрели на горожан, считая ремесло и торговлю «холопскими» занятиями.

¹¹³ В триаде № 67 Манавидан упоминается как один из Трех золотильщиков обуви вместе с Касваллауном, сыном

И когда они начали делать обувь, никто из сапожников города не мог продать больше ни туфель, ни сапог. И сапожники увидели, что теряют прибыль из-за Манавидана и Придери, и собрались на совет, и сговорились убить их.

«Придери, – сказал Манавидан, – эти люди задумали убить нас». – «До каких пор мы будем бегать от этих грязных холопов! – воскликнул Придери. – Давайте же сразимся и перебьем их всех!» – «Нет, – сказал Манавидан, – мы не можем ни сражаться с ними, ни оставаться в Ллогре. Мы вернемся в Дифед и там решим, как быть».

И они отправились в путь и прибыли в Арберт. И зажгли они там очаг,¹¹⁴ и стали жить, добывая пропитание охотой. Так прошел месяц, а потом и весь год. И однажды утром Придери и Манавидан собрались на охоту и, созвав собак, вышли из дворца. Несколько собак бежало впереди их; и, достигнув куста, что рос у дороги, они вдруг отпрянули, и шерсть их от страха поднялась дыбом, и они прижались к людям, ища защиты. «Подойдем к кусту¹¹⁵ – предложил Придери, – и посмотрим, что там». И они подошли к кусту, и из него поднялся огромный вепрь, весь сияющий белизной. Собаки кинулись к нему, но он отбежал немного от людей и встал там, спокойно слушая лай собак. Когда люди подошли ближе, он вновь отступил. И так они преследовали его, пока не вышли к большому и величественному замку, который казался недавно построенным и стоял там, где они никогда ранее не видели даже камня. Вепрь побежал прямо в замок, и собаки последовали за ним. И когда они скрылись в замке, Придери и Манавидан изумились, увидев замок там, где его не было совсем недавно. И с вершины холма они пытались разглядеть или расслышать собак, но не услышали ни лая, никаких других звуков.

«Господин, – сказал Придери, – я пойду в этот замок и отыщу собак». – «Поистине, – сказал Манавидан, – негоже идти в замок, который так внезапно появился в этом месте. Он выстроен не иначе, как колдовством». – «Я не могу бросить своих собак», – возразил ему Придери и, не послушав совета, направился к воротам замка.

Войдя внутрь, он не увидел ни человека, ни зверя, ни вепря, ни собак и никаких признаков жизни. И в середине двора был мраморный фонтан и на краю его – золотая чаша, подвешенная на четырех цепях, которые уходили ввысь так, что их концов не было видно.

И он восхитился красотой чаши и подошел, чтобы взять ее. Но как только он взялся за чашу, его руки прилипли к ней, а ноги – к мраморной плите, на которой он стоял, и дар речи покинул его, так что он не мог произнести ни слова.

И Манавидан ждал его до конца дня, а убедившись, что Придери и его собаки не вернулись, отправился домой. Когда он пришел, Рианнон спросила: «Где же твой спутник и собаки?» – «Выслушай, – сказал он, – что с ними случилось». И он рассказал ей обо всем. «Поистине, – молвила Рианнон, – ты оказался плохим товарищем, а хорошего товарища потерял». И с этими словами она ушла и направилась туда, где, по словам Манавидана, стоял замок. Она увидела, что ворота замка открыты и лишены охраны, и вошла внутрь. И, войдя туда, увидела она Придери, державшего чашу, и подошла к нему. «О сын мой! – воскликнула она, – что ты здесь делаешь?» И она протянула руку к чаше, и, как только она коснулась ее, рука ее также прилипла к чаше, а ноги – к мраморной плите, и она не могла сказать ни слова. Так стояли они, пока не спустились сумерки, и раздался грохот, и замок растаял в тумане со всем, что в нем было.

Когда Кикфа, дочь Гвинна Глеу, жена Придери, увидела, что в замке не осталось никого, кроме нее и Манавидана, она так опечалилась, что смерть показалась ей лучше жизни. И Манавидан обратился к ней. «Ты не права, женщина, – сказал он, – коль боишься довериться мне. Клянусь Богом, что нет у тебя друга преданнее меня. Ведь я с юных лет был товарищем Придери и твоим. Поэтому не опасайся меня». – «Господь воздаст тебе, – ответила она, – я не сомневаюсь в твоей дружбе». И сомнение исчезло из ее сердца.

«Итак, – сказал Манавидан, – нам нельзя оставаться здесь, ибо мы лишились собак и не можем больше добывать пропитание. Отправимся в Ллогр, там нам будет легче прожить». – «Хоро-

Бели (см. примечание к «Бранвен») и Ллеу Ллау Гифсом (см. «Мат, сын Матонви»).

¹¹⁴ «A Uad tan a wnaethant» – валлийская фраза, означающая «поселиться в каком-либо месте».

¹¹⁵ «Подойдем к кусту» – *parth ar berth*. Несомненно, перед нами попытка объяснить происхождение топонима «Арберт».

шо, господин, – сказала Кикфа, – мы так и сделаем». И они отправились в Ллогр.

«Господин, – спросила она его, – каким же ремеслом мы займемся теперь?» – «Я могу только делать то же, что и раньше, – ответил он, – шить обувь». – «Господин, – возразила она, – эта грязная работа не подобает мужу такого достоинства, как ты». – «Мое достоинство это стерпит», – ответил он. И он стал работать с лучшей кожей, какую мог достать, и делал туфли с золочеными пряжками так хорошо, что работа прочих мастеров того города показалась грубой и неуклюжей по сравнению с его. И вскоре никто не стал покупать у них ни туфель, ни сапог. Так прошел год, пока сапожники не собрались и не сговорились против него, но он был предупрежден и сказал Кикфе, что сапожники намереваются его убить.

«Господин, – сказала Кикфа, – куда же нам скрыться от этого мужичья?» – «Мы вернемся назад в Дифед», – ответил он, и они отправились в Дифед. А когда они собирались в путь, Манавидан захватил с собою пшеничный колос. И они пришли в Арберт и поселились там. И для него не было места приятнее, чем Арберт, где они жили с Придери и Рианнон. Он рыбачил и охотился на оленей, а вскоре засеял три поля, и там взошла лучшая в мире пшеница, которая разрослась так обильно, как никто еще не видел.¹¹⁶

Пришло время собирать урожай. И он пошел на первое поле и увидел, что пшеница поспела. «Я сожну ее завтра», – сказал он. Ночь он провел в Арберте и рано утром поднялся, чтобы сжать пшеницу. Но, придя на участок, он не увидел там ничего, кроме голых стеблей, и сильно подивился этому.

И он пошел на другое поле и увидел, что урожай и там поспел. «Я сожну пшеницу завтра», – сказал он. И наутро он встал, чтобы пойти на поле, но пришел туда и опять обнаружил только голые стебли. «О Боже! – воскликнул он, – кто же готовит мне голодную смерть? Не тот ли это, кто уже опустошил мой край?»

И он отправился на третье поле, и, когда пришел туда, там не было ни души, и он увидел, что пшеница и там поспела. «Будь я проклят, – сказал он, – если этой ночью я не увижу, кто здесь хозяйничает». И он взял оружие для охраны поля и рассказал обо всем Кикфе. «Что же ты сделаешь?» – спросила она. «Я пойду этой ночью в поле», – сказал он.

И он отправился в поле, и провел там половину ночи, и тут вдруг услышал сильнейший в мире шум. И он узрел великое множество мышей, которым не было ни меры, ни числа. И не успел он опомниться, как мыши набросились на пшеницу, и каждая из них наклонила по стеблю и отгрызла колос так, что ни одного целого колоса не осталось. И они пустились бежать, унося с собою колосья.

Тогда, исполненный гнева, он ворвался в середину мышиной стаи, но не смог коснуться ни одной мыши, ибо они взмыли в воздух, подобно птицам или мухам, кроме одной, которая была в тягости. И он, увидев это, схватил ее, посадил в свою перчатку и принес в дом.

Он вошел в комнату, где была Кикфа, и зажег огонь, и повесил перчатку на гвоздь. «Что там, господин?» – спросила Кикфа. «Там вор, – сказал он, – которого я застиг на месте преступления». – «Что же это за вор, что ты смог посадить его в перчатку?» – «Слушай же», – и он поведал ей, как его поля были разорены и как мыши опустошили последнее на его глазах: «И одна из них была в тягости, и я смог поймать ее; вот она в перчатке. Завтра я повешу ее¹¹⁷ и, клянусь Богом, сделаю то же с ними всеми, если поймаю». – «О господин, – сказала она, – негоже такому благородному мужу, как ты, гневаться на эту ничтожную тварь. Ты должен не рядиться с этой мышью, а отпустить ее».

«Будь я проклят, – воскликнул он, – если я не истреблю их всех, кого смогу изловить». – «Что ж, – сказала она, – защищая эту мышь, я хотела лишь не допустить умаления твоей чести. Делай как знаешь». – «Назови хоть одну причину, по которой я должен ее пощадить, и я послушаюсь, – сказал Манавидан, – я же не знаю таких причин и хочу с ней покончить». – «Тогда так и сделай», – сказала Кикфа.

И после этого он взошел на холм в Арберте, неся с собою мышь. И на вершине он соорудил

¹¹⁶ Здесь Манавидан обучает скотоводов-валлийцев не только ремеслу, но и земледелию.

¹¹⁷ Последующий эпизод отражает наказание вора по валлийскому праву. Если вора ловили с чутким имуществом, его могли повесить; если же кража считалась доказанной, но вор не держал в момент поимки имущества в руках, он должен был заплатить выкуп. В истории отражена борьба церкви за замену казни денежным возмещением.

виселицу из двух рогулек, и в это время к нему подошел клирик¹¹⁸ в бедной и поношенной рясе. А ведь прошло семь лет с тех пор, как он видел там человека или зверя, кроме тех, что жили с ним вместе, пока не потерялись. «О господин, – сказал клирик, – помоги тебе Бог!» – «Приветствую тебя, – ответил ему Манавидан, – откуда ты, клирик?» – «Я иду из Ллогра, господин, – сказал тот, – а почему ты спрашиваешь об этом?» – «Потому что в последние семь лет, – сказал Манавидан, – я не видел здесь ни одного человека, кроме четверых, живших здесь, и я один из них». – «Понимаю тебя, господин, – сказал тот, – я же иду через эту землю к себе на родину. А что ты делаешь здесь?» – «Я вешаю вора, который ограбил меня». – «И что это за вор? – спросил клирик. – Я вижу в руке у тебя нечто, напоминающее мышь, и странно, что муж столь знатного вида держит в руке такую тварь. Прошу тебя, отпусти ее». – «Я не отпущу ее и не продам», – сказал он. «Как хочешь, господин, – сказал тот, – хоть я и огорчен, видя тебя, благородного господина, с этой мышью в руках, но я не стану тебя уговаривать». И клирик удалился.

И он положил на рогульки перекладину, и тут к нему подъехал священник на богато убранном коне. «Здравствуй, господин», – сказал он. «Приветствую тебя, святой отец», – сказал ему Манавидан. «Бог с тобою, – сказал священник, – что это ты здесь делаешь?» – «Я вешаю вора, который ограбил меня», – ответил он. «И что это за вор?» – спросил тот. «Это тварь, – ответил Манавидан, – именуемая мышью; она обокрала меня, и я казню ее смертью». – «О господин, – сказал тот, – не губи эту мышь. Я заплачу любую цену, чтобы ты помиловал ее». – «Клянусь Богом, в которого я верю, – я не продам ее и не отпущу». – «За мышь не положено виры, – сказал священник, – но чтобы ты не осквернялся прикосновением к этому животному, я дам тебе три фунта, если ты отпустишь ее». – «Я не приму этого выкупа, – сказал Манавидан, – ибо желаю отомстить за свое погубленное добро». – «Что ж, господин, тогда делай как пожелаешь», – и священник удалился.

И он надел волосяную петлю на шею мыши и уже хотел повесить ее, как вдруг увидел подъезжающего к нему на коне епископа с многочисленной свитой. Тут он оставил свое занятие. «Благословите меня, господин епископ», – сказал он. «Господь благословит тебя, сын мой, – ответил тот, – что ты делаешь здесь?» – «Я вешаю вора, – сказал Манавидан, – который ограбил меня». – «Не мышь ли, – спросил тот, – держишь ты в руке?» – «Да, – ответил он, – это и есть вор». – «О! – воскликнул епископ. – Я не могу допустить убиения Божьей твари, и я выкуплю ее у тебя. Я дам тебе семь фунтов, чтобы ты не осквернял себя прикосновением к жалкой мыши. Отпусти ее, и ты получишь эти деньги». – «Клянусь Богом, я не отпущу ее», – сказал он. «Хорошо, я дам тебе двадцать фунтов и еще четыре, чтобы ты отпустил ее». – «Я не отпущу ее ни за какие деньги», – сказал он. «Если тебе не нужны деньги, – сказал епископ, – я дам тебе всех коней, что ты видишь здесь, и семь тюков разного добра, и семь лошадей, что их везут». – «Я не возьму этого, господин», – сказал он. «Скажи же сам свою цену». – «Освободи Рианнон и Придери», – сказал он. «Ты получишь их». – «Но этого мало». – «Чего же ты еще хочешь?» – «Сними чары и наваждение с семи частей Дифеда», – сказал он. «Я сделаю все это, если ты отпустишь мышь». – «Я не отпущу ее, – сказал он, – пока не узнаю, кто эта мышь». – «Это моя жена. Когда это все случилось, я не смог выручить ее». – «Так для чего же она пришла ко мне?» – спросил он. «Чтобы украсть твоё зерно, – ответил тот, – я Ллойд,¹¹⁹ сын Килкоэда, и я навел чары на семь частей Дифеда из мести за Гуала, сына Клида, с которым я дружен. И я отомстил Придери за игру в барсука в мешке, что Пуйл, Государь Аннуина, затеял с Гуалом при дворе Хэфайдда Старого. И когда я узнал, что ты вновь пришел в эту страну, я обратил своих воинов в мышей, чтобы погубить твои поля. И они пришли в первую и вторую ночь и сгубили два твоих поля. И на третью ночь пришла ко мне жена со своими дамами, и просили они, чтобы я тоже превратил их в мышей. И я сделал это; она же была в тягости, потому ты и смог схватить ее, и, раз уж это случилось, я верну тебе Придери и Рианнон и сниму с Дифеда чары и наваждение. Вот я сказал тебе, кто она. Теперь отпусти ее». – «Клянусь Богом, – сказал Манавидан, – я не отпущу ее». – «Чего ты еще хочешь?» – спросил тот. «Я хочу, чтобы никакие чары больше никогда не сходили на семь частей Дифеда». – «Так будет, – сказал тот, – если ты отпустишь ее». – «Я не отпущу ее», – сказал он. «Чего же ты хочешь еще?» –

¹¹⁸ Yscolheic – собственно, «школяр», т. е. студент Оксфорда.

¹¹⁹ Llwyd – валл. «серый», также «седой», что отражает как «мышинный» характер персонажа, так и его принадлежность к нечистой силе (ср. англ. brownie – «домовой»).

спросил тот. «Я сказку: хочу, чтобы ты никогда не мстил ни Придери, ни Рианнон, ни мне». – «Я выполню это условие, и ты мудро поступил, высказав его, иначе я обрушил бы на твою голову все бедствия мира». – «Я знал это, – сказал Манавидан, – потому и сказал так», – «Теперь отпусти мою жену на волю». – «Я не отпущу ее, пока не увижу здесь Придери и Рианнон». – «Смотри, вот они», – сказал тот.

И тут появились Придери и Рианнон. И он направился к ним, и приветствовал, и усадил их рядом. «Теперь отпусти мою жену, – сказал муж в обличье епископа, – и ты получишь все, о чем попросил». – «Теперь я с удовольствием отпущу ее», – сказал он.

И он выпустил ее из рук. И епископ коснулся мыши волшебной палочкой, и она преобразилась в молодую даму, прекраснейшую из всех виденных им. «Оглянись и посмотри вокруг, – молвил епископ, – и ты увидишь все дома и их жителей на прежнем месте». И Манавидан встал и оглядел землю. И там, куда он смотрел, он увидел землю вновь заселенной, полной людей и животных.

«Какое же наказание, – спросил он, – несли у тебя Придери и Рианнон?» – «Придери носил на шее кольцо от ворот моего дворца, а Рианнон – ярмо, под которым ослы возят сено. Это и было их наказание». И по этой причине история именуется также мабиноги Ярма и Кольца.¹²⁰

И это конец третьей Ветви Мабиноги.

Мат, сын Матонви¹²¹

Это – четвертая Ветвь Мабиноги.

Мат, сын Матонви,¹²² правил в Гвинедде¹²³ а Придери, сын Пуйла, был королем двадцати и одной части юга. Это были семь частей Дифеда, семь частей Морганнога, четыре части Кередигона и три – Истрад-Тиви.

И в то время Мат, сын Матонви, не мог прожить без того, чтобы, когда он сидел, ноги его не покоились на коленях девушки, за исключением времени, когда он отправлялся на войну.¹²⁴ И

---

¹²⁰ Здесь во множ. числе, «*tinweigeu ar tynordd*» – попытка объяснить названия селений Минвейр и Минордд. То, что Рианнон снова, как и в «Пуйле», заставляют вместе с Придери исполнять обязанности лошади, вновь напоминает о ее чертах богини-прародительницы, соединенной с лошастью. В этой связи женитьба Манавидана на Рианнон, как необходимое условие овладения землей Дифеда, становится понятной в свете древнего индоевропейского обычая «брака» новоизбранного короля с кобылой как олицетворение владения (ирландский «фейс» или индийская «ашва-медха»).

¹²¹ *Math uab Manthonwy*

Повесть о Мате вводит в мир мабиноги много новых действующих лиц, и ее первоначальный сюжет, сам по себе сложный, еще более усложнен заимствованиями из других легенд. Здесь прежняя главная линия Четырех Ветвей, связанная с Придери, кончается с его смертью, и на первый план выходит новый молодой герой – Ллеу Ллау Гифс, а также его наставники Мат, сын Матонви, и Гвидион, сын Дон. В связи с этим действие переносится из Дифеда в Северный Уэльс, Гвинедд.

«Мат» – самая «волшебная» часть мабиноги. Почти все герои повести – чародеи, и реальность в ней всецело подчинена волшебному хотению. Здесь не так выписаны отдельные характеры, как в других Ветвях, не так строен сюжет, но это компенсируется силой воображения и поэтичностью, пронизывающей текст (особенно в сценах сотворения Блодьведд и встречи Гвидиона с сыном в образе орла).

Мифологические влияния в повести разнообразны и часто трудно определимы. Несомненно, почти все ее герои – прежние боги кельтского пантеона (сыновья Дон), превращенные традицией в могучих волшебников. Рудименты мифа соединяются с эпической традицией (война Севера и Юга Уэльса) и многочисленными сказочными сюжетами.

¹²² Мат ап Матонви упоминается как великий чародей в ряде триад и в поэмах Талиесина (в частности, «Кад Годдеу»). Хотя традиция делает его королем Гвинедда, связь его с этой областью слабо заметна.

¹²³ Гвинедд – северное королевство Уэльса, центр сопротивления англонормандским завоевателям; завоевано Эдуардом I английским в 1282 г.

¹²⁴ «Держатель ног» часто встречался в числе придворных должностей раннего средневековья. Это всегда был мужчина, и в его обязанности входило не только омывание и растирание ног своего господина, но и другие услуги, в частности пробование пищи. В Уэльсе его существование зафиксировано законами Хоуэла Доброго.

В данной истории, несомненно, девственность как «держательница ног» престарелого чародея играет важную роль в качестве источника его жизненных и волшебных сил (вспомним, что для многих колдовских обрядов требовалась кровь девушки). Последующее лишение Гэвин девственности, переосмысленное редактором как «бесчестье» королю, первоначально ставило целью лишение его волшебной силы.

девушку, что была тогда с ним, звали Гэвин, дочь Пебина из Дол-Пебин в Арфоне, и она была красивойшей из дев того времени.

И Мат всегда жил в Каэр-Датил в Арфоне¹²⁵ и не объезжал своих владений; вместо него это делали Гилфайтви, сын Дон, и Эфейдд, сын Дон, его племянники, дети его сестры¹²⁶ со своими дружинами.

И девушка эта всегда была с Матом; и Гилфайтви, сын Дон, заметил ее и влюбился так, что не находил себе места, и его вид так изменился от любви к ней, что его трудно было узнать. И в один из дней Гвидион, его брат,¹²⁷ обратился к нему. «О юноша, – спросил он, – что случилось с тобой? И отчего ты так печален? Я вижу, что ты худ, и бледен, и плохо ешь». – «Брат мой, – ответил тот, – я не могу открыть никому причину охватившей меня тоски». – «Но что же это, друг мой?» – спросил Гвидион. «Ты ведь знаешь Мата, сына Матонви, – сказал тот, – если самый тихий шепот двоих будет подхвачен ветром, он услышит его».¹²⁸ – «Это так, – сказал Гвидион, – тогда лучше молчи, ибо я знаю твои мысли: ты влюблен в Гэвин». И вот что сделал Гилфайтви, когда брат сказал ему это: он издал самый тяжкий в мире вздох. «Погоди вздыхать, друг мой, – сказал Гвидион, – может статься, с моей помощью ты добьешься своего. Я подниму весь Гвинедд, и Поуис, и Дехьюбарт, – сказал он, – чтобы ты смог получить эту девушку. Поэтому возвеселись, и ты достигнешь желаемого тобой».

И после они пошли к Мату, сыну Матонви. «Господин, – сказал Гвидион, – слышал я, что на юге появились звери, не виданные на этом острове». – «И как же их зовут?» – спросил тот. «Свиньи, господин»¹²⁹ – «И что же это за звери?» – «Это небольшие звери, но их мясо вкуснее, чем говядина». – «И кто же ими владеет?» – «Их хозяин – Придери, сын Пуйла; их прислал ему Араун, король Аннуина». – «Хорошо, – сказал король, – и как же нам их добыть?» – «Я сам, господин, отправлюсь к нему с дюжиной спутников под видом бардов и выпрошу свиней». – «Он может отказать тебе», – возразил король. «Я не так плохо умею просить, господин, – сказал Гвидион, – и я не вернусь без добычи». – «Что ж, – сказал король, – тогда иди».

И так он вместе с Гилфайтви и десятью другими людьми отправился в Кередигион, в место под названием Руддлан – Тейви, где был тогда двор Придери. Они приняли вид бардов и шли с песнями и музыкой.

И той же ночью Гвидион явился к Придери. «Я буду рад, – сказал Придери, – услышать от вас какую-нибудь историю». – «О господин, – ответил ему Гвидион, – по нашему обычаю, когда мы приходим к столь знатному мужу, в первую ночь с ним говорит главный бард».¹³⁰ Я с радостью поведаю тебе те удивительные истории, которые знаю».

А Гвидион был лучшим рассказчиком в мире, и всю ночь он развлекал короля и его свиту

---

¹²⁵ Каэр-Датил в Арфоне (современное графство Карнарвон), где Мат держал двор, находится вне пределов исторической территории Гвинедда.

¹²⁶ Дон (ирландская Дану) – хтоническая богиня-прародительница кельтов, именуется здесь сестрой Мата. Ее дети, названные здесь Гилфайтви и Эфейдд, в традиции выступают как Гофаннон и Эйнидд и вместе с Гвидионом и Арианрод, другими детьми Дон, фигурируют во многих легендах и поэтических отрывках.

¹²⁷ Гвидион, сын Дон – весьма известный персонаж валлийской традиции, чародей и культурный герой, обучивший валлийцев многим ремеслам. В древности Млечный Путь называли в Уэльсе *Caer Gwydion* (Крепость Гвидиона); в местности Динллеу показывали его могилу. В качестве отца Ллеу Ллау Гифса он выступал и как легендарный прародитель валлийцев. Его функции часто смешивались с функциями его брата – кузнеца Гофаннона. В поэме «Кад Годдеу» Гвидион вместе со своим братом Аметоном возглавляет войско, сражающееся с силами зла в Каэр-Невенхир. В этой повести он постепенно перерастает из зловредного трикстера в мудрого и могущественного волшебника.

¹²⁸ Еще одно чудесное умение Мата, сравнимое со свойством племени Коранияйд (см. «Ллудд и Ллевелис»).

¹²⁹ Словом «hobeu» («свиньи») позже стали называться дикие кабаны, поэтому редактор поясняет его заимствованным из Ирландии словом «toch». Здесь свиньи – чудесные животные потустороннего мира, символ власти и избобилия, и потому обладание ими так ценно для правителя.

¹³⁰ *Pencerdd* («глава песни») – старшина странствующей «труппы» бардов. В Уэльсе барды (*bardd*), в отличие от Ирландии, где они играли вспомогательную роль, были основными хранителями древних преданий и обрядов. Их важная роль и последующая деградация отражены в легенде о Талиесине (см.).

историями и беседами так, что все были очарованы им, и сам Придери говорил с ним. «Господин, – сказал он наконец, – может, пришла пора прислать к тебе другого барда?» – «Нет нужды, – ответил Придери, – ты лучший рассказчик». – «Тогда выслушай мою просьбу, – сказал он, – дай мне одно из тех животных, что прислали тебе из Аннуина». – «Не было бы ничего легче, – сказал Придери, – если бы не договор с моими людьми, которым я обещал никому не отдавать этих животных, пока их число не удвоится». – «О господин, – сказал Гвидион, – это легко исправить. Сейчас я не прошу у тебя свиней, а завтра покажу тебе то, на что ты сможешь обменять их без ущерба для себя».

И той же ночью он собрал на совет своих спутников. «Друзья мои, – сказал он, – нам не отдадут свиней просто так». – «На что же, – спросили они, – можем мы их обменять?» – «Сейчас увидите», – ответил он. И он показал свое искусство, сотворив чудесные вещи. Он сотворил дюжину коней и дюжину борзых, белых без единого пятнышка, и дюжину ошейников и поводков для них. И никто из видевших их не догадался бы, что эти вещи не из золота. И он сотворил дюжину седел для коней, каждая часть которых была из железа, покрытого золотом, и такие же уздечки. И со всем этим он пришел к Придери. «Привет тебе, господин», – сказал он. «Благослови тебя Бог», – ответил тот. «Господин, – сказал он, – ты сказал мне прошлой ночью, что не можешь ни продать, ни подарить своих свиней. Но ведь ты можешь обменять их, и я дам за них эту дюжину коней, которых ты видишь, и их седла с уздечками, и дюжину борзых, и их ошейники с поводками, и дюжину золоченых щитов, что ты видишь там». В щиты же он обратил шляпки грибов. «Что ж, – сказал Придери, – нам надо посоветоваться». Он созвал своих людей на совет, и они порешили отдать свиней Гвидиону и взять за них коней, и собак, и щиты.

И они отправились в путь, захватив с собою свиней. «Друзья мои, – сказал Гвидион, – нам придется поспешить. Волшебство сохранит силу лишь до утра». И той ночью они дошли до высочайшего места Кередигона, которое по этой причине получило имя Мохдрэф.¹³¹ На другой день они продолжили путь, прошли через Эленидд и к ночи оказались между Кери и Арвистли, в месте, которое тоже называется с тех пор Мохдрэф. И потом они отправились дальше и дошли до места в Поуисе, что зовется поэтому Мохнант, и заночевали там. И после они дошли до Кантреф-Рос, и в месте их ночевки после возникла деревня, названная также Мохдрэф.

«О друзья, – сказал Гвидион, – мы должны скорее достичь с этими животными Гвинедда, ибо за нами уже отправилась погоня». И они дошли до высочайшего места Арлехведа и устроили там загон для свиней, поэтому деревня, появившаяся там, стала называться Креувирон.¹³² И после этого они пришли к Мату, сыну Матонви, который ждал их в Каэр-Датил. И они нашли короля и народ в волнении.

«Каковы ваши новости?» – спросил Гвидион. «Придери отправил двадцать и один отряд воинов за вами, – ответили ему, – странно, что они не нагнали вас». – «Где же те животные, за которыми вы ездили?» – спросил Мат. «Они укрыты в загоне недалеко отсюда», – сказал Гвидион. И тут они услышали звук рога, призывающий к оружию,¹³³ и вместе с войском отправились к Пенардду в Арфоне.

Но той же ночью Гвидион, сын Дон, и Гилфайтви, его брат, вернулись тайно в Каэр-Датил, и Гилфайтви соединился с Гэвин, дочерью Пибина, на ложе короля Мата против ее воли.

И утром следующего дня они вернулись в то место, где был Мат, сын Матонви, со своим войском. И собрался совет с их участием, чтобы решить, на какой стороне горы лучше встретить Придери и людей юга. Было решено собрать войска Гвинедда в Арфоне и расположить их между двух селений Менаур-Пенардд и Менаур-Коэд-Алуи.¹³⁴ И Придери напал на них, и в битве обе стороны понесли тяжелые потери, и люди юга отступили к месту, которое называется Нанткалл. Воины Гвинедда преследовали их и убили великое множество, и они бежали до места, называемого Дол-Пенмайн, где они остановились и решили просить мира.

¹³¹ Путь Гвидиона со спутниками пролегает через Кередигон, где многие места действительно носят «свиные» названия. Mochdref – «свиное селение», однако Mochnant не имеет отношения к свиньям и означает «быстрый ручей».

¹³² От greu – «свинарник».

¹³³ В случае войны рог призывал к оружию всех свободных общинников, составлявших ополчение.

¹³⁴ Maenawr (от англ. manor) обозначало селение, где жили несвободные люди.

И Придери отправил посланцев для заключения мира. Это были Горги Гвастра и двадцать четыре знатных юноши. И он также предложил Мату вместо поединка воинов устроить поединок между ним самим и Гвидионом, сыном Дон, который был главным виновником раздора.

Это предложение дошло до Мата, сына Матонви. «Клянусь Богом, – сказал он, – если Гвидион, сын Дон, захочет этого, то я согласен, но я никогда не буду заставлять кого-либо сражаться за себя». – «Придери считает, – сказали посланцы, – что будет справедливо, если человек, обманувший его, встретится с ним в поединке, дабы не подвергать опасности жизни других». – «Но я не стану побуждать моих людей сражаться, пока я сам могу выйти на бой с Придери. Я с удовольствием померяюсь с ним силами». И этот его ответ передали Придери. «Что ж, – сказал он, – я тоже никого не заставляю защищать свою честь, пока могу сделать это сам».

И они вооружились, и встали друг против друга, и начали биться. И мощью Гвидиона, соединенной с чарами, Придери был сражен. Его похоронили в Маэн-Тивок у подножия Феленрид, и там была его могила.

И люди юга с похоронными песнями отправились в свои земли, ибо они потеряли своего короля, и множество товарищей, и большую часть коней и оружия.

Люди же Гвинедда вернулись домой с победой. «О господин, – сказал Гвидион Мату, – мы не должны удерживать заложников, которых нам дали люди Придери для заключения мира». – «Мы освободим их», – сказал Мат. И эти заложники были отправлены вслед за армией южан.

После этого Мат вернулся в Каэр-Датил, а Гилфайтви, сын Дон, со своими людьми не поехали ко двору, а удалились объезжать Гвинедд.

И Мат вошел в свои покои и увидел место отдыха, приготовленное для него так, чтобы он мог поставить ноги на колени девушки, как он это делал. «О господин мой, – сказала тут Гэвин, – найди другую девушку, кто будет держать твои ноги, ибо я стала женщиной». – «Что же с тобой случилось?» – спросил Мат. «Надо мною сотворили насилие, господин, хотя я кричала и сопротивлялась, и все при твоём дворе слышали это. И это дело рук твоих племянников Гвидиона и Гилфайтви, сыновей твоей сестры. Они обесчестили меня и запятнали твою честь, ибо один из них спал со мной в твоей комнате и на твоём ложе». – «Что ж, – сказал он, – я сделаю все, что смогу. Я защищу твои права, и сделаю тебя своей женой, и дам тебе власть над всеми моими землями».

А они не вернулись ко двору, но продолжали объезжать земли, пока не дошла до них весть, что они лишены всех прав.¹³⁵ Сначала они не хотели возвращаться, но наконец пришли к Мату. «Господин, – сказали они, – мы в твоей воле!» – «Что же мне сотворить с вами?» – спросил он. «Делай с нами что хочешь». – «Не в ваших силах вернуть тех людей и добро, которых я лишился из-за вас. Не можете вы отплатить и за мое бесчестье, и за смерть Придери. Но раз уж вы пришли, я назначу вам наказание».

И он поднял волшебный жезл и ударил им Гилфайтви, и тот превратился в олениху. Он ударил и Гвидиона, который хотел убежать, и тот стал оленем. «В наказание я велю вам жить вместе, как диким зверям, облик которых вы приняли. И у вас будет то же потомство, что и у них. Через год в этот же день вы придете ко мне».

И ровно через год он услышал шум за стенами дворца и лай собак. «Посмотрите, что там», – велел он слугам. «Господин, – сказали ему, – там олень с оленихой и с ними детеныш». Услышав это, он встал и вышел на крыльцо. И там он увидел трех зверей: оленя, олениху и прелестного олененка. И тогда он поднял свой жезл. «Тот из вас, кто был этот год оленихой, станет диким кабаном, а тот, кто был оленем, станет свиньей, – сказал он и ударил их жезлом, – но детеныша я беру на воспитание». И он дал ему в крещении имя Хиддин.¹³⁶ «Идите же и будьте животными, в которых я обратил вас, а через год приходите ко мне в этот же день вместе с потомством».

И через год он услышал лай собак и шум за дворцовой оградой. Тогда он встал и вышел наружу, где увидел трех зверей. Это были дикий кабан и дикая свинья и с ними маленький поросенок. «Что ж, – сказал Мат, – я возьму его и воспитаю». И он ударил поросенка волшебным жезлом, и тот превратился в прекрасного юношу с каштановыми волосами. И в крещении он получил имя Хикдин. Им же он сказал: «Тот из вас, кто был кабаном, в следующем году будет волчицей, а

¹³⁵ То есть исключены из своего рода и оставлены без всякой помощи. Такие отверженные не могли бы долго существовать в обществе, проникнутом родовыми связями; поэтому они были вынуждены сдать на милость Мата.

¹³⁶ Hyddwn – «олененок», Hychdwn – «поросенок», Bleiddwn – «волчонок».

тот, кто был свиньей, станет волком». И он ударил их жезлом так, что они превратились в волка и волчицу. «Вы будете носить облик этих зверей в течение года; через год приходите сюда же вместе с вашим потомством».

И в тот же день год спустя он услышал шум и лай собак за стенами дворца. Он встал и вышел наружу, где увидел волка с волчицей и с ними здорового и сильного волчонка. «Я возьму его, – сказал он, – и воспитаю, и у меня есть уже имя для него. Пусть он зовется Бледдин. Теперь у вас уже трое потомков, и они

*Трое ложных сынов Гилфайтви
Удивят своей доблестью мир:
Бледдин, Хиддин и Хикдин Хир».¹³⁷*

И после этого он коснулся их обоих волшебным жезлом, и они обрели свой первоначальный облик. «Люди, – сказал он, – если вы сделали мне зло, то вы искупили его. И за позор, причиненный мне, вы уплатили своим позором. Приготовьте же для них баню, и вымойте их, и оденьте». И это было сделано для них.

И, одевшись, они пришли к королю. «Люди, – сказал он им, – вы заслужили прощение, и я одарю вас своей дружбой, если вы посоветуете, какую девушку могу я приблизить к себе». – «Господин, – сказал Гвидион, сын Дон, – я с легкостью скажу, что это Арианрод, дочь Дон,¹³⁸ твоя племянница».

И ее привели к нему, и она вошла. «О дева, – спросил он ее, – девушка ли ты?» – «Я не знаю, господин, кем же я еще могу быть». Тогда он взял волшебный жезл и положил его на пол. «Перешагни через него, – сказал он, – и если ты девушка, я увижу это».

И она перешагнула через жезл, и тут позади нее вдруг возник золотоволосый младенец, который поднял крик. Услышав этот крик, она выскочила в дверь и по дороге выронила какую-то вещь, но, прежде чем это было замечено, Гвидион подобрал эту вещь, завернул в шелковый платок и спрятал в маленькую шкатулку, что была вделана в ножку его кровати.

«Что ж, – сказал Мат, сын Матонви, – я воспитаю этого младенца и дам ему имя Дилан». Мальчик был крещен и сразу вслед за этим нырнул в море. Он был морской породы и плавал лучше любой рыбы. Потому его прозвали Дилан Айлмор.¹³⁹ Удар, что оборвал его жизнь, нанес ему его дядя Гофаннон, и это был один из Трех коварнейших ударов.¹⁴⁰

В один из дней Гвидион лежал в постели и вдруг услышал плач, который раздавался из спрятанной им шкатулки. Он расслышал его, хотя плач был тихим. Тогда он быстро встал, и открыл шкатулку, и в ней увидел маленького мальчика, тянущего к нему ручонки из шелковых складок. И он достал мальчика оттуда, взял его и отнес в город, где отдал его на воспитание одной женщине, у которой мальчик пробыл год. И через год они удивились быстроте его роста, ибо он выглядел как трехлетка. А в конце второго года он вырос настолько, что смог прийти ко двору. И когда он пришел туда, Гвидион сам стал заботиться о нем, и мальчик привязался к нему и полюбил, как отца. Он оставался при дворе, пока ему не исполнилось четыре года, и в этом возрасте он выглядел на восемь лет.

И однажды Гвидион с мальчиком отправились в Каэр-Арианрод. И когда они пришли туда, Арианрод встретила их. «Что это за мальчик с тобой?» – спросила она. «Это твой сын», – ответил Гвидион. «Увы тебе! Зачем ты позоришь меня?» – «Если для тебя нет большего позора, чем такой

¹³⁷ Превращение Матом Гвидиона и Гилфайтви отмечено в триаде № 28 в числе Трех великих превращений Острова Британии.

¹³⁸ Arianrod («Серебряное кольцо») встречается в триаде № 78 как одна из Трех прекрасных дев Острова Британии. В ее честь называлось созвездие Северной Короны (Caer Arianrod); так же называлась ее крепость, описанная далее, которая, по легендам, ушла на дно моря и до сих пор видна среди волн в ясную погоду (что позволяет считать Арианрод связанной с морем). От брака с Ллиаусом у нее были два сына: Гванар и Гвенвинвин. Ллеу Ллау Гифс, упомянутый в качестве ее сына только в этом тексте, обычно именуется сыном Гвидиона.

¹³⁹ Дилан Сын волны, упомянутый в поэмах Талиесина.

¹⁴⁰ Триада, посвященная этому, не сохранилась. Гофаннон, как уже говорилось, часто смешивается с Гвидионом, сыном которого, возможно, Дилан и являлся.

прекрасный сын, то ты поистине должна быть счастлива». – «Как же его зовут?» – спросила она. «По правде говоря, – ответил он, – у него еще нет имени». – «Значит, ему суждено, – сказала она, – получить имя от меня». ¹⁴¹ – «Клянусь Богом, – возразил Гвидион, – ты грешная женщина, и данное тобою имя может погубить его. Ведь ты солгала – ты не девица и никогда не станешь ею вновь». И он в гневе удалился в Каэр-Датил и провел там ночь.

На следующий день он поднялся и, взяв с собою мальчика, отправился к берегу моря в Абер-Менуи. И там он сотворил из морской травы корабль, а другую траву превратил в кожи, выделанные самым искусным образом. И затем он поднял на корабле паруса и приплыл на нем вместе с мальчиком в гавань Каэр-Арианрод. И там он разложил кожи так, чтобы их увидели из дворца. Он также изменил облик свой и мальчика.

«Что за люди на этом корабле?» – спросила Арианрод. «Это сапожники», – ответили ей. «Идите же и поглядите, что у них за кожа и какую работу они могут делать». И пришли из дворца, а Гвидион в это время красил и золотил кожу. ¹⁴² И посланцы вернулись и рассказали об этом Арианрод. «Снимите мерку с моей ноги, – велела она, – и попросите, чтобы они сшили мне туфли». И он сшил туфли, но не по мерке, а намного больше.

Они принесли ей туфли, и она примерила их и увидела, что они велики. «Они слишком большие, – сказала она, – пусть этот сапожник вернет плату и сделает другие, чуть поменьше». Тогда Гвидион сшил туфли гораздо меньшие, чем ее нога, и отослал их ей. «Передайте ему, что эти туфли тоже мне не по размеру», – велела она. И ему сказали это. Он же передал, что не может сделать туфли, пока не увидит ее ноги. «Хорошо, – сказала она, – я сама пойду к нему».

И она пришла на корабль и увидела, что сапожник шьет обувь, а мальчик ему помогает. «Приветствую тебя, госпожа», – сказал он. «Храни тебя Бог, – сказала она. – Я очень удивлена, что ты не можешь сшить туфли по мерке». – «Вот теперь я могу это сделать», – сказал он.

И тут на мачту корабля сел крапивник. Мальчик выстрелил в него из лука и пригвоздил к мачте за лапу. Увидев это, она рассмеялась. «А твой юнец, оказывается, меткий стрелок», – сказала она. «Да, – ответил он, – и теперь у него есть имя. Отныне он будет зваться Ллеу Ллау Гифс». ¹⁴³

И тут вся его работа превратилась в морскую траву, и он не смог ее закончить. За это его прозвали Одним из троих, золотивших обувь. «Ты не мог, – сказала она, – обидеть меня сильнее». – «Я пока еще не обижал тебя», – возразил он и придал себе и мальчику истинный облик. «Что ж, – сказала она, – я предскажу этому мальчику будущее: он не получит оружия, пока я сама не дам его ему». – «Клянусь Богом, – воскликнул Гвидион, – вопреки твоему коварному предсказанию, у него будет оружие!»

И они отправились в Динас-Динллеф, и там он воспитывал Ллеу, пока тот не достиг совершенства в силе и ловкости, и Гвидион знал, что теперь Ллеу начнет просить у него коня и оружие. И в один из дней он сказал ему: «Радуйся, завтра мы отправимся на поиски приключений». – «Я рад этому», – ответил юноша.

И на другой день они собрались и двинулись по берегу моря к Брин-Ариэн. Там они раздобыли лошадей и приехали в Каэр-Арианрод. Гвидион изменил их облик так, что они приобрели вид молодых людей, из которых Гвидион казался старшим. «Привратник, – сказал он, – иди и скажи госпоже, что прибыли барды из Гламоргана». ¹⁴⁴ Тот доложил Арианрод, и она обрадовалась и велела позвать их. И для них накрыли стол, а когда они поели, она попросила Гвидиона рассказать что-нибудь, а он был лучшим из рассказчиков. Когда же настала ночь, им отвели покои и они пошли спать.

На рассвете Гвидион поднялся и сотворил волшебство. Тогда по всей этой земле прокатился

¹⁴¹ Наделение имени – важная функция подлинных или приемных родителей (см. «Пуйл»).

¹⁴² В триаде № 67, однако, золотильщиком обуви именуется не Гвидион, а его сын и помощник Ллеу.

¹⁴³ Lieu Llaw Giffes – популярный герой и родоначальник валлийцев. В триаде № 20 он значится среди Трех огненных разорителей Острова Британии. Его имя, обычно переводимое как «лев» (Llew), восходит, видимо, к слову «lleu» – «свет» или «сияние». Это имя и эпитет «Твердой (или умелой) руки» сближают его с ирландским богом Лугом Умелым (Samil-danach), который также считался родоначальником ряда королевских династий, непобедимым героем и мастером всех ремесел.

¹⁴⁴ Гламорган, или Морганног – юго-восточная область Уэльса, барды из которой считались самыми искусными.

шум, и гром, и звуки труб. И позже они услышали стук в дверь, и Арианрод потребовала впустить ее.

Юноша встал и отпер ей дверь, и она вошла вместе со служанкой. «Друзья мои, – сказала она, – мы в беде!» – «Госпожа, – сказал Гвидион, – мы слышали шум и трубный зов; что же это?» – «Мы не видим волн, – ответила она, – от множества кораблей, которые плывут сюда с большой скоростью. Что вы можете посоветовать?» – «Госпожа, – сказал Гвидион, – у нас нет другого совета, кроме как доверить замок нам, и мы попробуем оборонить его». – «Хорошо, – сказала она, – я дам вам все необходимое для обороны».

И она вышла и вернулась с двумя служанками, которые принесли оружие и доспехи на двух человек. «Госпожа, – сказал Гвидион, – помоги снарядиться этому юноше, а я снаряжусь сам. Скорее, ибо я слышу шум войска». – «Я займусь этим без промедления», – сказала Арианрод и полностью снарядила юношу для битвы. «Закончила ли ты свое дело?» – спросил Гвидион, и она ответила утвердительно. «И я готов, – сказал он, – а теперь снимем доспехи, ибо нет в них нужды». – «Как? – воскликнула она. – Ведь нас окружает войско!» – «О женщина, – сказал он, – здесь нет никакого войска». – «Так откуда же взялся этот шум?» – «Шум, – сказал он, – расстроил твои козни против собственного сына и заставил дать ему оружие без его просьб и унижений». – «Клянусь Богом, – сказала она, – что ты совершил зло, ибо многие лишатся жизни из-за того, что ты сделал сегодня. И я предсказываю этому юноше, что он никогда не женится на девушке из племени людей, живущих на земле». – «Поистине, – сказал он, – ты злобная женщина, но своего ты не добьешься, ибо он найдет себе жену».

И они пришли к Мату, сыну Матонви, и рассказали ему о том, как они добыли оружие у Арианрод. «Ну что ж, – сказал Мат, – мы с тобой применим наше волшебство и сотворим ему жену из цветов». А Ллеу вырос прекраснейшим юношей из всех, что жили тогда. И они взяли цвет дуба, таволги и раkitника, и сотворили из него прекрасную девушку, и крестили ее святым крещением, дав ей имя Блодьювидд.¹⁴⁵

И они поженились и стали жить вместе. «Нелегко прокормить семью, не имея земель», – сказал Гвидион. «Это так, – сказал Мат, – поэтому я дам ему лучшую долю моих земель, Динодиг». Теперь это Эйфионидд и Ардудви. И Ллеу выстроил дом в месте, называемом Мур-и-Кастелл,¹⁴⁶ на склонах Ардудви.¹⁴⁷ И там он жил и правил, и все были довольны им и его женой.

И в один из дней он отправился в Каэр-Датил, чтобы навестить Мата, сына Матонви. И, когда он уехал, жена его вышла из дома на прогулку и услышала в лесу звук рога. Вслед за этим мимо пробежал олень, а за ним – собаки и загонщики. Следом скакал человек на лошади. «Пусть слуга пойдет, – велела она, – и узнает, кто это». Слуга пошел и спросил об этом. «Это Гроно Пибир, владетель Пенллина», – ответили ему, и он передал это госпоже.

И этот человек погнался за оленем и у реки Кинфаэл догнал его и сразил. И он пребывал там до заката, разделявая оленя и бросая куски собакам. И на исходе дня, когда солнце садилось, он подошел к воротам двора. «Он обидится, – сказала она, – если в столь поздний час мы не пригласим его войти». – «Это так, госпожа, – сказали все, – нам надо пригласить его».

И слуги отправились к нему, и он с радостью принял приглашение и вошел в дом. Она встала и приветствовала его. «О госпожа, – сказал он, – Бог воздаст тебе за твою доброту». Они сели ужинать, и, как только Блодьювидд взглянула на него, она не могла уже не думать о нем. И к нему, когда он посмотрел на нее, пришли такие же мысли. Он не мог скрывать своих чувств к ней и открылся. И она возрадовалась, и они завели нежный разговор. Соблазн был слишком велик, и в ту же ночь они легли спать вместе.

И наутро он собрался уходить, но она упростила его остаться до ночи. Ту ночь они тоже про-

¹⁴⁵ Сотворение искусным чародеем жены сыну или герою – распространенный фольклорный мотив (см. «Калевалу», где Илмаринен выковывает себе жену из золота). Имя Blodeuwedd означает «видом подобная цветам»; ей и ее злой судьбе посвящены стихи нескольких валлийских бардов, в том числе великого Давида ап Гвиллима.

¹⁴⁶ Mur-y-Castell – деревня, основанная на месте старого римского укрепления в нескольких милях от озера Ллин-и-Морвинион (Девичьего), где, по преданию, нашли свой конец служанки Блодьюведд.

¹⁴⁷ Весь этот пассаж представляет собой распространенный в фольклоре сюжет убийства мужа коварной женой (ср. библейскую историю Самсона и Далилы).

вели вместе и задумались о том, как они могут соединиться. «Есть лишь один способ, – сказал он, – это выпытать у Ллеу, каким способом можно его извести, и тогда мы его уьем».

И на другой день он вновь собрался уходить. «Я не хочу, чтобы ты уходил сегодня», – сказала она. «Раз ты не хочешь, – сказал он, – я не уйду. Но есть опасность, что твой муж скоро вернется». – «Завтра, – сказала она, – я позволю тебе уйти». И когда на следующий день он стал собираться, она не удерживала его. «Помни, – сказал он, – что я говорил тебе, и узнай от него под видом любви и заботы, от чего может настать его смерть».

И той же ночью Ллеу вернулся домой. И они веселились и беседовали, а когда легли спать, он обратился к ней, но не получил ответа. «Что с тобой, – спросил он ее, – здорова ли ты?» – «Я думаю, – сказала она, – о том, что будет, если ты умрешь раньше меня». – «Благодарю тебя за заботу, – сказал он – но пока не захочет Бог, я вряд ли смогу умереть». – «Ради Бога и меня скажи, от чего может настать твоя смерть, дабы я могла предохранить тебя». – «Что ж, я скажу тебе, – сказал он, – меня можно убить только ударом копья, которое нужно закалывать ровно год. И убить меня этим копьём можно только во время воскресной мессы». – «Неужели это так?» – притворно удивилась она. «Да, – ответил он, – и меня нельзя убить ни в доме, ни на улице, ни пешим, ни на коне». – «Так как же тебя можно убить?» – спросила она. «Я скажу тебе, – ответил он. – Нужно сложить для меня баню на речном берегу, окружив котел с водой плетеной оградой и закрыв его соломенным навесом. Потом надо привести козла и поставить его у бани, и, когда я поставлю одну ногу на край котла, а другую – на спину этого животного, всякий, кто застигнет меня в таком положении, может убить меня». – «Я благодарю Бога, – сказала она, – что ты легко можешь избежать этой смерти».¹⁴⁸

И вскоре после этого разговора она послала весть о нем Гроно Пебиру. Гроно начал закалывать копьё, и в тот же день через год оно было готово. И он дал ей знать об этом.

«Господин, – сказала она мужу, – я думаю, что ты верно поступил, рассказав мне все. Но можешь ли ты показать мне, как можно стоять одновременно на краю котла и на спине козла, если я сама приготовлю тебе баню?» – «Хорошо, я могу тебе показать», – сказал он.

И она послала за Гроно и велела ему спрятаться на вершине холма, что зовется ныне Брин-Кифергир. Это было на берегу реки Кинфаэл. И она собрала всех коз в округе и пригнала их к реке.

И на другой день она пришла и сказала: «Господин, баня для тебя готова». – «Что ж, – сказал он, – пойдём посмотрим». И они отправились смотреть баню. «Будешь ли ты мыться?» – спросила она его. «Конечно», – ответил он и вошел в баню и стал мыться. «Господин, – спросила она опять, – точно ли животное, о котором ты говорил, зовется козлом?» – «Да, – сказал он, – поймай его и приведи сюда». И она сделала это. Тогда он вылез из воды и поставил одну ногу на край котла, а другую – на спину козла.

Тут Гроно сбежал с холма, называемого Брин-Кифергир, встал на одно колено, и метнул отравленное копьё, и поразил Ллеу в бок так, что древко копья отлетело, а наконечник застрял в теле. Тогда Ллеу взмыл в воздух в обличье орла и издал крик отчаяния. И никто после этого не видел его.

Когда это случилось, они вернулись в дом и эту ночь провели вместе. А на следующий день Гроно встал и объехал Ардудви. И он завладел этой землей и правил ею, и Ардудви с Пенллином оказались в его власти.

Новость эта дошла до Мата, сына Матонви, и опечалила его, а еще более – Гвидиона. «Господин, – сказал Гвидион, – я не найду покоя, пока не узнаю что-либо о моем племяннике». – «Что ж, – сказал Мат, – пусть тебе поможет Бог».

И Гвидион покинул Каэр-Датил и пустился в странствие. Он обошел весь Гвинедд и Поуис до самой границы и наконец пришел в Арфон, где остановился на ночлег в Менаур-Пенардд, в хижине бедняка. И когда он был там, в дом вошли хозяин и его семья, а последним зашел свинопас. «Эй, парень, – спросил Гвидион, – вернулась ли твоя свинья?» – «Она вернулась, господин, – ответил тот, – и уже в свинарнике». – «Куда она уходит пастись?» – спросил опять Гвидион. «Она убегает каждый день, как только откроют свинарник, и никто не видит, где она пасется до самого вечера». – «Прошу тебя, – сказал ему Гвидион, – не открывай завтра свинарник, пока я не приду

¹⁴⁸ Буквально: mab ailit, «раба» – северный эквивалент валлийского taeog.

туда вместе с тобой». – «Хорошо, господин», – сказал свинопас.

И той ночью они спали, а на рассвете свинопас поднялся и разбудил Гвидиона. Тот оделся и пошел за свинопасом к свинарнику. Когда свинарник был открыт, свинья вырвалась из него и побежала прочь с небывалой скоростью. Гвидион бежал за ней до лощины, которая ныне зовется Нант-Ллеу,¹⁴⁹ и там свинья остановилась и стала пастись. Гвидион встал рядом и стал смотреть, что она ест. Она подбирала падаль и червей. Тогда он взглянул на вершину дерева и там увидел орла, и когда орел хлопал крыльями, вниз летели черви и куски падали, которые подбирала свинья. И он подумал, что этот орел – Ллеу, и произнес такой энглин:

*«Дуб растет между двух озер,
Красотою радуя взор.
Если я говорю нежживо,
То мой сын на его вершине.»*

Тогда орел слетел чуть пониже и уселся на ветку, словно слушая. И Гвидион сказал другой энглин:

*«Дуб растет высоко в горах
Он исхлестан злыми ветрами,
Но зато не сгнил под дождями;
Мой сын Ллеу в его ветвях.»*

И после этого орел слетел на самую нижнюю ветку. Тут Гвидион спел еще один энглин:

*«Дуб красуется в вышине,
Ветви вытянув над обрывом.
Если я говорю нежживо —
Мой сын Ллеу придет ко мне!»*

И орел спустился к ногам Гвидиона, который тотчас ударил его волшебным жезлом, и он приобрел свой истинный вид. Никто, однако, не видел более плачевного зрелища, чем этот человек, ибо от него остались лишь кожа да кости.

Тогда они пришли в Каэр-Датил, и лучшие лекари королевства взялись за лечение Ллеу. И уже к концу года он был совершенно здоров. «Господин, – сказал он Мату, сыну Матонви. – пришло мне время отомстить человеку, который хотел погубить меня». – «Поистине, – сказал Мат, – ему не уйти от возмездия». – «Чем скорее я войду в свои права, – сказал Ллеу, – тем будет лучше».

И они собрали войско Гвинедда и двинулись в Ардудви. Гвидион шел впереди и был уже в Мур-и-Кастелл. Когда Блодьювидд услышала об их приближении, она взяла с собою служанок и поднялась на вершину холма. И через реку Кинфаэл они смотрели на приближающееся войско и пятились в страхе, пока не свалились в озеро. И все утонули, кроме нее, ее же вытащил Гвидион. И он сказал ей: «Я не стану убивать тебя, но сделаю нечто худшее. Я обращу тебя в птицу, и из-за горя, что ты причинила Ллеу Ллау Гифсу, ты никогда больше не увидишь солнечного света, и все птицы будут ненавидеть тебя, и бить, и клевать, если обнаружат. И ты не лишишься своего имени, но всегда отныне будешь зваться Блодьювидд».¹⁵⁰

И сейчас «блодьювидд» – это сова на нашем языке, и все птицы враждуют с нею. И до сих пор валлийцы зовут сову «блодьювидд».

А Гроно Пебир бежал в Пенллин и оттуда прислал послание. Вот что он передал. Он спрашивал Ллеу Ллау Гифса, может ли он отплатить ему землей или владениями, золотом или серебром за свою вину.¹⁵¹ «Нет, клянусь Богом! – ответил Ллеу. – Единственное, чего я требую от не-

---

¹⁴⁹ «Ручей Ллеу».

¹⁵⁰ Ныне в валлийском языке такого названия совы не сохранилось.

¹⁵¹ Sarhad, «обида», в данном случае приуменьшает вину Гроно, поскольку наказанием за попытку убийства могла быть только смерть.

го, – чтобы он пришел туда, где стоял в тот день я, а я встал бы там, где стоял тогда он, и бросил бы в него копьё. И только такую плату приму я от него».

Это передали Гроно Пебиру. «Что ж, – сказал он, – он вправе требовать этого. Мои воины, родичи и побратимы! Есть ли среди вас тот, кто примет этот удар за меня?» – спросил он. Но все они отказались. И за отказ принять удар за своего господина они с того дня стали известны как Третья из неверных Дружин.¹⁵² «Хорошо, – сказал тогда Гроно, – я принимаю вызов».

И они вышли на берег реки Кинфаэл. И Гроно Пебир встал туда где стоял Ллеу Ллау Гифс, когда он пронзил его копьём, а Ллеу встал на место, где стоял Гроно. И тогда Гроно Пебир обратился к Ллеу. «Господин, – сказал он, – поскольку лишь по наущению женщины пошел я на это дело, заклинаю тебя – позволь мне поставить камень, что я вижу на берегу, между тобой и мной». – «Хорошо, – сказал Ллеу, – в этом я тебе не откажу». – «Да воздаст тебе Бог», – сказал Гроно, и он взял камень и поставил между собой и Ллеу.

И Ллеу метнул в него копьё, и оно пробило камень и его тело так что переломило ему хребет. Так погиб Гроно Пебир. А этот камень до сих пор стоит на берегу реки Кинфаэл в Ардудви с дырой посередине. Поэтому его называют Ллех Гронви.¹⁵³

И Ллеу Ллау Гифс во второй раз вступил во владение своей землей и правил ею в мире и процветании. После же, как говорит история,¹⁵⁴ он сделался королем Гвинедда. И таков конец этой Ветви Мабиноги.

Старина острова Британии

Видение Максена Вледига¹⁵⁵

Максен Вледиг¹⁵⁶ был императором в Риме, и был он благороднейшим и мудрейшим из му-

¹⁵² Это отмечено в одной из триад, где двумя другими неверными дружинами именуется воины Горги и Передура, покинувшие их в Каэр-Греу, из-за чего оба они были убиты, и воины Алана Виргана, бросившие своего господина в битве при Камлане.

¹⁵³ *Clech* – «каменная плита». Это имя (Камень Гроно) до сих пор сохранило местечко у подножия холма, хотя никакого камня там нет.

¹⁵⁴ Фраза внесена редактором и, возможно, доказывает наличие более древних версий повести.

¹⁵⁵ *Breudwyd Maxen Wledig*

Повесть, относящаяся к популярному в кельтской литературе жанру «видений», или «сновидений», представляет собой классическую волшебную сказку, связанную, однако, с реальным историческим лицом и содержащую в преломленном фантазией виде некоторые исторические реалии. Здесь, с окончанием Четырех Ветвей Мабиноги, действие покидает Уэльс и перемещается в древнюю кельтскую Британию, которая в легендах этого круга (мы сочли возможным сгруппировать их в разделе «Старина Острова Британии») ассоциируется с «золотым веком», когда островом управлял могучий император (Максен Вледиг, или Артур). Здесь в сказочно-мифологическую канву вторгается идеология – напоминание о славном прошлом и тоска по утраченной независимости. Главная тема повести – единение величия и славы Рима с красотой и храбростью Британии, и, вопреки мрачному колориту судьбы Максима-Максена у историков (Ненния и Гальфрида), здесь повествование оканчивается счастливо и вообще проникнуто светлыми тонами, особенно в описании дворца Эудафа и его дочери Элен, некоего земного рая, где остановилось время.

¹⁵⁶ Под именем Максена Вледига в валлийской традиции выступает узурпатор Максим Магн (Великий), выдвинувшийся из низов военачальник, провозглашенный британскими легионами императором в 383 г. Он сумел с помощью бриттских воинских частей захватить Британию и Галлию, но в 388 г. был разбит под Аквилеей войсками своих соперников (Феодосия и Валентиниана Младшего), взят в плен и казнен. Выведенные им из Британии войска так и не вернулись на родину, основав королевство бриттов в Арморике (Бретани), что значительно ослабило остров перед лицом постоянных нападений ирландцев и пиктов, а затем и саксов.

О Максиме упоминают Гильда (осуждавший его за опустошение Британии) и Ненний, отразивший легендарную версию, по которой Максим захватил Рим и правил впоследствии «всей Европой». У Гальфрида Монмутского эта же версия подвергается обработке с целью еще большего возвеличивания Максима, которого он делает мудрым и благородным правителем, к тому же бриттом по происхождению. В валлийской версии сочинения Гальфрида «*Brut y brenhinedd*» Максен выступает как кузен (а не муж) Элен Лиддауг, захвативший власть в Британии и уведший цвет бриттов в поход на Рим, в котором он погиб. Таким образом, эта версия наиболее близка к действительности и, возможно, заимствована из более раннего источника. Вся история видения и последующей женитьбы Максена встречается только в данной повести.

жей и правил лучше всех императоров, живших до него. Однажды он созвал королей и придворных и молвил им, своим любимцам: «Я хочу, – сказал он, – выехать завтра на охоту». И утром следующего дня он со своими спутниками отправился в путь, и они достигли долины реки, что протекала неподалеку от Рима. И они охотились там до полудня. С ним были тогда тридцать два короля со своими людьми, и всех их император призвал не просто чтобы насладиться охотой, но чтобы оказать им честь.

И солнце высоко поднялось у них над головами, паля их жаром. И сон сморил его; и тогда пажи из его свиты заслонили его от солнечных лучей щитами. Они сомкнули над его головой свои золоченые щиты, и Максен уснул.

И ему приснился сон. Вот что ему снилось: что шел он долиной реки к ее истокам, направляясь к высочайшей вершине мира. Ему казалось, что эта вершина касается неба; и, поднявшись на нее, он увидел по другую сторону прекраснейшие и богатейшие земли, о которых он не знал ранее. И перед ним предстала могучая река, текущая от вершины к морю, и он двинулся к ее устью. После долгого пути он достиг устья этой реки и увидел там крепость,¹⁵⁷ окруженную стеной с мощными башнями разных цветов. И он увидел флот, стоящий в устье реки, и был это самый большой флот из всех, виденных им. И еще он увидел корабль во главе флота, величайший и красивейший из всех виденных им кораблей. И палуба корабля была наполовину из золота, наполовину же из серебра. И от корабля на берег перекинута была мостки из моржовой кости,¹⁵⁸ и ему захотелось пройти на корабль по этим мосткам. И едва он сделал это, корабль поднял паруса и отплыл в открытое море.

И вот он увидел, что приближается к прекраснейшему в мире острову, и он проплыл рядом с ним до крайних его пределов и увидел там долины, и холмы, и высокие горы, и цветущие плодородные земли, каких он никогда еще не видел. И после он заметил в море другой остров, еще больший, на котором равнины были шире морей, а горы – обширнее лесов.

И у подножия гор он увидел реку, текущую через эту страну к морю. И возле устья реки стояла могучая и величественная крепость, и ворота ее были открыты. И он вошел в крепость и увидел там обширный зал, потолок в котором казался сделанным из чистого золота, стены были из полированного камня, а двери – из красного золота.

И в зале он увидел ложа из золота и столы из серебра, и на одном ложе сидели двое рыжеволосых мужей, играющих в шахматы.¹⁵⁹ И шахматная доска была сделана из серебра, фигуры же на ней – из красного золота. Одеты были те мужи в парчовое платье, и на головах их были обручи из красного золота, усыпанные самоцветами – красными и белыми камнями, алмазами и рубинами. На ногах у них были надеты туфли из кордовской кожи с полосками красного золота.

И возле одной из колонн в этом зале он увидел седовласого старца, сидящего в кресле из слоновой кости с ручками в виде двух орлов, сделанных из красного золота. На руках у него были золотые браслеты, а на пальцах – множество золотых колец, на шее надета золотая гривна, а волосы поддерживал золотой обруч. Поистине, величественным был его вид. В руке он держал золотую пластину, из которой вырезал шахматные фигуры.

И напротив его в кресле из красного золота сидела дева. Легче было смотреть на яркое солнце, чем на нее, – так она была прекрасна. И на ней было платье¹⁶⁰ из белого сатина с украшениями из красного золота, а поверх него плащ из золоченой парчи. Волосы ее поддерживал обруч из красного золота с красными и белыми самоцветами и с жемчугами, а вокруг талии обвивался пояс из красного золота. Прекраснейшим зрелищем она была для мужского взора.

И дева, увидев его, встала со своего кресла, и он обнял ее за плечи, и они вдвоем сели в кресло и поместились в нем не хуже, чем она одна. Но лишь только он обнял деву и приблизил

---

¹⁵⁷ Dinas – «город, окруженный стеной»; ср. галл. dun.

¹⁵⁸ Ascwn moruil – китовая или моржовая кость.

¹⁵⁹ Игра gwyddbwyll, упоминаемая здесь, не вполне соответствовала классическим шахматам, но ее правила до нас не дошли.

¹⁶⁰ Crisseu – в совр. валлийском – «рубашки». Т.-П. Эллис и Дж. Ллойд переводят это слово как «туника» – легкая одежда, оставляющая открытым одно плечо.

свои губы к ее губам, как от лая собак, и ржания коней, и звона щитов наступило пробуждение.

И, проснувшись, император не знал ни сна, ни покоя из-за девы, виденной им во сне. Не было части в его теле, до самых кончиков ногтей, которая не была бы охвачена к ней любовью. Тут один из его спутников обратился к нему: «Государь, настало время обеда». Тогда он в печали и раздумье сел на коня и направился в Рим. И на все, что ему там говорили, он не мог ответить из-за великой печали. И так прошла целая неделя. Когда его придворные отправлялись пировать, и веселиться, и кататься на золотых лодках, он не шел с ними. И когда они отправлялись слушать песни и сказания, он не сопровождал их, и хотелось ему только спать, поскольку он надеялся во сне снова увидеть ту, кого полюбил. А когда он не спал, то тщетно мучился, не зная, как отыскать ее.

И однажды сказал ему его паж (который, хоть и звался пажом, был королем среди римлян).¹⁶¹ «О государь, твои слуги недовольны тобой». – «Почему же?» – спросил император. «Да потому, что уже неделю твои советники и все прочие не слышат от тебя повелений, которые должны получать подданные от своего государя. Это и есть причина их недовольства». – «Ах, юноша, – ответил император, – пусть придут ко мне мудрейшие со всего Рима, и я поведаю им причину своей печали».

И пришли к нему мудрейшие люди Рима, и он сказал им: «О мудрецы Рима! Мне приснился сон, и в этом сне увидел я деву. Из-за нее мне не милы теперь ни жизнь, ни корона». – «О государь, – сказали они ему, – раз уж ты призвал нас к себе, выслушай наш совет. Разошли за три года гонцов в три стороны света на поиски этой девы, и пока ты не получишь от них вестей, пусть надежда питает твое сердце».

И гонцы отправились в один конец света, чтобы отыскать деву из сна. Но, вернувшись через год, они не знали ни словом больше, чем в первый день. И император опечалился, думая, что никогда ничего не узнает о той, кого любит.

И затем другие гонцы отправились в другой конец света. И они, вернувшись через год, также не знали ни словом больше, чем в первый день. И император опечалился еще сильнее.

И тогда король римлян сказал императору: «О государь, отправляйся на охоту туда, где был в прошлый раз, не отклоняясь ни на запад, ни на восток».

И император отправился в путь, и достиг берега реки, где ему приснился сон, и сказал: «Вот здесь я видел сон, и я шел к истокам этой реки».

И тринадцать посланцев императора поехали в этом направлении и увидели там высочайшую вершину, которая, как им показалось, достигала неба. А к одежде каждого был прикреплен знак посланца,¹⁶² чтобы избавить их от опасностей в чужих и враждебных странах. И когда они поднялись на вершину, то увидели за ней обширные земли и могучую реку, текущую к морю. И они сказали: «Вот земля, которую видел наш государь».

И они направились к устью реки и увидели там крепость, окруженную стеной с мощными башнями разных цветов. В устье реки стоял флот, и корабль во главе его. И тогда они сказали: «И это наш государь видел во сне».

И они взошли на этот корабль, и пустились в плавание, и достигли Острова Британии, и плыли вдоль него до берегов Эрири.¹⁶³ И тогда они сказали: «Вот цветущая земля, которую видел наш государь».

И они поплыли дальше, пока не увидели перед собой остров Мона и Арфон.¹⁶⁴ И тут они сказали: «Вот остров, что наш государь видел во сне».

И они вошли в устье Сейнта, где стояла крепость¹⁶⁵ и увидели, что ее ворота открыты, и вошли внутрь. Там перед ними предстал обширный зал. «Вот, – сказали они, – зал, который наш го-

¹⁶¹ Анахронизм: титул «король римский» в XII в. принадлежал сыну императора Священной Римской империи.

¹⁶² Llawes – «лента».

¹⁶³ Сноудония, горная область на севере Уэльса.

¹⁶⁴ Арфон близ острова Мона (Англси) часто упоминается как королевская резиденция, что объясняется его близостью к Аберфрау – резиденции королей Гвинедда.

¹⁶⁵ Каэр-Сейнт (см. примеч. к «Бранвен»).

сударь видел во сне».

Они вошли в зал и увидели двух мужей, играющих в шахматы на золотом ложе. И увидели седовласого старца в кресле из слоновой кости, вырезающего из золотой пластины шахматные фигуры, и увидели деву, сидящую в кресле из красного золота. И посланцы склонились к ее ногам и сказали ей: «О императрица Рима, приветствуем тебя!» – «Друзья мои, – сказала им дева, – я вижу у вас знаки посланцев. Что за шутку решили вы сыграть со мной?» – «Мы не шутим, госпожа. Император Рима увидел тебя во сне и потерял из-за тебя покой. Поэтому ответь нам, отправишься ли ты с нами в Рим, чтобы сделаться императрицей, или ты желаешь, чтобы император сам явился сюда и взял тебя в жены?» – «Друзья мои, – ответила дева, – я верю тому, что вы говорите. Но если император действительно любит меня, пусть он придет сюда и возьмет меня в жены».

День и ночь посланцы скакали назад, меняя по пути загнанных коней на свежих. Когда они прибыли в Рим, то явились к императору и рассказали ему обо всем, что видели. И они сказали ему: «Государь, мы проведем тебя по морю и по суше до места, где живет та, кого ты любишь, и скажем тебе ее имя, и родство, и положение».

Император немедля собрал войско и отправился в поход, а эти люди вели его. И они достигли Острова Британии, переплыв море, и в сражении отвоевали этот остров у Бели, сына Маногана, и его сыновей, и прогнали их за море.¹⁶⁶ И император направился в Арвон и узнал там место, которое он видел во сне. И когда он увидел крепость Абер-Сейнт, то сказал: «Друзья мои, в этой крепости я встретил свою любовь».

И он вошел в ворота и увидел зал; и там играли в шахматы Кинан и Адеон, сыновья Эудафа, сына Карадауга.¹⁶⁷ И он увидел самого Эудафа, сидящего в кресле из слоновой кости и вырезающего шахматные фигуры. И увидел деву из своего сна, которая сидела в кресле из красного золота. «О императрица Рима, – сказал он, – приветствую тебя!» И он обнял ее, и в ту же ночь она стала его женой.

И на следующий день императрица потребовала выкуп за свое девство, и он предложил ей назначить любой выкуп. И она попросила для своего отца Остров Британии от Ворруда.¹⁶⁸ до Ирландского моря и три прилегающих острова, а для себя – три мощные крепости в тех местах Острова Британии, что она выберет сама. И самая могучая крепость для нее была выстроена в Арфоне, и там размещались римские воины, охраняющий сон и покой императора. Две другие крепости, выстроенные для нее, стояли в Каэрлеоне и Каэр-Фирддин.¹⁶⁹

И однажды император выехал на охоту из Каэр-Фирддин и добрался до вершины Френи-Фаур, где раскинул шатер. С тех пор это место зовется Кадейр-Максен,¹⁷⁰ а Каэр-Фирддин назван так потому, что его строило множество людей.¹⁷¹

Кроме того, Элен попросила проложить для нее дороги от одной крепости к другой, и это было сделано. И до сих пор эти дороги зовутся Элен Лиддауг, ибо она была родом из этой страны, и благодаря ей возникли эти дороги.¹⁷²

¹⁶⁶ Здесь отражена борьба римлян во время завоевания ими острова с Касваллауном, который считался сыном Бели (см. примеч. к «Бранвен»).

¹⁶⁷ Эудаф здесь представлен сыном того самого Карадауга, сына Брана, сердце которого разбилось от горя. По сведениям «*Vrut y brenhinedd*», отец Элен и Кинана (там это Коэл, известный в английском фольклоре как «старый Коль», основатель города Колчестер) и отец жены Максена (имя которой не называется) – разные лица. Кинан (или Конан) Мериадок – предводитель бриттских частей, отправившихся в Галлию с Максимом; впоследствии первый король Бретани. Его сестра Элен Лиддауг (Могучих Воинств) выступает как жена не Максена, а римского императора Константа, смешиваясь, таким образом, со знаменитой Еленой, матерью Константина I Великого.

¹⁶⁸ *Vorrud* – обычное название Ла-Манша, но здесь, по всей видимости, так именуется Северное море.

¹⁶⁹ Каэрлеон, прославленная столица Артура, отождествляется обычно с нынешним Карлионом в Монмутшире (юго-восточный Уэльс). Каэр-Фирддин – нынешний Кармартен. Вероятно, там в годы римского господства действительно размещались укрепления.

¹⁷⁰ *Cadeir Faxen* – «сидение Максена».

¹⁷¹ Ложная этимология от *fygdd* – «множество». На самом деле название Каэр-Фирддин происходит от имени Мирддин (Мерлин) или от *modidunum* – латинизированного «крепость у моря».

¹⁷² Римские дороги в Уэльсе до сих пор зовутся местными жителями *sarnau Elen Luyddewg* – «дорогами Элен».

Семь лет прожил император на Острове Британии. А в то время у людей Рима был обычай: если император пробудет в другой стране более семи лет, то он должен остаться там и не возвращаться в Рим. И потому они избрали себе другого императора, и он послал Максену письмо, полное угроз. Он грозил ему смертью, если тот вернется в Рим. Это письмо нашло Максена в Каэрлеоне, и он тут же послал ответ человеку, объявившему себя императором в Риме. И в этом письме он написал, что скоро вернется в Рим и предаст его смерти.

Вслед за этим Максен со своим войском двинулся на Рим и завоевал Францию, Бургундию и все страны до самого Рима и осадил город Рим.

Целый год длилась осада, но победа казалась не ближе, чем в первый день. Тогда на помощь ему отправились братья Элен с Острова Британии с громадным войском, в котором было вдвое больше воинов, чем людей во всем Риме. Императору доложили, что рядом с его войском встало лагерьм другое и что никто еще не видел войска более многочисленного и лучше вооруженного.

И Элен вышла посмотреть на это войско и увидела знамена своих братьев. После этого Кинан и Адеон, сыновья Эудафа, пришли к императору, и он был рад их видеть.

И они пошли к осажденному городу, и Кинан сказал брату: «Мы можем взять его хитростью». И ночью они тайком измерили высоту стен, и послали плотников в лес, и изготовили лестницы для каждого четырех воинов. И когда все было готово, два императора, каждый в своем лагере, сели обедать, и, пока они не встали из-за стола, бой не начинался. Но люди Британии продолжали пир до утра, и пили, и веселились.¹⁷³

Пока два императора пировали, бритты подобрались к стене, приставили к ней лестницы и взобрались на нее. Не успел новый император взяться за оружие, как они ворвались и убили его, а с ним еще многих.¹⁷⁴ Три дня и три ночи они бились с жителями города, пока не одолели их.

И Максен сказал Элен: «Я очень удивлен, госпожа, – сказал он, – что твои братья не спешат вернуть мне власть над городом». – «Государь император, – сказала она, – мои братья только что одолели твоих врагов. Попроси их вернуть тебе город, и они не замедлят это сделать».

Вслед за этим император и Элен приблизились к стенам города. И братья сказали им, что люди Британии взяли город и вручают его законному повелителю. И люди Рима принесли ему клятву верности.

Тогда император сказал Кинану и Адеону: «Друзья мои, я обязан вам властью и жизнью и отдаю вам все это войско, чтобы вы завоевали с ним ту часть мира, какую захотите».

И они отправились в путь и завоевывали земли, и замки, и укрепленные города; там они убивали всех мужчин, а женщин оставляли в живых.

И так продолжалось до тех пор, пока юноши, отправившиеся с ними в поход, не поседели в сражениях. И тогда Кинан спросил Адеона, своего брата: «Чего ты желаешь, – спросил он, – остаться в этой стране или вернуться на родину?» И тот решил вернуться на родину, и многие пошли с ним; а Кинан с прочими остался в той стране и жил там.

И они решили отрезать языки женщинам, дабы те не испортили их наречие. С тех пор люди Бретани зовутся Ллидау из-за молчаливости их женщин. И те, кто живет в Бретани, до сих пор говорят на их языке.¹⁷⁵

И эта история называется Видение Максена Вледига, императора Рима, и таков ее конец.

Ллудд и Ллевелис¹⁷⁶

---

¹⁷³ В традиции сохранились упоминания, что в ночь перед битвой валлийские воины обычно устраивали пиршества.

¹⁷⁴ Пересказывается описанное у Ненния взятие Максеном Рима и убийство императора Грациана.

¹⁷⁵ Фантастическая история заселения бриттами Бретани (где и раньше существовали кельтские поселения) дополняется не менее фантастической этимологией валлийского названия Бретани от *lleid* – «немой»; на самом деле оно, по всей видимости, происходит от *llydan* – «обширный».

¹⁷⁶ *Lludd a Llevelys*

Эта повесть, называемая в КК «*Cyfranc Lludd a Llevelis*» (*cyfranc* – жанр валлийской словесности, переводимый как «история» или «приключения»), представляет собой классическую волшебную сказку, хотя и вписанную в псевдоисторический контекст мабиноги. Она короче и проще других повестей сборника, не отягощена побочными сюжетными линиями и целиком посвящена тому, как король Ллудд с помощью брата избавляет Остров Британии от трех напас-

У Бели Великого, сына Маногана, было три сына: Ллудд, Касваллаун и Нинниау.¹⁷⁷ – а по этой истории у него был еще и четвертый сын по имени Ллевелис¹⁷⁸ И когда Бели умер, корона Острова Британии досталась Ллудду, его старшему сыну, и он стал править страной. Он восстановил стены Лондона и построил множество башен. После этого он велел горожанам выстроить себе дома, каких не было в других городах.¹⁷⁹ Он был хорошим воином и господином, щедрым на еду и питье ко всем, кто ему служил; и хотя у него было много замков и укрепленных городов, он любил один из них более всех прочих. Там он проводил большую часть года, и потому его называли Каэр-Ллуд или Каэр-Лундейн. Когда же им овладели пришельцы из-за моря,¹⁸⁰ он стал называться Лондейн или Лондрис.

Ллудд любил Ллевелиса больше, чем других братьев, из-за его мудрости и благоразумия. И когда он услышал, что умер король Франции, не оставив наследников, кроме дочери, которой он завещал все владения, он призвал к себе брата и сообщил ему свое решение – не ради собственной прихоти, но ради увеличения власти и могущества своего рода. Он решил отправиться во Францию и добыть эту деву в жены Ллевелису. Брат согласился с его решением и дал ему добрые советы. Тут же снарядили корабли с вооруженными воинами, и он отплыл во Францию. Сразу после высадки он отправил послов к знатнейшим людям Франции, чтобы сообщить им цель своего прибытия. После совета с правителями и знатными людьми было решено отдать деву Ллевелису вместе с королевской короной. И он правил своими владениями мудро и справедливо до конца своих дней.

И вот по прошествии времени на Остров Британии нашло три напасти, подобных которым не видели нигде. И первой из них было некое племя, называемое Коранияйд,¹⁸¹ обладавшее столь великим знанием, что они могли слышать любые, самые тихие, слова, если их подхватывал ветер.¹⁸² И из-за этого никто не мог причинить им вреда.

Второй напастью был крик,¹⁸³ который каждый год раздавался над Островом Британии в ночь перед Майским днем. И он проникал в души всех людей и вселял в них такой страх, что мужчины лишались сил, а женщины выкидывали плод. Юноши и девы теряли рассудок, а деревья,

---

тей, известных и из других источников (где их число остается неизменным, но суть варьируется).

Текст повести целиком сохранился только в составе КК; по особенностям языка она относится к сравнительно позднему периоду, но еще свободна от франко-нормандских влияний и воздействия «артурианы», которая приходит в сборник со следующей повестью.

¹⁷⁷ См. примеч. 7 к «Бранвен». В отличие от реального Касваллауна (Кассивеллауна). Бели и Ллудд, вероятно, являются чисто мифологическими персонажами. Ллудд, как и другой герой мабиноги, Нудд, происходит от кельтского бога-прародителя Нуаду (брит. Ноденс) по прозвищу Серебряная Рука (ирл. Airgetlam); Ллудд в «Килохе» также именуется «Ллудд Серебряной Руки». Это небесный бог – первопредок, оттесненный от верховной власти своим более сильным и хитроумным братом (в Ирландии это Луг, в Уэльсе же – Ллевелис; правда, соперничество братьев здесь не упоминается).

¹⁷⁸ Эта фраза демонстрирует, что Ллевелис введен в текст искусственно для исполнения функции мудрого брата-советчика. Возможно, изначально это был Ллеу Ллау Гифс (см. «Мат»), у которого также много общего с богом Лугом.

¹⁷⁹ Строительная деятельность Ллудда упоминается также у Гальфрида Монмутского. От его имени производится название Лондона, где еще при англосаксах одни из городских ворот именовались Ludesgate.

¹⁸⁰ То есть франко-нормандцы.

¹⁸¹ Coraniaid или Coranneit упоминается как одна из «напастей Острова Британии» в триаде № 36, где сказано, что они пришли «из Аравии». Но двумя другими напастями там именуются Gwyddyl Ffichti, то есть ирландские пираты, нападавшие на остров в V–VI вв., и саксы Хенгиста и Хорзы, что дало повод некоторым ученым отождествлять племя Коранияйд с римлянами, но для такого предположения вряд ли имеются основания. Возможно, это искаженное название племени коританов или же корибантов, в свою очередь ассоциирующегося с пиктами (ирландское cruithni – «раскрашенные», что соответствует латинскому picti).

¹⁸² В «Мате» таким же чудесным знанием наделяется Мат, сын Матонви.

¹⁸³ Diaspat («крик») – имеется в виду бедствие, происходящее от упомянутого крика.

и земля, и воды становились бесплодны.

И третьей напастью было то, что в ту же ночь исчезали неведомо куда все запасы, хранящиеся в королевском дворце, пусть даже они были запасены на год.¹⁸⁴

И не было никого, кто ведал бы причину этих двух нападений; поэтому было больше надежды избавиться даже от первой, чем от двух других. И король Ллудд опечалился, не зная, как избавить страну от этих нападений.

Он призвал к себе всех знатных людей королевства и спросил у них совета, и по их единодушному совету Ллудд, сын Бели, отправился к своему брату Ллевелису, королю Франции, чтобы просить его помощи, поскольку он был мужем великого ума. Они снарядили флот в глубокой тайне и при полном молчании, чтобы это племя не узнало об отплытии короля. Когда все было готово, Ллудд и те, кого он взял с собой, сели на корабли и отплыли во Францию.

Когда об этом узнал Ллевелис, он, не зная причины прибытия брата, собрал громадный флот и отплыл навстречу ему. Увидев это, Ллудд отослал все корабли назад, оставив лишь один, на котором он и встретился с братом. Они приветствовали друг друга с братской любовью.¹⁸⁵

После того как Ллудд поведал брату о цели своего прибытия, Ллевелис сказал, что ему это известно; и тут они стали думать, как сделать так, чтобы ветер не донес до слуха Коранияйд то, о чем они будут говорить.

Для этого Ллевелис взял длинный рог, сделанный из меди, и говорил через этот рог. Но в роге они не слышали голосов друг друга, а только грубую брань. Тогда Ллевелис догадался, что это дьявол морочит их, желая поссорить; и он налил в рог вина, и его силой дьявол был изгнан.

Когда их разговор стал слышен, Ллевелис сказал брату, что даст ему неких насекомых,¹⁸⁶ половину которых он должен сохранить, дабы напасть не повторилась в будущем, а другой половиной отравить воду, чтобы истребить племя Коранияйд. Он посоветовал Ллудду, вернувшись домой, созвать всех людей своего народа и племени Коранияйд на пир якобы для заключения мира и, когда они будут там, напоить их волшебной водой. Он сказал, что эта вода погубит всех Коранияйд, но не причинит вреда никому из его подданных.

«Вторая напасть в твоём королевстве, – сказал он, – происходит из-за битвы драконов, из которых один побеждает другого, и тот издает крик отчаяния. И вот что тебе нужно сделать. Когда ты вернешься домой, измерь свой остров в длину и в ширину и найди его середину. Прикажи вырыть там яму и зарой в ней бочонок с самым лучшим медом, завернутый в шелковую ткань. После этого жди, и ты увидишь высоко в небе сражающихся драконов, и после сражения они устанут, и лишатся своего чудовищного облика, и превратятся в двух маленьких кабанов, и начнут рыть землю в поисках бочонка с медом. Когда они выпьют мед, то крепко уснут. Тогда, не медля ни минуты, заверни их в шелк и закопай в каменном сундуке¹⁸⁷ в своей самой мощной крепости. И пока они будут закопаны там, никакая напасть извне не придет на Остров Британии».

«Причина третьей напасти, – продолжал он, – могущественный колдун, который похищает твои припасы. Посредством своего колдовства он погружает всех в сон. Поэтому ты должен сам наблюдать за приготовлениями к празднику, и, когда сон начнет одолевать тебя, сразу же влезь в бочку с холодной водой, и тогда ты не уснешь».

И Ллудд вернулся домой и созвал на пир всех людей своего народа и племени Коранияйд. Как и учил его Ллевелис, он бросил насекомых в воду и напоил этой водой всех гостей. И тут же все племя Коранияйд сгнуло, из людей же Острова Британии не пострадал никто.

И через какое-то время Ллудд велел измерить остров в длину и в ширину, и его середина оказалась в Оксфорде.¹⁸⁸ Там он приказал вырыть яму и положить в нее бочонок, полный самого

¹⁸⁴ Это отражает обычай ежегодных поставок продовольствия к королевскому двору жителями данной области.

¹⁸⁵ Разговор Ллудда с Ллевелисом описывается в одной из поэм «Книги Талиесина», но в таких темных выражениях, что трудно понять, о чем в нем идет речь.

¹⁸⁶ Pryet – в современном языке «насекомые», но в древности могло означать и каких-либо других животных.

¹⁸⁷ Cistfaen, типичная форма древних погребений.

¹⁸⁸ Это измерение острова и нахождение в Оксфорде (центре средневековой учености) его середины упоминается в древних валлийских законах.

лучшего меда и завернутый в шелковую ткань, и сам остался там на ночь. И он увидел в небе сражающихся драконов; и вот они выбились из сил, спустились и вырыли бочонок с медом. И, выпив мед, они уснули. Ллудд тут же завернул их в шелк и, отыскав в Эрири надежное место, закопал их там в каменном сундуке. С тех пор это место зовется Динас-Эмрис.¹⁸⁹ До того же оно называлось Динас-Фараун-Данде, в память об одном из тех троих, чье сердце разорвалось от горя.¹⁹⁰ Так король покончил с причиной крика, опустошавшего его владения.

Когда подошло время, король Ллудд велел готовить большой праздник. После того как все припасы были собраны, он налил в бочку холодной воды и уселся ждать рядом с ней.

И глубокой ночью он вдруг услышал сладостное пение и музыку и неудержимо захотел спать. Тогда, помня наставления брата, он быстро залез в воду. Тут во дворец вошел человек громадного роста, богато одетый и вооруженный, неся с собой корзину. И он положил в эту корзину все приготовленные яства и напитки и собрался уходить. Более всего удивила Ллудда корзина, в которую вошло так много.

Тут Ллудд предстал перед ним и сказал: «Остановись! Ты причинил мне много зла и убытка, но я не позволю тебе причинить еще, пока ты не докажешь, что превосходишь меня силой и храбростью». И тот мгновенно опустил корзину на пол и кинулся на него. И они сражались до тех пор, пока их оружие не раскалилось. Наконец удача склонилась на сторону Ллудда, и он поверг противника на землю. И когда он одолел его своей силой и храбростью, тот попросил пощады. «Как могу я простить тебя, – спросил король, – после того как ты причинил мне столько вреда?» – «Все, что ты потерял, – сказал тот, – я возвращу тебе. И я больше никогда не потревожу тебя и всегда буду тебе благодарен». Тогда король отпустил его.

И так Ллудд освободил Остров Британии от трех напастей. И до конца дней своих Ллудд, сын Бели, правил своим королевством в мире и процветании.

И так заканчивается история, рассказанная о приключениях Ллудда и Ллевелиса.

Килох и Олвен¹⁹¹

¹⁸⁹ Динас-Эмрис («крепость Амброзия») находится вовсе не в Оксфорде. Это небольшой холм. в Сноудонии – самой возвышенной местности Уэльса. История с закопанными там драконами описана у Ненния и Гальфрида Монмутского, где сказано, что король Вортигерн (Гуртейрн Немощный) случайно выкопал драконов, которые тут же начали сражаться друг с другом. Оказавшийся поблизости Мерлин Амброзий (Мирддин Эмрис), будущий сподвижник Артура, истолковал борьбу драконов как борьбу бриттов (красный дракон) с саксами (белый дракон) и изрек пророчество о судьбе Британии. Красный дракон с давних пор известен как геральдическая эмблема Уэльса (в XV в. Генрих VII Тюдор официально утвердил его в качестве герба). Упоминание о выкапывании Вортигерном драконов сохранилось и в триаде № 37 (см. примеч. к «Бранвен»). Из повести непонятно происхождение названия Динас-Эмрис.

¹⁹⁰ См. примеч. к «Бранвен».

¹⁹¹ *Kulhwch ac Olwen*

История о Килохе и Олвен, сохранившаяся в КК полностью, а в БК со значительными пробелами, отличается от прочих повестей сборника как своим объемом, так и видимой древностью. В ней почти нет следов литературной обработки или каких-либо иностранных влияний, и треть ее занимают громоздкие перечисления, куда, как в резервацию, оказались собранными чуть ли не все известные имена и факты валлийской мифологии и легендарной истории. Формально в повести присутствует сюжет – популярное в фольклоре многих народов «добывание невесты», – но он совершенно размыт побочными линиями и вставными эпизодами. Язык кажется довольно архаичным, сохраняющим некоторые элементы ритмической прозы с усложненной конструкцией фраз, которая часто встречается в ирландских памятниках, но нетипична для Уэльса с его более поздней письменной традицией.

Герои повести, в отличие от многих персонажей Ветвей Мабиноги, почти лишены индивидуальных черт (заглавные персонажи вообще редко участвуют в действии), их «качество» как бы переходит в «количество». В целом повесть представляет собой сочетание статичных перечислений с динамикой калейдоскопически сменяющихся сцен, причем вторые группируются вокруг первых, но не всегда им соответствуют. Так, из 38 задач, поставленных отцом Олвен Исбададеном, Повелителем Великанов, перед Килохом, в тексте отмечается выполнение лишь шестнадцати.

Географические или исторические реалии в повести почти полностью отсутствуют, как и в последующих легендах артуровского цикла. У мифического пространства здесь существует центр – двор Артура, идеального правителя Британии, – и сплошная периферия – дикие и опасные земли «у самых пределов Аннуина». Концентрация накладывающихся друг на друга мифологических сюжетов в тексте не позволяет идентифицировать большинство из них; соприкасаются с известной традицией (и прямо перерастают в нее) лишь фигуры короля Артура и его рыцарей.

Артур здесь еще не «император» и не повелитель чуть не всей Европы, но в нем нет уже и реальных черт британского военного вождя. Это мудрый, благородный и хитроумный правитель, собравший вокруг себя самых знатных, могучих и прославленных воинов (слово «рыцарь» еще не употребляется), многие из которых наделены и волшебным искусством – впоследствии средневековая традиция, враждебная колдовству, изгнала эти черты из образов «положи-

Как-то Киллид, сын Келиддона Вледига,¹⁹² решил жениться, чтобы не сидеть одному за столом. Вот та, кого он взял в жены: Голеудидд, дочь Анлауда Вледига.¹⁹³ И после свадебного пира все жители их страны начали молиться о даровании им потомства; и через положенный срок у них родился сын. Но все время беременности она была лишена рассудка и скиталась в пустынных местах,¹⁹⁴ когда же пришло разрешение от бремени, рассудок вернулся к ней. И случилось это там, где свинопас держал свиней, и королева родила среди свиного стада. И свинопас принял ребенка и отнес его во дворец, и там он был крещен и назван Килох,¹⁹⁵ ибо он родился в свином загоне.¹⁹⁶ При всем том мальчик был благородного происхождения и близкого родства с самим Артуром,¹⁹⁷ и его воспитали при дворе.

Вскоре мать мальчика Голеудидд, дочь Анлауда Вледига, тяжело занемогла. Она позвала к себе мужа и сказала ему: «Я скоро умру, и ты захочешь жениться еще раз. Многие женщины будут помогать, чтобы ты женился на них,¹⁹⁸ но они могут повредить твоему сыну, поэтому умоляю тебя – не женись, пока на моей могиле не вырастет куст шиповника с двумя верхушками». И он пообещал ей это. Она же призвала исповедника¹⁹⁹ и попросила его каждый год пропалывать ее могилу, чтобы на ней ничего не могло вырасти. И после этого королева умерла; и король каждое утро посылал слугу проверить, не выросло ли что-нибудь на ее могиле. И в течение семи лет исповедник делал то, о чем попросила его королева.

И в один из дней король отправился на охоту и проезжал мимо кладбища. И захотелось ему взглянуть на могилу, поскольку он томился без жены. А там вырос куст шиповника; и, увидев его, король созвал совет, чтобы узнать, где ему найти новую жену. И один из его приближенных сказал: «Я знаю подходящую для тебя женщину. Это жена короля Догеда».²⁰⁰ И они решили похитить ее силой, и убили ее мужа, и разорили их земли, и привели ее к королю вместе с дочерью.

тельных героев» артуровских легенд. Здесь рыцари Артура лишены всякой куртуазности: вероломное убийство для них подвиг, нередко и нарушение данного слова. Их поведение подчинено циклической концепции мифа, центром которой является охота на чудовищного кабана Турха Труйта, первоначально связанная, несомненно, с актом сотворения земли из его тела и наименования по его частям различных местностей (ср. ирландский цикл «Похищение быка из Куальнге»). Такие отголоски мифа встречаются в повести на каждом шагу и отчасти объясняются именно ее композиционной нестройностью, возникшей из-за отсутствия редактуры. История Килоха и Олвен более всего и ценна именно тем, что стоит на той грани, где кончается миф и начинается литература.

¹⁹² Этот Келиддон с титулом Вледиг тоже кажется мифологическим персонажем; это доказывает и наличие в его имени корней *celi* («небеса») и *don* (имя богини).

¹⁹³ Анлауд Вледиг упоминается в валлийских генеалогиях как отец Тивинведд (матери святого Тивридога, жившего ок. VI в.) и Эйгр (Игрейны), матери Артура (ее иногда называют также дочерью Гвена или Кунедды, короля Гвинедда). Это объясняет родство Килоха с Артуром. Но дочь Анлауда Голеудидд встречается только в данном тексте.

¹⁹⁴ Очевидно, в Уэльсе, как и в других варварских обществах, сумасшедших считали одержимыми духами и изгоняли из населенных мест. Мотив одержимости женщины при вынашивании сына-героя нередко встречается в фольклоре.

¹⁹⁵ *Kulhwch* – свиной загон (валл.).

¹⁹⁶ Фантастическая этимология имени Килох (*Kulhwch*) отражает, возможно, его архетипическую связь с тотемом-кабаном (Турх Труйт); *hwch* – не «домашняя свинья», а «кабан».

¹⁹⁷ Первое упоминание Артура в «Мабиногион» (еще без всяких титулов). Имя его производится от валлийского *arth* («медведь») или от ирландского *art* («камень») и, возможно, имеет отношение к римскому родовому имени *Artorius*.

¹⁹⁸ Буквально *Recdouyd* – «помогать твоих даров». Голеудидд боится, что дети новой жены ее мужа могут лишиться ее сына законных прав на земли и имущество (по кельтским обычаям, старший сын не имел особых преимуществ перед другими при наследовании).

¹⁹⁹ *Athro* – «наставник», т. е. семейный священник.

²⁰⁰ Этот король упоминается в списке валлийских святых, где он именуется правнуком Кунедды, короля Гвинедда, и братом епископа Авана Буаллта.

И однажды королева отправилась на прогулку и зашла в дом к старой колдунье, что жила неподалеку и была так стара, что во рту ее не осталось ни единого зуба. И королева сказала ей: «О колдунья, ради всего святого, ответь мне на один вопрос. Есть ли дети у человека, который овладел мною против моей воли?» И колдунья ответила: «У него нет детей». Тогда королева сказала: «Горе мне, что мой муж бездетен». – «Не печалься, – сказала ей колдунья, – предсказываю, что у тебя будут от него дети, и они унаследуют трон. Но есть у него и еще один сын».

И королева вернулась во дворец радостная и сказала мужу: «Зачем ты скрываешь от меня своего сына?» И король ответил: «Теперь я не стану его скрывать». И он отправил гонцов за своим сыном, и они доставили его ко двору. Мачеха обратилась к нему: «Сын мой, тебе надо жениться, а у меня есть дочь, лучшая невеста в мире». Он же возразил ей: «Не достиг я еще возраста женитьбы.²⁰¹». Тогда она сказала: «Что ж, я предскажу тебе судьбу: ты не женишься ни на ком, кроме Олвен, дочери Исбаддадена, Повелителя Великанов»²⁰² Тут юноша залился краской, и внезапно любовь к этой деве проникла во все его члены, хотя он никогда не видел ее. И, заметив это, отец спросил его: «Что с тобой, сын мой? Что тебя опечалило?» – «Моя мачеха предсказала мне, что я не женюсь ни на ком, кроме Олвен, дочери Повелителя Великанов». – «Что ж, сын мой, ничего трудного в этом нет, – сказал ему отец. – Ведь в родне у тебя сам Артур. Иди к нему и принеси прядь своих волос ему в дар».²⁰³

И юноша сел на коня светло-серой масти, четырех зим от роду, крепкого в ногах и хорошо подкованного, с уздечкой и седлом из чистого золота. На ногах его были серебряные шпоры, а в руке он держал копьё толщиной с руку сильного мужчины. Разило оно стремительней, чем капля росы падает с ветки на землю в июне, в самую росную пору. На боку его висел меч в золотых ножнах, на лезвии которого тоже был золотой узор, а на рукояти – золотой крест, призывающий благословение небес; и там же был узор из слоновой кости.²⁰⁴ И впереди него бежали две белые борзые с рыжими пятнами, с ошейниками из красного золота. На нем был пурпурный плащ, на каждом конце которого висело по золотому яблоку ценой в сотню коров.²⁰⁵ И дорожке трех сотен коров были его сапоги кроваво-красного цвета, доходящие до колен. И когда он скакал, трава не гнулась под ним из-за легкости и быстроты коня, на котором он подъехал к воротам дворца Артура.

Юноша позвал: «Привратник, где ты?» – «Я здесь, и зачем ты, не умеющий молчать, тревожишь меня? Я сторожу ворота Артура в январские календы, а весь прочий год их сторожат мои подручные, имена которых Хуандау, и Гогихох, и Ллазскемин, и Пеннпингион, который ходит на голове, чтоб не повредить себе ноги, и уподобляется катящемуся камню». – «Так открой же мне ворота». – «Я не открою их». – «Почему ты не хочешь их открыть?» – «Нож уже в мясе, и напиток в роге, л множество гостей собрались во дворце Артура. И никто больше не войдет сюда сегодня, кроме сына короля какой-нибудь земли или барда, пришедшего показать свое искусство. Ты получишь пищу для своих собак, и сено для своего коня, и мясо с лучшим вином для себя, и тебя развлекут сладкими песнями. Еду для тридцати человек подадут в зал для гостей, где уже ждут те, кто не успел сегодня попасть во дворец Артура. И поистине, ты неплохо проведешь там время. Ты получишь женщину на ночь и слушаешь песни и баллады. Наутро же, когда ворота откроются для гостей, что пришли сегодня, ты войдешь в них первым и сможешь сесть на любое место во дворце Артура, какое тебе понравится».

²⁰¹ Брачным возрастом юноши в Уэльсе считалось четырнадцать лет.

²⁰² Олвен и ее отец Исбаддаден, Повелитель Великанов (Pen-Kawr), не упоминаются нигде, кроме данной повести, но позднее красота Олвен нередко вдохновляла бардов (в частности, Давида ап Гвиллима) на восторженные сравнения.

²⁰³ В древнем Уэльсе родители посылали остриженные волосы своего сына тому человеку, которому они хотели отдать его под покровительство. Однако здесь этот обычай смешивается с феодальным оммажем (клятвой верности), при котором тоже иногда у вассала выстригалась прядь волос.

²⁰⁴ Llugom eliffeint – инкрустация из слоновой кости на рукоятке меча.

²⁰⁵ Как и в Ирландии, в скотоводческом обществе валлийцев коровы были основной единицей платежа еще долгое время после появления денег. По законам Хоуэла Доброго, все выплаты исчислялись в коровах, и в них же переводились другие единицы обмена, например, «семь коней стоимостью в четырнадцать коров» и т. д.

Юноша сказал: «Поистине, я не сделаю этого. Если ты сейчас откроешь ворота, я войду. Если же нет, то ты навлечешь беду на себя и бесчестье на своего господина. Ибо я спою у этих ворот три песни позора,²⁰⁶ которые услышат от вершины Пенгвайдд в Корнуолле²⁰⁷ до Динсола на Севере и до Эсгайр-Эрфел в Ирландии. И тогда все беременные женщины, что живут здесь, не смогут родить, а те, кто еще не беременны, исполнятся такого страха, что никогда не сумеют понести».

Глеулвид Гафаэлфаур.²⁰⁸ сказал ему: «Какими бы песнями позора ты ни угрожал, я не впущу тебя, пока не посоветуюсь с Артуром». И после этого он вошел в зал, и Артур спросил его: «Что нового у ворот?» И Глеулвид сказал: «Две трети своей жизни я провел рядом с тобой. Я был с тобой в Каэрсе и Ассе, в Сах и Салах, в Лотор и Фотор, в Великой и Малой Индиях, в битве при Деу-Инир, где мы взяли двенадцать заложников из Ллихлина. Я был с тобой в Европе, и в Африке, и на острове Корсид, и в Каэр-Бритох, и в Бригах, и в Нертах. И я был с тобой, когда ты сразил спутников Клейса, сына Мерлина, и когда ты одолел Мир Дду, сына Дукума. Я был с тобой, когда ты завоевал всю Грецию до самых пределов Востока. Я был с тобой в Каэр-Оэт и Аноэт, и в Каэр-Невенхир²⁰⁹ Девять могучих властителей видел я там, но никогда прежде не встречал мужа, равного тому, кто стоит сейчас у ворот».

И Артур сказал: «Если это все, с чем ты пришел, то иди скорее назад и вели оказать ему почет и уважение и подать ему золотой рог с вином, и золотое блюдо с мясом, и всяческие яства. Негоже оставлять под дождем и ветром такого мужа, как он». Тут Кай²¹⁰ сказал: «Если мне позволительно высказать свое мнение, то мы не должны нарушать ради него обычаи двора». – «Конечно, дорогой Кай, но мы же благородные люди, и чем большее гостеприимство мы выкажем, тем больше будут наша слава и наша честь».

И Глеулвид пошел к воротам и открыл их. И хотя перед воротами положено было спешиваться, Килох не сделал этого и въехал в них на коне. И он сказал: «Приветствую тебя, владыка этого острова! Пусть благоденствуют твои высокие, и твои низкие, и твои знатные, и твои воины, твои приближенные и пусть их благополучие будет не меньшим, чем твое. И пусть твоя власть, и твоя мощь, и твоя слава множатся на всем этом острове».

«Храни тебя Бог, – ответил ему Артур. – Садись меж двух моих людей и пируй с нами, и, пока ты не покинешь нас, тебе будут оказываться королевские почести.²¹¹ И когда я стану раздавать дары моим гостям, прибывшим издалека, ты тоже не будешь обделен». Юноша ответил: «Я пришел к тебе не ради еды и питья. Если ты примешь мой дар, я воздам тебе хвалу; если же нет, то я донесу слова позора²¹² до четырех отдаленнейших концов земли».

Тогда Артур сказал: «Раз уж ты хочешь этого, я принимаю твой дар до тех пор, пока дует ветер, пока льют дожди, пока светит солнце, пока море не вышло из берегов, пока земля тверда под ногами. Свидетелями тому моя корона, и моя мантия, и мой меч Каледфолх, и мое копье Рон-

²⁰⁶ Песня позора, или «злая песня», часто встречалась в кельтской мифологии и считалась могучим оружием бардов и друидов против неугодных им людей (см. «Историю Талиесина»).

²⁰⁷ Pengwaedd («край земли») – оконечность полуострова Корнуолл; о Динсоле ничего не известно (обычно другим краем Британии считался Пенрин-Блатаон в Шотландии); Эсгайр-Эрфел – мыс Малин-Хед в Северной Ирландии.

²⁰⁸ Глеулвид Гафаэлфаур – знаменитый привратник дворца Артура, имя которого обозначает «седой храбрец, великий страж»; в артуровском эпосе известен под именем сэра Лукана.

²⁰⁹ О большинстве из упоминаемых мест и имен ничего не известно; видимо, они призваны создать общую картину великих войн и завоеваний Артура. Ллихлин – Скандинавия; Корсид – вероятно, остров Корсика; Каэр-Невенхир – место, где произошла мифическая Битва деревьев (Cad Goddeu), в которой Артур участия не принимал.

²¹⁰ Здесь впервые появляется этот прославленный рыцарь Артура, в чертах которого соединяются храбрость и заносчивость, хитрость и злоязычие, коварство (здесь ему приданы еще и черты могучего чародея). Первая же его реплика касается «обычаев двора» (cyfreithiau y llys), что отражает его роль «сенешаля» двора Артура в последующей традиции.

²¹¹ Буквально edling (от англ. atheling) – королевский наместник; в БК – просто «король».

²¹² В БК wyneb – собственно «лицо»; здесь: «позор».

гомиант, и мой щит Винебгортухир, и мой кинжал Карнуэнхан, и моя супруга Гвенвифар.²¹³ Говори же, чего ты хочешь». – «Я хочу, чтобы ты отрезал прядь моих волос». – «Я сделаю это». И Артур взял серебряные ножницы с золотым гребнем и отрезал у него прядь волос, после чего сказал: «Я чувствую, как в моем сердце растет приязнь к тебе. Поистине, ты моей крови. Скажи мне, как твое имя?» – «Я скажу тебе, – ответил юноша. – Я Килох, сын Килидда, сына Келиддона Вледига, от Голеудидд, дочери Анлаудда Вледига, моей матери». – «Я знаю тебя, – сказал Артур, – ты мой двоюродный брат. Говори, чего ты хочешь, и ты получишь все, что сможет выговорить твой язык. Клянусь Богом и моим королевством, тебе ни в чем не будет отказа». – «Я скажу тебе. Помоги мне добыть Олвен, дочь Исбаддадена, Повелителя Великанов».²¹⁴ И об этом он попросил также Кая, и Бедуира,²¹⁵ и Грейдаула Галлдофидда, и Гуитира, сына Грейдаула, и Грейта, сына Эли, и Кинделика Кифарвидда, и Татала Твилла Голеу, и Мэлвиса, сына Бедана, и Книхора, сына Неса, и Куберта, сына Даэре, и Перкоса, сына Пэха, и Ллувера Бейтнаха, и Корвила Берфаха, и Гвина, сына Нудда,²¹⁶ и Эдирна, сына Нудда, и Кадви, сына Герайнта, и Флеудура Флама Голедита, и Риауна Пебира, сына Дората,²¹⁷ и Брадвена, сына Морена Минауга, и Даллдафа, сына Кимина Кофа, и сына Алуна Дифеда, и сына Сайди, и сына Гориона, и Ухтрида Ардивада Када, и Кинваса Курфагила, и Горхира Гвартекфраса, и Исперира Эвингата, и Галлкоэда Гофининада, и Дуаха, и Гратаха, и Нертаха, сыновей Гваурдура Кирфаха (что прибыли с самых пределов Аннуина), и Килидда Канхастира, и Канхастира Канллау, и Корса Канта Эвина, и Эсгайра Килоха Гофинкауна, и Дристрона Хаиарна, и Глеулвида Гафаэлфаура, и Ллоха Ллавиниауга, и Анноса Адейнауга, и Синноха, сына Сейтфеда, и Гвенвинвина, сына Нау,²¹⁸ и Бедиу, сына Сейтфеда, и Гобруи, сына Эхела Форддуита Толла, и самого Эхела Форддуита Толла, и Мэла, сына Ройкола, и Дадуйра Даллпенна,²¹⁹ и Гарвили, сына Гуитауга Гвира, и самого Гуитауга Гвира, и Горманта, сына Рикка,

²¹³ Традиционная формула клятвы. Все перечисленное хорошо известно в традиции. Мантия Артура Лленн в других текстах именуется чудесным покрывалом, делающим своего владельца невидимым (см. «Видение Ронабви»). Меч Артура Каледфолх – это знаменитый Калибурн или Экскалибур артуровского эпоса, добытый волшебным путем и так же чудесно исчезнувший после битвы при Камлане, в которой Артур был смертельно ранен. Название его происходит, вероятно, от Каладболга – меча ирландского героя Фергуса мак Ройга, имя которого, в свою очередь, связано с мечом – молнией языческого бога-громовника.

Гвенвифар (Gwenwyfar, в эпосе Гвиневра; имя означает «сияющая белизной») – имя жены Артура или одной из его жен (по некоторым данным, все три жены Артура носили имя Гвенвифар). Отношение к ней традиции двойственно: являясь образцом красоты и мудрости, Гвенвифар в то же время коварно изменяет супругу с его собственным незаконным сыном Медраудом (Мордредом), что становится причиной гибели Артура.

²¹⁴ В последующем длинном списке перечислены многие персонажи валлийской мифологии, фольклора и генеалогических преданий. Далеко не все из них поддаются интерпретации, хотя по поводу каждого имени учеными высказывались разнообразные предположения. Мы даем справки только об основных лицах, упомянутых здесь.

²¹⁵ Еще один знаменитый рыцарь Круглого Стола (в романе Томаса Мэлори «Смерть Артура» он зовется сэром Бедивер).

²¹⁶ Гвин, сын Нудда – один из самых загадочных персонажей валлийской мифологии. Это повелитель потустороннего мира, господин фей и эльфов, великий мудрец и астролог. Одновременно он известен как злой дух, которого Господь, как сказано далее в повести, «поставил стеречь демонов Аннуина», злодей, заставивший Киледира, сына Нейтона, съесть сердце собственного отца. Его отец Нудд, видимо, то же лицо, что и Ллудд Серебряной Руки, и именно за его дочь (свою сестру) Крейддилад Гвин каждые календы января бьется с Гуитиром, сыном Грейдаула. Крейддилад под именем Корделии встречается в легенде о короле Ллире (Ллудде) у Гальфрида Монмутского. Что касается Гвина (имя его означает «белый»), то он, как и ирландские сиды, живет под холмом, куда может ненароком забрести случайный путник (сохранились упоминания о встречах с ним Давида ап Гвиллима и святого Коплена, жившего в VII в.).

²¹⁷ Риаун (или Риваун) Пебир упоминается Анейрином в его поэме «Гододдин» как один из предводителей бриттов в битвах с саксами. Триады именуют его одним из трех благословенных правителей вместе с Рином, сыном Мэлгона Гвинедда, и Оуэном, сыном Уриена.

²¹⁸ Он упоминается в триаде № 14 как один из Трех мореплавателей Острова Британии.

²¹⁹ В одной из триад содержится очень сложная история о том, как Колл, сын Коллфреви, пас свиней Дадуйра Даллпенна, и одна из них убежала, после чего Артур со всем войском бросился за ней в погоню и долго преследовал, причем это преследование (как и охота на Турха Труйта) носило сакрально-топонимический характер.

и Мену, сына Тейргваэдда,²²⁰ и Дигона, сына Алара, и Селифа, сына Синойта, и Гуэга, сына Ахена, и Нерта, сына Кадарна, и Друдваса, сына Триффина,²²¹ и Турха, сына Перифа, и Турха, сына Аннваса, и Иона, короля франков, и Села, сына Селги, и Терегуда, сына Иаэна, и Сулиена, сына Иаэна, и Брадвена, сына Иаэна, и Морена, сына Иаэна, и Сиауна, сына Иаэна, и Крадауга, сына Иаэна (это были родичи Артура со стороны отца, что жили в Каэр-Датил),²²² и Дирмига, сына Кау,²²³ и Иустика, сына Кау, и Этмика, сына Кау, и Ангаудда, сына Кау, и Офана, сына Кау, и Келина, сына Кау, и Коннина, сына Кау, и Мабсанта, сына Кау, и Гвингада, сына Кау, и Ллойбира, сына Кау, и Коха, сына Кау, и Мейлика, сына Кау, и Кинваса, сына Кау, и Ардиада, сына Кау, и Эргириада, сына Кау, и Неба, сына Кау, и Гильду, сына Кау, и Калкаса, сына Кау, и Хуэйла, сына Кау, и Самсона Финсиха; и Талиесина, Лучшего из бардов,²²⁴ и Манавидана, сына Ллира, и Ллари, сына Каснара Вледига, и Исперина, сына Флергайнта, короля Ллидау, и Саранона, сына Глитмира, и Ллаура, сына Эру, и Аннианнауга, сына Мену, сына Тейргваэдда, и Гвина, сына Нуифре, и Флама, сына Нуифре, и Герайнта, сына Эрбина,²²⁵ и Дифела, сына Эрбина, и Гвина, сына Эрмида, и Киндруина, сына Эрмида, и Хифейдда Унллена; и Эйдона Фаурфридига, и Рейдона Арви, и Горманта, сына Рикка (он был братом Артура по матери, старшим из правителей Корнуолла), и Ллаунроддеда Фарфаука,²²⁶ и Надаула Фариф Турха, и Берта, сына Кадо, и Рейддона, сына Бели, и Искофана Хэла, и Искавина, сына Панона, и Морврана, сына Тегида (в битве при Камлане никто не осмелился скрестить с ним оружие из-за его устрашающего вида, и все подумали, что это сам дьявол, ибо волосы его торчали, как рога оленя),²²⁷ и Киннвила Санта (он был одним из трех, спасшихся после битвы при Камлане, и последним из тех, кто покинул Артура, на своем коне Хенгроэне), и Ухтрида, сына Эрима, и Эуса, сына Эрима, и Хенваса Адейнауга, сына Эрима, и Хенбедестира, сына Эрима, и Сгилти Исгаунтреда, сына Эрима (у этих мужей было три свойства: Хендебестир никогда не встречал человека, способного его обогнать, на коне или пешком; Хенвас Адейнауг видел на акре вокруг себя любую тварь; Сгилти Исгаунтрэд, когда господин посылал его с поручением, никогда не выбирал дороги, а шагал прямо по верхушкам деревьев или по вершинам холмов, и трава не гнулась под его ногами из-за его легкости), и Тейти Хена, сына Гвинхана (чьи владения поглотило море, и он сам с трудом спасся, после этого он пришел к Артуру и принес с собой чудесный нож, который, с тех пор как он появился там, ни минуты не оставался на месте; от этого Тейти Хен стал чахнуть, а потом и умер), и Карнедира, сына Гофиниона Хена, и Гуссевина, воина Артура, и Ллисгадруда Эмиса, и Гарбото Хена (они были дяди Артура, братья его матери), и Гулфанавида, сына Гориона, и Лленлеауга, ирландца из земли Гамон, и Дифнуала Маэла,²²⁸ и Дунарда, короля Севера, и Тейрниона Торифа Флианта, и Текфана Глоффа, и Тегира

²²⁰ Этот герой, играющий важную роль в повести, упоминается в триадах как один из чародеев Острова Британии, служивший своим волшебством еще отцу Артура Утеру Пендрагону.

²²¹ Друдвас, сын Триффина, упоминается в триадах как один из Трех красноречивых рыцарей, которым никто не мог отказать в просьбе; другие двое – Гвальхмаи, сын Гвиара, и Элиулод, сын Мадога.

²²² Каэр-Датил в Карнарвоншире упоминается в «Мате» как резиденция Мата, сына Матонви.

²²³ Кау, король Стрэтклайда (Камберленд), и его многочисленные сыновья, самым знаменитым из которых был историк Гильда, жили в VI в. и упоминаются в различных источниках как современники (и противники) Артура.

²²⁴ См. «История Талиесина».

²²⁵ Этому рыцарю, известному в артуровском эпосе под именем сэра Гарета, посвящена повесть «Герайнт и Энид».

²²⁶ Ллаунроддед Фарфаук упоминается в триадах как один из Трех великих пастухов, пасший стадо Нудда, сына Сениллта, в котором была двадцать одна тысяча молочных коров.

²²⁷ Морвран, как известно из «Истории Талиесина», был злобным и уродливым сыном Тегида Фозла и ведьмы Каридвен. Его имя, происходящее от индоевропейских корней «ворон» и «смерть» и близкое к имени Брана, позволяет считать его древним божеством потустороннего мира, сыном которого считался полубог и первопродок Мирддин (не путать с Мирддином Эмрисом или Мерлином).

²²⁸ Дифнуал Маэл (или Маэлмуд) упоминается в триадах и в законах Хоуэла Доброго как легендарный король Британии и один из Трех великих законодателей.

Талгеллауга, и Гурбифала, сына Эбреи, и Морганта Хэла, и Гуистила, сына Нейтона, и Рина, сына Нейтона, и Ллидеу, сына Нейтона, и Гуидре, сына Ллидеу от Гвеннабви, дочери Кау, его матери (Хуэл, его дядя, ударил его, и из-за этого возникла вражда между Хуэлом и Артуром), и Дрема, сына Дремидида (который, вставая утром, видел все от Гэлливика в Корнуолле,²²⁹ до Пенн-Блатаон в Придейн), и Эйдоэла, сына Нера, и Голиддина Плотника (который выстроил Эхангвен, главный зал дворца Артура), и Кинира Кейнфарфауга (говорят, что Кай не был его сыном; он однажды сказал жене: «Если я не имею отношения к твоему сыну, пусть сердце его всегда будет холодным, а в руках не останется тепла. Если же он мой сын, пусть он будет упорен. И еще: когда он будет нести груз, тяжелый или легкий, ни один человек не увидит его ни издалека, ни вблизи. И еще: никто не сравнится с ним по верности в служении»), и Хенваса, и Хенвинеба, и Хери Кидимдейта, и Гваллгоэга (куда бы он ни приходил, даже в город с тремя сотнями домов, никто в этом месте не спал, пока он оставался там), и Бервина, сына Геренхира, и Париса, короля франков (от него получил свое имя город Париж), и Ослу Длинного Ножа²³⁰ (у него был длинный клинок, и, когда Артур со своими спутниками встретили на пути бурную реку, он положил этот клинок поперек реки, и по нему, как по мосту, перешли люди трех островов Британии и трех прилегающих островов²³¹ со всем своим снаряжением), и Гвиддлуга, сына Менестира (который убил потом Кая, за что Артур убил его и всех его братьев), и Гаранвина, сына Кая, и Амрена, сына Бедуира, и Эли Амира, и Рея Руидда Дириса, и Рина Рудверна, и Эли с Трахмиром, старших среди охотников Артура, и Ллидеу, сына Килкоэда, и Хуабви, сына Гуирона, и Гвинна Годифрона, и Гвейра Датара Гвенидауга, и Гвейра, сына Каделлина Сребробрового, и Гвейра Гориды Эннвира, и Гвейра Гвинна Длинного Копья (а это были дяди Артура, братья его матери, сыновья Ллоха Ллавиннауга), и Лленлеауга Ирландца, и некоего Одержимого Британии, и Каса, сына Сайди, и Горфана Гуаллта Афуина, и Гвилленхина, короля франков, и Гвиттарта, сына Аэдда, короля Ирландии, и Гарселита Ирландца, и Панаура, военачальника, и Флендора, сына Нафа, и Гвинхифара, наместника Корнуолла и Девона, девятиерых, послуживших причиной битвы при Камлане²³² и Кели с Куэли, и Гилла Оленью Ногу (он мог преодолеть одним прыжком расстояние в три сотни акров и был лучшим прыгуном в Ирландии), и Сола, и Гвадина Оссоло, и Гвадина Одеита (Сол мог простоять целый день на одной ноге; Гвадин Оссол, став на вершине высочайшей горы в мире, мог превратить ее в ровное поле, Гвадин Одеит мог затоптать ногами самое сильное пламя, поэтому они прокладывали путь для Артура в его походах), и Хира Эрома, и Хира Этрома (в день, когда они приходили на пир, три области оказывались опустошенными, ибо они ели, пока не съедали все, и пили до темноты, а потом отправлялись спать. Утром же они опять были голодны, как будто накануне не ели ни крошки. Когда они уходили с пира, после них не оставалось ни жирного, ни постного, ни горячего, ни холодного, ни горького, ни сладкого, ни свежего, ни соленого, ни вареного, ни сырого), и Хуарвара, сына Халуна (который все время просил есть и был одним из трех бедствий Корнуолла и Девона, ибо на лице его не появлялось улыбки, покуда он не насыщался), и Гориваллта Эурина,²³³ и двух щенят Рими, Гвиддруда и Гвидднеу Аструса, и Сугина, сына Сугнедидда (он мог выпить море, вмещающее три сотни кораблей, до самого дна; еще у него был красный нагрудник), и Какимри, слугу Артура (как только ему показывали амбар с зерном, он бросался на него с железным цепом, размалывая не только зерно, но и весь амбар), и Дигифлонга, и Аноэта Фейдауга, и Хира Эйдила и Хира Амрена, двух слуг Артура, и Гвефила, сына Гвестада (в дни, когда он печалился, одна его губа свисала до низа живота, а другая нависала над головой, как

²²⁹ Гэллик в Корнуолле – хорошо известная в традиции резиденция Артура, где находился один из трех его главных дворов. Его точное местоположение неизвестно.

²³⁰ Это собирательный образ предводителя саксов, который то служит Артуру, то воюет с ним (см. «Видение Ронабви»). Под его именем, возможно, фигурирует король Мерсии Оффа, который был в VIII в. грозным противником независимого Уэльса.

²³¹ Три прилегающих к Британии острова – это Мона (Англси), Гвейт (Уайт) и Манау (Мэн), вместо которого иногда назывались Оркнейские острова на севере.

²³² В другом переводе «девятерых, ведущих полки во время битвы при Камлане». Наместник Корнуолла именуется здесь англосаксонским словом «таег».

²³³ См. примеч. 41 к «Пуйлу».

капюшон), и Ухтрида Фарифа Драуса (который мог обмотать своей рыжей бородой все сорок во- семь столбов в главном зале дворца Артура), и Элидира Кифарвидда, и Искирдафа с Искудиддом (это были двое слуг Гвенвифар, которые, когда их посылали куда-то, двигались со скоростью мысли), и Бриса, сына Бриссетаха с горы Черный Фернбрак в Британии, и Грудлоина Горра, и Болха и Сефолха, сыновей Кледдифа Кифолха, внуков Кледдифа Дифолха (три блестящих белых – это их щиты, три тонких пронзающих – это их копья, три острых режущих – это их три меча, Глас, Глессик и Глейсад. Три их пса – Калл, Куалл и Кафалл; три их коня – Хуирдидог, Дрогнидог и Ллоирдидог; три их жены – Ох, Гарим и Диаспад; три их сына – Ллухед, Нефед и Эссивед; трое их слуг – Дрог, Гвайт и Гваэтаф Олл; три их служанки – Эхеубрид, дочь Кифолха, Гораскорн, дочь Нерта и Гваэддан, дочь Кинфелина, привратника Пуйла, который был получеловеком),²³⁴ и Донна Дессика, и Эйладира, сына Пенн Лларкана, и Кинедира Уиллта, сына Хеттона Сребробрового, и Сауйла Высокого Лба, и Гвальхмай, сына Гвиара,²³⁵ и Гвальхафеда, сына Гвиара, и Горхира Гвальстауда Иэттоэдда, который знал все языки,²³⁶ и Кетрома Прорицателя, и Клушта, сына Клустфейнада (если его закапывали в землю на семь локтей, он слышал, как ползает муравей за пятьдесят миль от него), и Медира, сына Метредидда (он мог, находясь в Гэлливике, подстрелить крапивника в Исгейр-Эрфел, что в Ирландии), и Гвиауна Кошачьего Глаза (который мог вынуть свой глаз и потом вставить его обратно без всякого вреда для зрения), и Ола, сына Олвидда (за семь лет до его рождения у его отца украли свинью, и он, когда вырос, отправился за ней и привел домой семь свиных стад), и епископа Бедвини,²³⁷ что благословлял еду и питье при дворе Артура.

И еще он попросил об этом украшенных золотыми кольцами дочерей этого острова: Гвенвифар, старшую королеву, и Гвенвиах, ее сестру, и Раттиэу, единственную дочь Клемимила, и Келемон, дочь Кая, и Тангвен, дочь Гвейра Датара Венидауга, и Гвенн Аларх, дочь Киннуила Канона, и Эурнейд, дочь Клидно Эйддина, и Энефауг, дочь Бедуира, и Энридвэг, дочь Тудфатара, и Гвенвледир, дочь Гваредура, и Кирфах, и Эодудфул, дочь Триффина, и Эуролвен, дочь Гудолуина Горра, и Телери, дочь Пеула, и Индег, дочь Гарви Хира,²³⁸ и Морфидд, дочь Уриена Регедского, и Гвенллиан Прекрасную, деву высочайших достоинств, и Крейддилад, дочь Ллуда Серебряной Руки (а она была самой прекрасной девой трех Островов Могущества и трех прилегающих островов,²³⁹ и Гуитир, сын Грейдаула, и Гвин, сын Нудда, бьются за нее каждые календы января и будут биться до самого Страшного суда), и Эллило, дочь Неола Кинна Крока (она пережила три поколения), и Эсиллт Финвен, и Эсиллт Фингул.²⁴⁰ И всех их Килох, сын Килидда, попросил принять его дар.

Тогда сказал Артур: «Друг мой, я никогда не слышал ни о деве, о которой ты говоришь, ни о ее родичах. Я с радостью отправлю гонцов на ее поиски». Юноша сказал: «Что ж, я буду ждать вестей с этой ночи и до конца года». И Артур разослал гонцов во все страны света на поиски девы, и в конце года они вернулись, не узнав об Олвен ничего, кроме того, что знали в первый день поисков. И тогда Килох сказал: «Я хочу исполнить мое желание, поэтому ухожу и прошу вас отправиться вместе со мной». Тут Кай сказал: «Друг мой, король не может поехать с тобой, поэтому я готов сопровождать тебя в твоих поисках, пока мы не убедимся, что этой девы нет на свете, или

²³⁴ Непонятно, к кому здесь относится слово «получеловек» – к Кинфелину или к самому Пуйлу. Кинфелин известен как наследник Касваллауна, боровшийся с римлянами в 1 в. н. э.

²³⁵ Гвальхмай, сын Гвиара – самый могучий рыцарь Артура, которого позднейшая традиция превратила в Ланселота (от фр. lance – «копье»; другое его имя – Галахад, происшедшее от Гвальхмай). Мотив его любви к королеве Гвенвифар в «Мабиногион» не отмечен.

²³⁶ О способности этого героя, играющего далее важную роль в повествовании, к языкам упоминается в нескольких стихотворениях валлийских бардов.

²³⁷ Бедвини, или Бедвин, именуется в триадах епископом Гэлливика и исповедником Артура.

²³⁸ Индег, дочь Гарви (или Афарви) Хира – по триадам, одна из трех дам, любимых Артуром.

²³⁹ См. примеч. 25. Крейддилад упоминается как одна из Трех прекраснейших дев в нескольких триадах.

²⁴⁰ Это Изольда Белокурая, жена короля Марка, и Изольда Белорукая, героини легенды о Тристане. Сам Тристан (Тристан, сын Таллуха), упоминаемый в триадах, на страницах «Мабиногион» появляется лишь однажды.

пока не найдем ее».

И Кай поднялся со своего места. А он мог девять дней и ночей пребывать под водой и не утонуть и еще мог девять ночей и дней оставаться без сна. Никакой лекарь не мог залечить рану, нанесенную его мечом. Поистине доблестен был Кай. Когда он хотел, то мог сделаться высоким, как высочайшее в мире дерево. Было у него и еще свойство. В самый сильный дождь на расстоянии вытянутой руки от него все оставалось сухим. И если его спутники страдали от холода, он согревал их лучше всякого костра.

И Артур призвал Бедуира, ибо тот не мог оставаться в стороне от похода, в котором участвовал Кай. А Бедуир был прекраснее всех людей этого острова, кроме Артура и Дриха, сына Кидбара,²⁴¹ и кроме того, хотя он был одоруком, он в бою проливал больше вражеской крови, чем трое сильнейших воинов. И еще одно свойство было у него: рана от его копья была тяжелее девяти ран, нанесенных любим другим оружием.

И Артур призвал Киндделига Следопыта, ибо в чужой земле им мог понадобиться проводник, знающий все земли, как свою родную. И еще он призвал Горхира Гвальстауда Иэтоэдда, который знал все языки. И призвал Гвальхмаи, сына Гвиара, который никогда не возвращался домой, не найдя того, что искал. Он считался самым удачливым искателем и был племянником Артура, сыном его сестры. И призвал Мену, сына Тейргваэдда, который, если бы они очутились среди врагов, мог окружить их волшебным туманом так, что их бы никто не видел, а они видели всех.

И они отправились в путь и достигли обширного поля, где увидели крепость, величайшую из всех крепостей мира. И они шли к ней до самого вечера, но так и не приблизились ни на шаг. И они шли второй день и третий и наконец с большим трудом достигли ее стен. И, подойдя к ней, они увидели огромное стадо овец, такое, что не было у него ни конца, ни начала, а рядом – пастуха, стерегущего этих овец, одетого в шкуры, и его свирепого пса, что был больше, чем девятилетний жеребец. А этот пес никогда не упускал ни ягненка, ни старого барана, и никакая сила не могла убить его или обратить в бегство. Множество деревьев и трав вокруг были сожжены его огненным дыханием.

Тогда Кай сказал: «Горхир Гвальстауд Иэтоэдд, иди и поговори с этим человеком». – «Кай, – ответил тот, – я не давал клятвы вместе с тобой». – «Тогда пойдем вместе», – сказал Кай. Тут вмешался Мена, сын Тейргваэдда: «Не бойтесь, ибо я наложил на пса заклятие, и он не учует вас». И они подошли к месту, где был пастух, и заговорили с ним. «Богат ли ты, пастух?» – спросили они его. «Вам никогда не стать богаче меня», – ответил он. «Значит, ты сам себе хозяин?» – «Я никому не позволяю командовать мною, кроме жены». – «А чьих же овец ты пасешь и кто владеет этой крепостью?» – «Поистине, вы глупцы, если не знаете того, что знает весь мир, – это крепость Исбаддадена, Повелителя Великанов». – «А кто же ты такой?» – «Я Кустеннин, прозванный Неудачно Женатым, ибо мой брат Исбаддаден, Повелитель Великанов, отнял у меня жену. А кто вы такие?» – «Мы посланцы Артура, разыскивающие Олвен, дочь Исбаддадена». – «Храни вас Бог! Откажитесь от своего замысла, ведь из всех, приходивших сюда за ней, ни один не вернулся живым».

Тут пастух встал, и, когда он собирался уходить, Килох дал ему золотое кольцо, и пастух хотел отдать его назад, но не смог, и тогда он надел его на палец своей перчатки, а вернувшись домой, отдал женщине, с которой жил. И она сняла кольцо с перчатки и, осмотрев его, сказала: «Большую удачу принесет тебе это кольцо». – «Я пошел к морю за рыбой,²⁴² – сказал он, – и увидел юношу, вынесенного на берег волнами, и я никогда не видел никого прекраснее. У него на пальце я и нашел это кольцо». – «О господин, покажи мне этого мертвого юношу, пока море не унесло его!» – «О женщина, мертвый юноша жив и сейчас придет сюда». – «Кто же это?» – спросила она. «Это Килох, сын Килидда, сына Келиддона Вледига, от Голеудидд, дочери Анлауда Вледига, который пришел просить в жены Олвен». Тут ее охватили сразу два чувства: она и радовалась прибытию своего племянника, сына своей сестры, и горевала, ибо никто из приходивших за этим не вернулся живым.

Тут они вошли в дом Кустеннина Пастуха, и она устремилась к ним, слышав шум их прихода. У Кая был с собой кусок дерева, и, когда она хотела их обнять, он подсунул ей этот кусок, и

²⁴¹ Он упоминается в одной из триад, но не из-за своей красоты, а как могущественный чародей.

²⁴² Буквально: «за морской пищей» (morfwyd).

она сжала его с такой силой, что он раскололся. «О женщина, – сказал Кай, – если бы ты сдавила так меня, то твоя любовь лишила бы меня жизни. Поистине, это злая любовь».

Они вошли в дом и сели отдохнуть. Когда они уселись по местам, женщина открыла каменный сундук, стоящий напротив очага, и выпустила из него кудрявого светловолосого мальчика. Горхир спросил: «Зачем ты прятала его туда? Неужели кто-то может желать его смерти?» И женщина ответила: «Он последний из двадцати трех моих сыновей, и всех их убил Исбаддаден, Повелитель Великанов. И я не надеюсь, что мне удастся уберечь его». Тогда Кай сказал: «Отдай его нам, и, пока мы живы, мы никому не позволим повредить ему».

Они поужинали, и после женщина спросила: «Чего вы ищете здесь?» – «Мы пришли просить Олвен в жены этому юноше». Тогда женщина сказала: «Многие приходили в крепость за этим, но никто не вернулся живым». – «Бог свидетель, мы не уйдем, пока хотя бы не увидим эту деву, – сказал Кай. – Приходит ли она сюда так, чтобы можно было ее увидеть?» – «Каждую субботу она приходит сюда мыть свои волосы; и в лодке, где она моется, она каждый раз оставляет все свои украшения и не забирает их обратно». – «Когда она придет, можешь ли ты свести нас с ней?» – «Я не хочу погубить ни себя, ни ее. Но если вы поклянетесь, что не замышляете против нее зла, я позову ее к вам». – «Мы клянемся в этом», – сказали они, и она позвала деву.

И она пришла, одетая в платье из огненно-красного сатина, и на шее ее была гривна из красного золота с бесценными жемчугами и рубинами. Волосы ее были желтее цветов ракушечника, а кожа – белее морской пены, руки ее – прекраснее лилий, цветущих в лесу над гладью ручья. Ни глаз парящего ястреба, ни глаз завидевшего добычу сокола не блестели ярче, чем ее глаза. Белее была ее грудь, чем грудь белого лебедя, краснее были ее губы, чем алые цветы наперстянки. И всякий, кто видел ее, тут же в нее влюблялся. Там, где ступала она, расцветали маленькие белые цветы, потому ей и дали имя Олвен.²⁴³

Она вошла в дом и села на скамью рядом с Килохом, и он узнал ее, как только увидел. И он обратился к ней: «О дева, я люблю тебя! Какой грех будет в том, что ты бежишь со мною отсюда?» – «Не могу я этого сделать. Предсказано мне, что жизнь моего отца продлится лишь до тех пор, пока я не уйду от него с моим мужем. Потому он не отпустит меня. Но я дам тебе совет. Иди к отцу и проси у него моей руки. Обещай ему все, что он попросит, и ты добьешься меня. Если же ты откажешь ему в чем-нибудь, тебе меня не видать. А я не хочу твоей смерти». – «Я пообещаю все, о чем он попросит», – сказал он.

Она пошла назад в свои покои, а они поднялись, и вошли в крепость следом за ней, и убили девять привратников так, что никто из них не успел крикнуть, и девять псов так, что никто из них не залаял.

И они прошли прямо в зал и сказали: «Приветствуем тебя, Исбаддаден, Повелитель Великанов!» – «Что вам нужно?» – спросил он. «Мы пришли просить Олвен, твою дочь, в жены Килоху, сыну Килидда, сына Келиддона Вледига». – «Эй, бездельники-слуги! Подымите мне веки, чтобы мог я видеть своего зятя!»²⁴⁴ Так те и сделали. Посмотрев на них, он сказал: «Приходите завтра, и я отвечу вам».

Они встали и пошли к выходу; тогда Исбаддаден, Повелитель Великанов, пустил им вслед одно из трех отравленных каменных копий,²⁴⁵ которые он держал в руке, но Бедуир поймал его, и бросил назад, и поразил Исбаддадена в бедро. И он воскликнул: «Проклятый зять! Теперь я до конца дней своих буду хромать. Это отравленное железо жжется, как стая слепней. Будь проклят кузнец, что его ковал, и наковальня, на которой оно сковано!»

И эту ночь они провели в доме Кустеннина Пастуха. И наутро они поднялись, и пошли в крепость, и вошли в зал, и сказали: «Исбаддаден, Повелитель Великанов, отдай нам твою дочь и скади, какой выкуп.²⁴⁶ хочешь ты за нее себе и своему роду. Если же ты не отдашь ее, ты ум-

²⁴³ Olwen – белые следы (валл.).

²⁴⁴ Исбаддаден – типичный властитель подземного царства, напоминающий гоголевского Вия и скандинавских троллей.

²⁴⁵ В тексте эти копия называются каменными, но тут же они превращаются в железо. Это или обычная невнимательность редактора, или проявление колдовских способностей Повелителя Великанов.

²⁴⁶ Agweddi ac amobut, то есть части имущества жениха, причитавшиеся самой невесте и ее роду, а также правителю области, где она живет. Каждому из близких родственников полагалась своя доля.

решь». И он сказал им: «Еще живы четверо ее прадедов и четыре прабабки²⁴⁷ Я должен посоветоваться с ними». – «Что ж, – сказали они, – сделай это, пока мы обедаем».

И когда они выходили, он схватил второе копьё из тех, что были у него в руке, и пустил им вслед. И Мену, сын Тейргваэдда, поймал его, и бросил назад, и поразил его в середину груди так, что оно вышло из спины. «Проклятый зять! – воскликнул Исбаддаден. – Как стая оводов, жжет меня это железо. Будь проклят кузнец, что его ковал, и наковальня, на которой оно сковано! Теперь, как только я встану, почую боль в груди, и колики в желудке, и тошноту». Они же пошли обедать.

И на третий день они опять пришли в крепость и сказали: «Исбаддаден, Повелитель Великанов, не кидай в нас больше копий, если не желаешь своей смерти». – «Эй, слуги! Подымите мне веки, чтобы мог я видеть моего зятя!» Когда же они сделали это, Исбаддаден схватил третье отравленное копьё и пустил в них, но Килох поймал его и бросил назад, и оно поразило великана прямо в глаз так, что вышло из основания шеи. «Проклятый зять! – воскликнул он. – Теперь я до конца жизни останусь слепым. И голова моя будет болеть, и лунными ночами меня будут мучить видения. Будь проклята наковальня, на которой сковано это копьё! Оно кусается, как стая свирепых собак!» Они же отправились обедать.

На следующий день они вновь пришли к нему и сказали: «Перестань злоумышлять против нас, иначе умрешь злой смертью. Отдай нам свою дочь, или мы убьем тебя». – «Кому из вас нужна моя дочь?» – «Мне, Килоху, сыну Килидда». – «Подойди, чтобы я мог разглядеть тебя». И ему поставили сиденье, и они уселись лицом к лицу. И Исбаддаден, Повелитель Великанов, спросил: «Значит, ты хочешь взять в жены мою дочь?» – «Да, я этого хочу», – ответил Килох. «Тогда поклянись, что исполнишь все, что я попрошу тебя сделать, чтобы получить ее». – «Клянусь, что ты получишь все, что захочешь, – сказал Килох, – говори же».²⁴⁸

«Я скажу. Видишь ли ты тот большой холм? Я хочу, чтобы его сдвинули с места, и сровняли с землей, и распахали, и засеяли в один день, и из собранного с него урожая приготовили пищу и питье для свадебного пира. И все это нужно сделать за один день».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты и сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Никто не сможет вспахать эту землю, кроме Аметона, сына Дон,²⁴⁹ а он не придет сюда ни по доброй воле, ни по принуждению».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Сделать плуг для этой земли может только Гофаннон, сын Дон,²⁵⁰ а он не сделает этого ни для кого, кроме урожденного короля, и ты не заставишь его и не упросишь».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты и сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Только на двух быках Голулидда Гвинеу под одним ярмом можно распахать эту землю, а он не даст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Тебе придется запрячь в одно ярмо бурого и пестрого быков».²⁵¹ «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Ес-

²⁴⁷ Согласие «прабабок» в историческое время уже не требовалось; возможно, здесь отразилось эхо гораздо более древних обычаев, которые свойственны племени великанов, часто считавшихся предками людей.

²⁴⁸ Последующий ряд задач с повторяющейся формулой вопроса – ответа типичен и для мифа, и для более поздних форм фольклора, в том числе детских и игровых формул.

²⁴⁹ Аметон, сын Дон – брат Гвидиона (см. «Мат»), также искусный волшебник, сражавшийся в Битве деревьев против сил Аннуина. Нет ничего удивительного, что здесь ему приписаны функции пахаря (как и его брат Гвидион в одной из триад назван пастухом): это отражает их роль культурных героев – создателей соответственно земледелия и скотоводства.

²⁵⁰ Третий из сыновей Дон – кузнец Гофаннон, создатель ремесел. Вместе они образуют триаду, соответствующую ирландским Богам ремесла (Гойбниу, Лухта и Кредне).

²⁵¹ Эти быки, встречающиеся и в поэмах Галиесина, представляют собой двух борющихся первопредков, в борьбе которых (или из тела побежденного) образуется мир. Это лучше видно в сцене их сакральной битвы в ирландском

ли ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Один из этих быков пасется по одну сторону Минидд-Банног, а другой – по другую, и ни одного из них тебе не удастся перевести – ведь это Нинниау и Пейбиау,²⁵² которых Господь обратил в быков за их грехи».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Видишь ли ты красную вспаханную землю? В год, когда я впервые увидел мать этой девы, там было посеяно девять мер льна, и с тех пор не возшло ни одного побега. Я хочу, чтобы ты собрал этот лен и соткал из него рубашку, которую моя дочь наденет в день свадьбы».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Ты должен добыть мед²⁵³ в девятую крепче обычного, без воска и мертвых пчел, чтобы сделать из него напиток для свадебного пира».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Для этого напитка потребуется золотая чаша Ллуира, сына Ллуириона, поскольку ни один другой сосуд не выдержит его. А эту чашу он не отдаст тебе ни по доброй воле, ни по принуждению».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Мне нужен ларь, принадлежащий Гвиддно Гаранхиру.²⁵⁴ Во время праздника трижды девять людей находят в нем любую пищу, какую пожелают. Я хочу есть из этого ларя в ту ночь, когда ты разделишь ложе с моей дочерью. Он не отдаст тебе его ни по доброй воле, ни по принуждению».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. В ту ночь для меня должен трубить рог Голгауда Гододина,²⁵⁵ а его он не отдаст ни по доброй воле, ни по принуждению». «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Мне понадобится и арфа Тейрту,²⁵⁶ что играет и умолкает сама по себе. Ты не получишь ее ни по доброй воле, ни по принуждению».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Я хочу, чтобы птицы Рианнон, что оживляют мертвых и усыпляют живых, пели для меня в ту ночь».²⁵⁷ «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Потребуется котел²⁵⁸ Диурнаха Ирландца, который служит Одгару, сыну Аэдда, королю Ирландии».

цикле «Похищение быка из Куальнге».

²⁵² Короли Нинниау и Пейбиау упоминаются в генеалогиях как предки ряда королев и святых Уэльса. Об их преступлениях, за которые они были превращены в быков, ничего конкретного не известно. В одной из легенд с помощью этих быков легендарный прародитель бриттов Ху Кадарн (Могучий Пес) осушил воды потопа.

²⁵³ Bragod – здесь не «мед», а просто крепкое пиво («брага»).

²⁵⁴ Этот «ларь» (mwys) выступает как валлийский эквивалент волшебного котла изобилия, ассоциирующегося с Ирландией. Гвиддно Гаранхир несколько раз упоминается в триадах как король Приморской земли (Canfref у Gwaelod), огражденной от натиска моря плотиной. Однажды море прорвало плотину и затопило весь Уэльс, кроме гор Сноудонии, погубив шестнадцать больших городов (отголосок мифа о всемирном потопе, сопряженный с реальным затоплением земель в Кардиганском заливе). После этого Гвиддно вместе со своей семьей был вынужден зарабатывать на жизнь ловлей рыбы. По одной из легенд, после затопления своих владений Гвиддно Гаранхир превратился в цаплю (валл. gagan) и с тех пор жалобно стонет по ночам, оплакивая потерю. В Уэльсе до сих пор сохранилась поговорка: «Стонет, как Гвиддно, когда море залило его земли».

²⁵⁵ Гододин, или область вотатинов, находился в Лотиане (северо-восток Англии).

²⁵⁶ Эта арфа, широко известная в валлийском фольклоре, упоминается, как и ларь Гвиддно Гаранхира, среди тринадцати Сокровищ Острова Британии у Ненния и в триадах.

²⁵⁷ См. примеч. к «Бранвен».

²⁵⁸ Знаменитый ирландский «котел изобилия», принадлежащий, по традиции, богу Дагда.

дии, чтобы сварить еду для свадебного пира».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Перед свадьбой мне нужно вымыть волосы и сбрить бороду. Для этого понадобится клык Иггитирвина, вождя кабанов, а он отдаст его только вместе с головой».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Никто в мире не может снять с него голову, кроме Одгара, сына Аэдда, короля Ирландии».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Поднять этот клык может лишь Кадо, который правит шестьюдесятью областями Британии.²⁵⁹ Он же не покинет своих владений ни по доброй воле, ни по принуждению». «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Мне нужно будет размягчить мои волосы, а это можно сделать, только смочив их кровью ведьмы Ордду, дочери Орвенн, из Пеннант-Гофуд, что находится у пределов Аннуина».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Эта кровь нужна мне только горячей. Во всем мире нет сосуда, в котором жидкость оставалась бы горячей, кроме кувшина Гвиддолвина Горра, который он не отдаст тебе ни по доброй воле, ни по принуждению».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Потребуется мне и молоко, но хранить его можно лишь в горшках Риннона Рина, в которых молоко никогда не прокисает. Он же не отдаст их никому ни по доброй воле, ни по принуждению».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. В целом мире нет гребня и ножниц, что могли бы справиться с моими жесткими волосами, кроме тех, что спрятаны между глаз Турха Труйта, сына Тарета Вледига, Великого кабана.²⁶⁰ Он не отдаст их тебе ни по доброй воле, ни по принуждению». «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Загнать его может только Друдвин, щенок Грейта, сына Эри». «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. В целом мире нет собаки, способной загнать его, кроме пса Корса Канта Эвина».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Ни один ошейник не может удержать этих собак, кроме ошейника Канастира Канллау».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Вести этих собак можно лишь на поводке Килидда Канастира». «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Лишь один охотник в мире может охотиться с этими собаками – Мабон, сын Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения, и с тех пор никто не знает, где он и жив он или мертв».²⁶¹

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

---

²⁵⁹ Здесь Кадо, вероятно, искаженная форма имени Кау.

²⁶⁰ Образ кабана-тотема восходит к очень глубокой древности. Известно, что многие кельтские племена почитали кабана; его изображение встречается на монетах. В данной повести он выступает как невероятно могучее, мудрое и злобное животное, олицетворяющее слепые силы природы. Король Артур в данном контексте воплощает героя-демиурга, сразившего чудовище и творящего мир из его тела. Однако о гибели Турха Труйта не говорится; по-видимому, его считали бессмертным. Имя его означает просто «кабан бегущий». Он упоминается в «Истории бриттов» Ненния под именем Тгоунт и в поэме барда VI в. Анейрина «Прославление Кинфелина». В последней под этим именем выступает чудовищный конь-скелет с птичьим клювом.

²⁶¹ Этот таинственный герой известен только по своему заточению; в триаде № 52 он фигурирует как один из Трех высокородных узников Острова Британии. Его называют то «сын Модрон» (очевидно, это его мать), то «сын Меллта». Некоторые ученые связывают его с ирландским Маком Огом, сыном бога Дагда, или с Манавиданом, сыном Ллира.

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Под Мабоном во время охоты на Турха Труйта должен скакать Гвин Миндон, конь Гведдо, легкий, как волна. А Гведдо не отдаст тебе его ни по доброй воле, ни по принуждению». «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Тебе никогда не найти Мабона без помощи Эйдоэла, сына Аэра, его ближайшего родича; нужно, чтобы он сопровождал тебя». «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не сможешь сделать. Гарселит Ирландец – лучший в Ирландии охотник, и без него тебе не удастся загнать Турха Труйта. А он не придет к тебе ни по доброй воле, ни по принуждению».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Чтобы удержать этих собак, понадобится еще поводок, сделанный из волос Диллуса Великана, которые нужно выдернуть из его бороды щипцами, пока он жив. Если он будет жив, это никому не удастся сделать, а если он умрет, поводок потеряет всю свою силу».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Нет в мире псаря, что управился бы с этими собаками, кроме Кинедира Уиллта, сына Хеттона Прокаженного, который вдвятеро более дик, чем самый дикий зверь в горах. Ты не сможешь поймать его и не получишь мою дочь».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта не удастся загнать без помощи Гвина, сына Нудда, которого Господь поставил стеречь демонов Аннуина, чтобы они не уничтожили мир. Тебе не удастся вызволить его из преисподней».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Нет в мире коня, что мог бы скакать под Гвином на этой охоте, кроме Дду, коня Моро Эрфеддаука».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта нельзя загнать, пока в охоте не примет участия Гиленнин, король франков. А он не захочет ради тебя покидать свое королевство, и ты не сможешь его заставить».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта нельзя загнать без помощи сына Алуна Дифеда, который должен спустить собак с поводка».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта нельзя загнать, не позвав Анеда и Атлема, легких, словно ветер. Нет зверя, которого они не смогли бы догнать».²⁶²

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Артур со своими воинами один может одолеть Турха Труйта. Но он правит королевством и не покинет его ради тебя, к тому же он послушен моей воле».

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта нельзя загнать без помощи Болха, Кифолха и Сифолха, сыновей Килидда Кифолха, внуков Кледдифа Дифолха. Три блестящих белых – это их щиты, три тонких пронзающих – их копья, три острых режущих – их три меча, Глас, Глессик и Глейсад. Три их пса – Калл, Куалл и Кафалл; три их коня – Хуирдидог, Дрогдидог и Ллоирдидог; три их жены – Ох, Гарим и Диаспад; три их сына – Ллухед, Нефед и Эйссивед; трое их слуг – Дрог, Гвайт и Гваэтаф Олл; три их служанки могут издать такой вопль, что небо упадет на землю».²⁶³

²⁶² Анед и Атлем – типичная для индоевропейской мифологии пара всадников-близнецов (Диоскуры-Ашвины), олицетворяющих собой ветер.

²⁶³ Повторяется почти дословно, кроме последних фраз, отрывок из предыдущего перечисления. Вероятно, это ошибка переписчиков.

Эти трое кажутся божествами войны или смерти (ср. три ирландских богини войны); имена их жен означают «Увы» (Och), «Плач» (Garim) и «Крик» (Diaspad), имена слуг – «Плохой» (Drwg), «Худший» (Gwaeth) и «Самый худший» (Gwaethaf Oll).

«Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным».

«Если ты сделаешь это, есть то, чего ты не можешь сделать. Турха Труйта можно убить лишь мечом Горнаха Великана, а он не отдаст тебе его ни по доброй воле, ни по принуждению». «Я с легкостью сделаю это, хоть это и кажется трудным». «(...)»²⁶⁴ Ибо ты ослабнешь без сна и отдыха, и не выполнишь этого, и не получишь мою дочь».

«Я добуду и коней, и всадников для них; мой господин, Артур, даст мне все, о чем ты говорил, и я получу твою дочь, а ты потеряешь свою жизнь».

«Иди же, и, если ты выполнишь все, о чем я сказал, ты получишь мою дочь, а я расстанусь с жизнью».

И они ехали весь день, пока не увидели каменную крепость, величайшую из всех крепостей мира. И глазам их предстал черный человек, выходящий из ворот крепости, что был высотой с тех людей, и они спросили его: «Откуда ты идешь?» – «Из крепости, что вы видите», – отвечал он. «А кто же ею владеет?» – «Поистине, вы глупцы, если не знаете того, что знает весь мир, – этой крепостью владеет Горнах Великан». – «А как обращаются в этой крепости с гостями и проезжими путниками?» – спросили они. «Храни вас Бог, господа! Ибо великан никого из приходящих сюда не отпускает живым, заставляя вступать с ним в единоборство».

Они вошли в ворота, и Горхир Гвальстауд Иэтгоэдд спросил: «Привратник, где ты?» – «Я здесь, и зачем ты, не умеющий молчать, тревожишь меня?» – «Открой нам ворота». – «Я не открою их». – «Почему же ты не хочешь открыть их?» – «Нож уже в мясе, и напиток в роге, и начинается пир во дворце Горнаха Великана. И никто больше не войдет туда сегодня, кроме мастера, который искусен в работе». Тогда Кай сказал: «О привратник, я и есть такой мастер». – «И что ты умеешь делать?» – «Я лучше всех в мире делаю мечи». – «Я пойду и скажу об этом Горнаху Великану, а потом вернусь с его ответом».

Привратник вошел в зал, и Горнах Великан спросил его: «Что нового у ворот?» – «Там люди, которые хотят войти». – «Ты спросил их, что они умеют делать?» – «Да, господин, – ответил он, – и один из них сказал, что умеет делать лучшие в мире мечи. Нужен ли он тебе?» – «Долго я искал того, кто почистил бы мой меч, и не мог найти. Что ж, зови его сюда».

Привратник пошел и отворил ворота, и Кай вошел в зал и приветствовал Горнаха Великана. Ему поставили сиденье, и Горнах спросил его: «Правду ли мне сказали, что ты умеешь делать мечи?» – «Да, я умею делать это лучше всех в мире», – ответил Кай.

Тогда ему принесли меч Горнаха. Кай достал из-за пазухи точильный камень, почистил им половину лезвия и показал Горнаху. «Нравится ли тебе моя работа?» – «Поистине, она сделана лучше, чем я когда-либо видел. Жаль, что у тебя нет спутников». – «О господин, есть у меня один спутник, хотя он и не владеет этим искусством». – «А что он умеет?» – «Вели своему привратнику впустить его, и я покажу, на что он способен», – сказал Кай. И дверь открылась, и вошел Бедуир, и Кай сказал: «Вот Бедуир, доблестный муж, хоть он и не умеет делать мечи».

Между теми же, кто остался снаружи, когда Кай с Бедуиром вошли внутрь, возник спор. И юноша, последний сын Кустеннина Пастуха, с немногими спутниками захотел проникнуть во дворец и убить всех, кто там находился, и они вошли внутрь и прошли три зала. И его спутники сказали: «Поистине, ты лучший из мужей». С тех пор его стали звать Гореу, сын Кустеннина.²⁶⁵

А Кай, закончив чистку меча, показал его Горнаху Великану, чтобы узнать, доволен ли он работой. И великан сказал: «Работа хорошая, я доволен». Тогда Кай сказал: «Твой меч ржавеет от ножен. Отдай их мне, я сделаю тебе новые». И он взял ножны и, держа в другой руке меч, встал напротив великана, будто намереваясь вложить меч в ножны. И он ударил великана мечом по голове и отрубил ее. Тогда они разграбили крепость и взяли все, что хотели, из ее богатств и припасов.

И ровно через год после своего отбытия они вернулись ко двору Артура с мечом Горнаха Великана и рассказали Артуру обо всем, что с ними случилось.

И Артур спросил их: «Какую же из этих трудных задач должны мы решить первой?» – «Было бы лучше, – сказали они, – сперва отыскать Мабона, сына Модрон, найдя перед этим Эйдозла, сына Аэра». И Артур со всем воинством Острова Британии отправился на поиски Эйдозла и встал

²⁶⁴ Фрагмент текста утрачен.

²⁶⁵ Gogeu (совр. валл. gogau) – «лучший».

лагерем перед Каэр-Глинн, где тот был заточен. Глинн поднялся на вершину башни и спросил: «Артур, чего ты хочешь за то, чтобы оставить меня в покое? Нет у меня никакого добра, ни пшена, ни овса, и незачем тебе причинять мне зло». – «Я не причиню тебе зла, – отвечал Артур, – только выдай мне своего пленника». – «Я отдам его тебе, и вместе с ним ты получишь мою верность и признательность».

Тогда люди сказали Артуру: «Господин, возвращайся домой, ибо не к лицу тебе искать такую малость». И Артур сказал: «Горхир Гвальстауд Иэтоэдд, отправляйся на поиски. Ты ведь знаешь все языки и понимаешь, о чем говорят птицы и звери. И пусть твой родич Эйдоэл вместе с Каем и Бедуиром помогают тебе в этих поисках. Идите же и найдите Мабона, где бы он ни был».

И они пошли прямо к Дрозду из Килгори.²⁶⁶ И Горхир спросил его: «Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?» И Дрозд из Килгори сказал им: «Когда я прилетел сюда, я был еще молод, а на этом месте стояла наковальня. Она была заброшена, и лишь я каждый вечер точил о нее свой клюв. Теперь эта наковальня совсем сточилась, но будь я проклят, если за все эти годы я хоть что-нибудь слышал о том, кого вы ищете. Но я сделаю что смогу для посланцев славного Артура. Есть ведь твари, которых Господь создал задолго до меня, и я отведу вас к ним».

И они пошли к месту, где пребывал Олень из Рединфре, и Горхир сказал ему: «О Олень из Рединфре, мы, посланцы Артура, пришли к тебе, ибо не знаем животного старше тебя. Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?» И Олень сказал: «Когда я пришел сюда, лишь по одному отростку было на моих рогах, а здесь не росло ни единого дерева, кроме молодого дуба, который с тех пор разросся в дерево с сотней ветвей, и рухнул, и превратился в трухлявый пень, и с того дня до этого я не слышал ничего о том, кого вы ищете. Но я сделаю что смогу для посланцев славного Артура. Есть тварь, созданная Господом задолго до меня, и я отведу вас к ней».

И они пошли к месту, где жила Сова из Кум-Каулойд. «О Сова из Кум-Каулойд, мы посланцы Артура. Скажи, знаешь ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?» – «Если бы я знала, я сказала бы вам. Когда я появилась здесь, поле, что вы видите, было лесистой долиной, и люди пришли и вырубili лес. Потом здесь вырос другой лес и за ним третий; и за это время мои крылья иссохли, и я не могу больше летать. Ни разу с тех пор я не слышала о том, кого вы ищете. Но я сделаю что могу для посланцев славного Артура. Я отведу вас к самой древней из тварей этого мира, к Орлу из Гверн-Абуи».

И Горхир сказал: «О Орел из Гверн-Абуи, мы, посланцы Артура, пришли к тебе спросить, слышал ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?» Орел ответил: «Давно я прилетел сюда; и когда это случилось, здесь лежал большой камень, о который я каждый вечер точил когти. Теперь этот камень сточен до основания, и за все это время я не слышал о том, кого вы ищете. Но однажды я летал на поиски добычи в Ллин-Ллиу и там схватил лосося, думая насытиться им надолго. Но он потащил меня вглубь, и мне едва удалось вырваться и взлететь. Тогда я со всем своим родом прилетел туда, чтобы отомстить, и он пришел ко мне, чтобы заключить мир, и в спине его я насчитал пятьдесят торчащих острог. Если он ничего не знает о том, кого вы ищете, то этого не знает никто на свете. Я же могу только отвести вас туда, где он живет».

И они пошли туда, и Орел сказал: «О Лосось из Ллин-Ллиу, я пришел к тебе с посланцами Артура, чтобы спросить, слышал ли ты что-нибудь о Мабоне, сыне Модрон, которого забрали у матери на третий день после рождения?» И лосось ответил: «То, что я знаю, я скажу вам. С каждым разливом я поднимаюсь по реке до стен Каэр-Лои, и в этом месте я вижу много зла и страданий. Если двое из вас сядут мне на спину, я смогу доставить вас туда».

И Кай с Горхиром уселись на спину лосося и доплыли на нем до высокой стены, за которой раздавались вздохи и стоны. Горхир спросил: «Кто же стонет в этом каменном обиталище?» – «Увы, это тот, у кого хватает причин стонать. Мабон, сын Модрон, заключен здесь, и никто в заключении не страдал больше его, даже Ллудд Серебряной Руки и Грейт, сын Эри». – «А можно ли

²⁶⁶ Обращение за помощью к «старейшим животным» – распространенный сюжет фольклора (см. русские сказки или созданный на их основе «Конек-горбунок» П. Ершова). В триаде № 92 среди старейших животных Острова Британии упоминаются дрозд из Келли-Гадарн, сова из Кум-Каулойд и орел из Гверн-Абуи. Их упоминает и Давид ап Гвиллим в одном из своих стихотворений.

проникнуть туда с помощью золота и серебра или других благ этого мира или с помощью силы?» – «Единственный способ туда проникнуть – это при помощи силы».

И они вернулись обратно, и прибыли в место, где находился Артур, и рассказали ему о месте нахождения Мабона, сына Модрон. Тогда Артур собрал войско Острова Британии и повел его в Каэр-Лои, где был заточен Мабон. Кай же с Бедуиром поплыли туда на спине лосося. Пока воины Артура осаждали крепость, Кай перебрался через стену и вынес Мабона из темницы на руках. И Артур вернулся домой, и с ним был освобожденный Мабон.

И Артур спросил: «Какую же из этих трудных задач должны мы решить теперь?» – «Теперь нам нужно отыскать двух щенят суки Рими». – «Где же они?» – спросил Артур. «Они в Абер-Деу-Кледдиф».

И Артур пришел в дом Трингада в Абер-Кледдиф и спросил его: «Что знаешь ты о суке Рими?» – «Она видом похожа на волчицу, – сказал тот, – и живет со своими двумя щенками недалеко отсюда, в пещере. Она часто ворует мой скот». Тогда Артур отправил часть своих людей по морю на корабле Придвен, а прочих по суше, чтобы изловить суку, и они обложили ее со щенятами в их логове, и вернули им изначальный вид, и привели к Артуру.

И в один из дней Гуитир, сын Грейдаула, шел через лес и вдруг услышал жалобы и стоны. Он бросился на помощь, обнажив меч, и увидел у самой земли муравейник, охваченный огнем, и погасил огонь, и муравьи сказали ему: «Да будет с тобой милость Божия, мы же сделаем для тебя то, что не может сделать человек». И они собрали с поля, которое показал Килоху Исбаддаден, девять мер льна целиком, кроме одного семени, но до наступления темноты хромой муравей успел принести и это семя.

И вот, когда Кай с Бедуиром сидели на холме Панлуммон в Карн-Гвилатир, они увидели к югу большой дым, поднимающийся против ветра. И Кай сказал: «Поистине, могучий муж разжег там огонь». Они пошли туда и уже издалека увидели, что это был Диллус Великан, который жарил кабанью тушу. А он был очень воинственным и единственным, кто боялся Артура. И Бедуир спросил Кая: «Знаешь ли ты его?» – «Да, я знаю его – ответил Кай, – это Диллус Великан. Нет поводка, способного сдерживать Друдвина, щенка Грейта, сына Эри, кроме поводка, свитого из бороды этого человека. И волосы нужно выдернуть из бороды щипцами, пока он жив, иначе они потеряют всю свою силу». – «И как же нам сделать это?» – спросил Бедуир. «Подождем, пока он съест все мясо и уснет». И когда он уснул, они подошли к нему со щипцами наготове. И Кай вырыл рядом с ним глубочайшую яму, и столкнул его туда, и засыпал землей так, что они смогли быстро выщипать ему бороду. После этого они убили его.

И они прибыли в Гэлливик в Корнуолле с поводком, свитым из бороды Диллуса Великана, и Кай отдал его Артуру. По этому поводу Артур сложил такой энглин:

*«Кай обманом добыл поводок,
одолея во сне великана,
а сразиться честно не смог».*

За это Кай так обиделся, что стоило большого труда помирить его с Артуром. И с тех пор ни беды Артура, ни гибель его людей не могли побудить Кая прийти к нему на помощь.

И Артур спросил: «Какую же из этих трудных задач должны мы решить теперь?» – «Теперь нам нужно отыскать Друдвина, щенка Грейта, сына Эри». А незадолго до этого Крейддилад, дочь Ллудда Серебряной Руки, стала невестой Гуитира, сына Грейдаула, но не успел он жениться на ней, как Гвин, сын Нудда, похитил ее силой. Гуитир собрал войско и отправился биться с Гвином, сыном Нудда, и Гвин одолел его и пленил Грейда, сына Эри, и Глиннеу, сына Тарана, и Горгоста Ледлома, и Дифнарта, его сына. И он пленил также Пенна, сына Нетауга, и Нейтона, и Килледира Уиллта, его сына. И он убил Нейтона, и вырвал у него сердце, и заставил Килледира съесть сердце собственного отца. И по этой причине Килледири лишился рассудка.

И Артур, узнав обо всем этом, отправился на север и велел Гвину, сыну Нудда, предстать перед ним, и он освободил всех, кто был у него в плену, и заключил мир между Гвином, сыном Нудда, и Гуитиром, сыном Грейдаула. По их соглашению девушка вернулась в дом отца, не доставшись никому, и Гвин с Гуитиром должны были биться за нее каждые январские календы до самого Судного дня; тот же из них, кто одолеет в Судный день, получит эту девушку в жены. Освободив этих пленников, Артур получил Миндона, коня Гведдо, и пса Корса Канта Эвина.

После этого Артур направился в Ллидау, взяв с собой Мабона, сына Меллта, и Гориваллта Эурина, чтобы отыскать двух псов Глитмира Бретонца. И, найдя их, Артур отправился на запад Ирландии на поиски Горги Севери вместе с Одгаром, сыном Аэдда, королем Ирландии. Оттуда же он отправился на север и пленил там Кинедира Уиллта.

И он поехал охотиться на Исгитирвина, Вождя Кабанов, и с ним был Мабон, сын Меллта, с двумя псами Глитмира Бретонца и с Друдвином, щенком Грейда, сына Эри. Сам же Артур вывел на охоту своего пса Кавалла. И первым догнал кабана Кау Британский на Лламреи, кобыле Артура.²⁶⁷ Он взял большой топор и, бесстрашно подскакав к кабану, сразил его двумя ударами. И Кау вырезал у него клык. Загнали же его не собаки, о которых говорил Килоху Исбаддаден, а собственный пес Артура Кафалл.

И, убив Исгитирвина, Вождя Кабанов, Артур и его спутники отправились в Гэлливик в Корнуолле. Там он послал Мену, сына Тейргваэдда, узнать, действительно ли между глаз Турха Труйта спрятаны вещи, о которых говорил великан, поскольку если их нет, то охота на него бесполезна. Но вещи оказались на месте, а сам Турх Труйт только что закончил опустошать третью часть Ирландии. Мену отыскал его в Эсгайр-Эрфел, что в Ирландии, и превратился в птицу, и слетел к нему на спину, и попытался выклевать спрятанные вещи, но смог выдернуть только одну щетинку. Кабан вскочил и стал отряхиваться, и яд его попал на Мену, который с тех пор постоянно болел.

После этого Артур отправил послание Одгару, сыну Аэдда, королю Ирландии, прося у него котел Диурнаха, его наместника. Одгар попросил у Диурнаха его котел, но тот сказал: «Видит Бог, любой, узнавший пользу этого котла, отказался бы отдать его». И посланцы Артура вернулись из Ирландии ни с чем.

Тогда Артур сел на свой корабль Придвен с малым числом спутников, и прибыл в Ирландию, и вошел в дом Диурнаха. И когда они поели и попили, Артур потребовал у него котел. Диурнах сказал: «Если я и отдам его кому-нибудь, то только по просьбе Одгара, короля Ирландии». Услышав отказ, Бедуир встал, и взял котел, и взвалил его на спину Хигвидда, слуги Артура, который был братом по матери Какимри, другого слуги Артура, и обязанностью его было носить котел Артура и чистить его. А Лленлеауг Ирландец схватил меч Каледфолх, взмахнул им и убил Диурнаха и многих его людей. Воины Ирландии пытались завязать бой, но Артур и его спутники убили их всех и сели на корабль, унося с собой котел, полный ирландского золота. И они пристали к берегу в Порт-Керддин в Дифеде²⁶⁸ близ дома Ллойдеу, сына Килкоэда.

И Артур созвал всех, кто мог носить оружие, с трех островов Британии и трех прилегающих островов, и из Бретани, и из Нормандии, и из Летней страны,²⁶⁹ и всех пеших копейщиков и конных воинов. И с ними он отправился в Ирландию, и там поднялась великая смута.

Когда Артур высадился на берег, ирландские святые явились к нему искать покровительства. Он одарил их своими милостями, и они благословили его. И люди Ирландии пришли к Артуру и принесли ему дары. Артур же отправился в Эсгайр-Эрфел, где находился Турх Труйт вместе с семьей молодыми свиньями. Впереди себя он пустил собак, и они подняли Турха Труйта, и в этот день с ним сражались ирландцы, и он опустошил пятую часть Ирландии. На другой день с ним сражались воины Артура и не смогли его одолеть. На третий день с ним сражался сам Артур, и бился девять дней и девять ночей, и смог убить только самую маленькую свинью. Его люди спросили, что это за свинья, и Артур ответил: «Это король, которого Господь превратил в свинью за его грехи». И Артур послал Горхира Гвальстауда Иэтоэдда на переговоры. Горхир обернулся птицей, и прилетел в логово кабана, и сказал ему: «Именем Сущего,²⁷⁰ кто придал тебе этот облик, если ты можешь говорить, иди и поговори с Артуром». Ему ответил Гругин Серебряная Щетина, у которого щетина была словно серебристые крылья, и, когда он шел через лес и открытое поле, во-

²⁶⁷ Кобыла Артура Лламреи (что значит «скачущая») упоминается у Талиесина, а также в цикле «Триады о лошадях» («Триоedd у Meirch»).

²⁶⁸ Порт-Керддин, видимо, располагался на побережье Пемброкшира, где сохранился топоним Трелетин (т. е. «Дом Ллойдеу», Tŷe Lwydden).

²⁶⁹ Из Летней страны (Gwlad yr Haf), по данным триад, Ху Кадарн привел племя бриттов в Британию.

²⁷⁰ Gwŷ – собственно «муж», но в данном контексте обозначает эпитет Бога и переводится нами как «Сущий».

круг него разливалось сияние. Вот что он ответил: «Мы не станем говорить с Артуром именем Сущего, ибо Он сотворил против нас зло, превратил нас в свиней, а Артур сейчас сражается с нами». – «Артуру нужны только гребень, ножницы и бритва, что спрятаны меж глаз Турха Труйта». Гругин сказал: «Он лишится жизни прежде, чем получит эти вещи. И следующим утром мы покинем эти места, и придем в земли Артура, и разорим их, как только сможем²⁷¹».

И они вплавь направились к Уэльсу. Артур же, со всеми своими людьми, и с лошадьми, и с собаками взошел на борт Придвена. Турх Труйт вышел на берег у Порт-Клейс в Дифеде,²⁷² а Артур провел ночь в Минуу, и утром вышел навстречу свиньям, и застал их избивающими скот у Кинвас-Корр. До этого же они убили все, что было живого в Деу-Кледдиф. Увидев Артура, Турх Труйт побежал к Пресселеу, а Артур с войском двинулся следом. Артур разместил своих людей для охоты – Эли и Трахмира со щенком Гвейда, сына Эри, и Гвартегида, сына Кау, с двумя псами Глитмира Бретонца и Бедуира с Кафаллом, псом Артура. И он расставил воинов по обе стороны Нифера, и туда пришли к нему три сына Кледдифа Дифолха, что стяжали славу, загнав Иститирвина, Вождя Кабанов.²⁷³ И Турх Труйт вышел из Глинн-Нифер и пришел в Кум-Кервин. Там он убил четверых воинов Артура – Гвартегида, сына Кау, и Тарауга из Аллт-Клуйда, и Рейдина, сына Эли Атфера, и Искофана Хэла. И, убив их, он снова вернулся к устью и там убил Гуидре, сына Артура, и Гарселита Ирландца, и Глеу, сына Искауда, и Искавина, сына Панона, и сам он был ранен. Утром следующего дня они снова настигли его, и он убил Хуандау, Гогигура и Пеннпингона, трех помощников Глеулвида Гафаэлфаура, и у него не осталось подручных, кроме Ллаэскенима, от которого не было никакого проку. Там же пали и многие другие, в том числе Голиддин, старший плотник Артура. И Артур настиг Турха Труйта у Пелумиага, где тот убил Мадауга, сына Тейтиона, и Гвина, сына Трингада, сына Нефеда, и Эйриона Пеннлорана. После этого он побежал к Абер-Тиви и убил там Кинласа, сына Кинана, и Гиленнина, короля франков. Потом он побежал к Глинн-Исту, и люди с собаками потеряли его след.

Тогда Артур призвал Гвина, сына Нудда, и спросил, знает ли он что-нибудь про Турха Труйта, и тот сказал, что не знает. Тут охотники обложили свиней в Диффрин-Ллихор, и Гругин Серебряная Щетина с Ллидаугом Гофинниадом кинулись на охотников и убили их всех, кроме одного. В это время Артур и его воины приблизились к месту, где были Гругин и Ллидауг, и спустили на них собак. И, услышав это, сам Турх Труйт прибежал к ним на помощь, и люди с собаками бросились на него, и он отступил к Минидд-Манау, где была убита Бано, одна из его свиней. И там жизнью уплатили за жизнь, ибо убили также Турха Ллавина и еще одну свинью по имени Гуис. Оттуда он пробежал к Диффрин-Аману, где пали Бано и Беннвиг. И из всех свиней, кроме него, остались в живых лишь Гругин Серебряная Щетина и Ллидауг Гофинниад. И они побежали в Ллох-Эвин, и Артур настиг их там. И в том месте они убили Эхела Фордуидтолла, и Гарвили, сына Гвидауг Гвира, и еще многих людей и собак. И оттуда они побежали в Ллох-Тиви, где Гругин Серебряная Щетина отделился от них и двинулся в Динтиви, а оттуда в Кередигион, и его преследовали Эли и Трахмир с множеством воинов. И он дошел до Гарт-Грегин и там был убит. Ллидауг же кинулся на них и убил Рудфиу Риса и еще многих. И после он побежал в Истрад-Иу, где его встретили люди Бретани. И там он убил Хира Пейссауга, короля Бретани, и Ллигадрудда Эмиса, и Гарбото, дядей Артура, братьев его матери. И там он был убит сам. Турх Труйт же бежал между Тиви и Эвиасом, а Артур поднял против него Корнуолл и Девон до самого Северна. И Артур сказал воинам: «Турх Труйт убил уже множество людей, и я, покуда жив, не пущу его в Корнуолл. Я готов отдать свою жизнь в обмен на его». И они решили отправить отряд всадников с собаками в Эвиас, чтобы отогнать его к Северну. Там же была устроена засада храбрейших воинов, поджидавших его. И туда же отправился Мабон, сын Модрон, верхом на Гвине Миндоне, коне Гведдо, и Гореу, сын Кустеннина, и Мену, сын Тейргваэдда, и они встали между

²⁷¹ Последующий перечень мест, через которые проходит Турх Труйт, – несомненный остаток сакрального наименования частей мира (страны).

²⁷² Порт-Клейс – гавань в устье реки Алун в Пемброкшире. Маршрут Турха Труйта в повести пролегает через Минуу (Сент-Дэвиде), горы Пресселеу, Абер-Тиви (Кардиган), Лугор (Диффрин-Ллихор), затем по всему Южному Уэльсу к реке Северн (Сабрина), где между двух скал ему была устроена ловушка. После этого Турх Труйт пересекает Северн и направляется в Корнуолл.

²⁷³ Ошибка. По тексту они не принимали участия в убийстве Иститирвина.

Ллин-Лливан и Абергви. И навстречу ему вышел Артур со своими воинами, среди которых были Осла Длинного Ножа, и Манавидан, сын Ллира, и Какимри, слуга Артура, и Гвингелли. И они схватили его за ноги и столкнули в Северн. И на одном берегу Мабон, сын Модрон, пришпорил коня и выхватил у него бритву, а на другом берегу Киледир Уиллт нагнулся и выхватил ножницы. Но прежде, чем они успели забрать у него и гребень, он нащупал ногами дно, а если он стоял на земле, ни человек, ни конь, ни пес не могли с ним совладать. И хотя он причинил уже много бед, еще больше испытали они, спасая тех двоих, кого он чуть не утопил. Когда Какимри свалился в воду, его едва вытащили за два жернова, что он носил на спине, а Ослу Длинного Ножа вытащили за ножны, сам же нож он утопил.

После этого Артур и его воины кинулись вслед за кабаном в Корнуолл и перенесли еще много бедствий, пытаясь задержать его и отнять гребень. Наконец гребень был отобран у него, и его прогнали из Корнуолла и загнали в море. С тех пор о нем никто не слышал, и Анед с Атлемом пропали вместе с ним. И тогда Артур прибыл в Гэлливик в Корнуолле, чтобы омыться и отдохнуть.

И спросил Артур: «Все ли из этих трудных задач мы решили?» Один из его людей сказал: «Нам осталось добыть кровь ведьмы Ордду, дочери Орвенн, что живет в Пенаннт-Гофуд, у пределов Аннуина».

Артур отправился на север, и пришел в место, называемое Ведьмина пещера, и, по совету Гвина, сына Нудда, и Гуитира, сына Грейдаула, послал туда Какимри и его брата Хигвидда. Они вошли в пещеру, и ведьма набросилась на них, схватила Хигвидда за волосы и ударила оземь. Тогда Какимри схватил за волосы ее самое. Но она вырвалась, и избила их обоих, и отняла у них оружие, и вытолкала из пещеры, пиная их и царапая. И Артур разгневался, увидев такое унижение своих слуг, и захотел сам войти в пещеру. Но Гвин и Гуитир сказали ему: «Не к лицу тебе, господин, сражаться с этой ведьмой. Пошли против нее Хира Амрена и Хира Эйдила». И они пошли, но если первым двоим пришлось худо, то этим еще хуже, так что все четверо не могли идти обратно, а ехали на спине Лламреи, кобылы Артура. Тогда Артур бросился в пещеру и ударил ведьму кинжалом с такой силой, что хлынувшая из нее кровь заполнила два ведра. И Кау Британский взял эти ведра и понес их.

И после этого Килох, и Гореу, сын Кустеннина, и все те, кто желал смерти Исбаддадена, Повелителя Великанов, пошли к нему со всеми чудесными вещами, и Кау Британский сбрил ему бороду вместе с кожей и мясом и выколол оба его глаза.²⁷⁴ И спросил Килох: «Хорошо ли ты выбрит?» – «Хорошо». – ответил тот. «Теперь ты отдашь мне свою дочь?» – «Бери ее, – сказал тот, – и благодари не меня, а Артура, который сделал это для тебя. По своей воле я ни за что бы не отдал ее тебе. Теперь же пришло мне время расстаться с жизнью».

И Гореу, сын Кустеннина, схватил его за волосы, и отрезал голову, и насадил ее на кол от изгороди. И он завладел крепостью и всеми землями, и в ту же ночь Килох взял Олвен в жены, и она оставалась его единственной женой, пока он был жив. А воины Артура разошлись, каждый в свою страну.

Так Килох получил Олвен, дочь Исбаддадена, Повелителя Великанов.

Видение Ронабви²⁷⁵

²⁷⁴ Лишение бороды или волос часто связывается в мифологии с утратой волшебной силы; понятно, что после этого спутники Килоха легко смогли одолеть великана.

²⁷⁵ *Breudwyd Ronabwy*

История о видении Ронабви, продолжающая в сборнике артуровскую тему, сохранилась лишь в составе КК. Ее редакция относится к концу XII в., что доказывается упоминанием как исторического лица (Мадога ап Маредудда), так и исторических реалий того времени. Здесь впервые сказочное прошлое уступает место неприглядному настоящему, изображенному в нарочито грубых, сатирических красках. Ему противопоставляется предстающее в видении славное время Артура, окрашенное уже в сугубо идеальные тона. Сюжет статичен; перед нами, вместе с зачарованным и напуганным героем, просто разворачивается величественная картина могущества Артура.

Эта небольшая повесть тоже по-своему этапна; но если «Килох» ознаменовал собой переход от мифа к литературе, то в «Ронабви» мы наблюдаем переход от местной, глубоко своеобразной, традиции к той «артуриане», что уже в то время завоевывала Европу. С одной стороны, весь строй, образы и язык повести проникнуты франко-нормандскими влияниями, а Артур в ней уже не кельтский племенной вождь, а феодальный сеньор. С другой стороны, история и ее колорит остаются валлийскими по духу, и рыцари Артура здесь еще очень далеки от куртуазных героев Мэлори и Кретьена де Труа.

Мадог, сын Маредудда,²⁷⁶ владел всем Поуисом²⁷⁷ от Порфордда до Гвауана в горах Арвистли. И был у него брат, Иорверт, сын Маредудда, чье положение было не таким высоким; и он сильно печалился и завидовал, видя почет, доставшийся на долю его брата. И он созвал на совет своих родичей и приятелей, и они решили добиваться для него власти.

Тогда Мадог предложил ему половину своего войска²⁷⁸ и коней, и оружия, и половину своих владений. Но Иорверт отказался и стал со своими людьми совершать набеги на Англию, избивая людей, сжигая дома и увозя пленных.

По этой причине Мадог созвал людей Поуиса и спросил у них совета. И решили они набрать по сотне людей от трех частей Поуиса от Абер-Кейриог до Алликтон-Фер, и от Рид Вилур до Вирно.²⁷⁹ Это была лучшая и самая населенная часть Поуиса, где все благородные имели земли и скот. Всех этих людей разместили в Ниллистон-Треван.

И был среди них некий муж по имени Ронабви, и в одну десятку с ним попали Кинориг Фрихтох из Мауддви и Кадоган Фрас из Мэлфре.²⁸⁰ И они втроем пришли в дом Хейлина Гоха сына Кадогана, сына Иддона. Подойдя к дому, они увидели, что это старая, полуразвалившаяся лачуга, пыльная и закопченная. Войдя же внутрь, они обнаружили в полу множество дыр и человек легко мог поскользнуться на этом полу из-за обилия коровьих лепешек и мочи, а попав ногой в дыру, он по щиколотку проваливался в жидкую грязь, смешанную с навозом. Над полом в изобилии торчали сухие ветки, обглоданные коровами. Когда они прошли в дальнее помещение, то увидели там лежанки, грязные и вонючие, и старую ведьму, сидящую у очага. Когда она начинала замерзать, то швыряла в огонь все, что попадалось под руку, поэтому там было невозможно находиться из-за вонии и едкого дыма. Рядом они увидели на полу желтую телячью кожу, и тот, кто мог улечься на нее, посчитал бы, что ему повезло.

Усевшись, они спросили ведьму, где хозяйева, но она ответила им только бранью. Тут вошли люди: рыжий мужчина с вязанкой хвороста на спине и маленькая бледная женщина с хворостом в руках. Хоть они и не были рады, увидев гостей, все же женщина разожгла для них очаг принесенным хворостом и приготовила им ужин – хлеб, сыр и молоко. Потом поднялся сильный ветер и хлынул дождь, так что невозможно было выйти из хижины, и они решили лечь спать, поскольку сильно устали. Осмотрев ложе, они нашли на нем лишь пучок грязной соломы, которую даже коровы не стали есть. На соломе лежали красное одеяло, ветхое и дырявое, и такая же дырявая простыня и полупустая подушка в грязной наволочке. И они легли спать, и двое спутников Ронабви сразу же уснули, хоть их и кусали блохи, а он долго ворочался, не в силах ни спать, ни бодрствовать, пока не решил, что ему будет лучше на желтой телячьей шкуре у очага. И он лег на нее и заснул.

И как только сон смежил ему глаза, на него нашло видение, что он со своими спутниками идет по долине Аргингройт по направлению к Рид-и-Грос, что на берегу Северна.²⁸¹ И тут они услышали шум, какого никогда еще не слыхали. Оглянувшись, они увидели, что за ними скачет светловолосый юноша, не начавший еще брить бороду, на рыжем коне. Одет он был в кафтан из золотого шелка, прошитого зеленой нитью, а на боку его висел меч с золотой рукоятью в ножнах

---

²⁷⁶ Мадог ап Маредудд после смерти своего отца Маредудда ап Бледдина в 1132 г. правил Поуисом и успешно оборонял область от английских феодалов. После его смерти в 1160 г. его владения были разделены между его братьями (одним из которых и был упомянутый здесь Иорверт ап Маредудд) и сыновьями.

²⁷⁷ Поуис – северо-восточное королевство Уэльса, добившееся в XI-XII вв. большого регионального влияния. Мадог был последним правителем единого Поуиса.

²⁷⁸ Буквально «предложил стать *renteulu*» (командиром дружины).

²⁷⁹ Операции в этих трех *sumydau* (община) Поуиса могли иметь целью оттеснение мятежного принца на юг.

²⁸⁰ Мауддви и Мэлфре – *cantrefi* на западе Поуиса.

²⁸¹ Долина Аргингройт находится между реками Деуддор и Северн; название Рид-и-Грос ныне носит небольшое селение близ Монтгомери, где находится известный с давних времен брод через Северн, соединяющий Уэльс с Англией. Через этот брод далее проходит войско Артура, направляясь к месту битвы при Бадоне.

из кордовской кожи с кожаными застежками и золотыми бляхами. Сверху на нем был плащ из золотого шелка, по краям обшитый зеленым. И то, что было зеленым в убранстве всадника и его коня, зеленело, как листья деревьев, а то, что было желтым, желтело, подобно цветам ракутника. И из-за грозного его вида они перепугались и бросились бежать.

Он погнался за ними, и, когда конь его выдохнул воздух, их отбросило вперед, а когда вдохнул – притянуло к самым его копытам. Тут они взмолились о пощаде. «Не бойтесь, я не причиню вам никакого вреда». – «О господин, раз уж ты не замыслишь против нас зла, скажи, кто ты?» – спросил его Ронабви. «Не скрою от вас своего происхождения. Я Иддауг, сын Миниу, но меня обычно зовут не по имени, а по прозвищу». – «Скажешь ли ты нам это прозвище?» – «И его скажу: прозвали меня Иддауг Возмутитель Британии».²⁸² – «О господин, – спросил Ронабви, – почему же тебя так прозвали?» – «Я скажу вам причину. В дни битвы при Камлане²⁸³ я был одним из посланцев от Артура к Медрауду, его племяннику. Тогда я был пылким юнцом и, желая битвы, посеял смуту между ними. Вот как я сделал это: Артур послал меня к Медрауду с напоминанием, что он его дядя и верховный король Острова Британии, и с просьбой заключить мир, дабы не погибли сыны властителей и множество воинов – и эти-то самые хорошие и благоразумные слова я передал Медрауду в форме грубой и вызывающей; потому меня и прозвали Возмутителем Британии. Из-за этого и случилась битва при Камлане, но за три ночи до конца битвы я покинул поле и направился к Зеленой горе в Британии, чтобы нести там покаяние, и я каялся там семь долгих лет и вымолил прощение».

Тут вдруг они услышали позади шум еще более сильный. Оглянувшись, они увидели, что за ними скачет рыжеволосый юноша, безбородый и безусый, держащийся весьма горделиво. Он был одет в кафтан из красного шелка, расшитый желтым сатином, и в плащ, по краям отороченный желтым. И то, что было желтым в убранстве всадника и его коня, желтело, как цветы ракутника, а что было красным, алело, как свежая кровь.

И всадник приблизился к ним и спросил Иддауга, можно ли ему увести кого-нибудь из этих людей. «Они со мной, и ты можешь только быть их спутником, как и я», – ответил Иддауг. Тогда всадник повернулся и ускакал. «Кто это был?» – спросил Ронабви. «Риваун Пебир, сын Деортах Вледига».²⁸⁴

И они продолжали путь через долину Аргингройт к Рид-и-Грос на Северне. И за милю до брода по сторонам дороги они увидели шатры, и навесы, и множество людей. И они подошли к броду и увидели самого Артура, восседающего на острове посреди реки, и по одну его руку сидел епископ Бедвин,²⁸⁵ а по другую – Гвартегид, сын Кау. Перед ними же стоял высокий юноша с каштановыми волосами, с мечом в руке, одетый в кафтан из черного шелка. И лицо его было белым, как слонобая кость, а брови – черными, как сажа. Между рукавами его и перчатками были видны запястья, белые, как лилии, и крепкие, как лодыжка самого сильного воина.

Тут Иддауг и его спутники приблизились к Артуру и приветствовали его. «Да поможет вам Бог, – сказал Артур. – Где ты, Иддауг, отыскал таких малышей?» – «Я встретил их на дороге, господин, недалеко отсюда». И император горько улыбнулся. «О господин, – спросил его Иддауг, – почему ты улыбаешься?» – «Не улыбаюсь я, а грущу при мысли о том, что столь ничтожные люди, как эти, защищают наш остров вместо тех рыцарей, которые защищали его прежде».

Тогда Иддауг спросил: «Ронабви, видишь ли ты на руке императора кольцо с камнем?» –

²⁸² В одной из триад Иддауг Возмутитель Британии (собственно, «мутовка», Cordd Prydein) описан как прямой предатель, сговорившийся с Медраудом погубить Артура. Давид ап Гвиллим упоминает его как чародея, притом ирландца по происхождению. Имя Иддауга встречается и в списке валлийских святых.

²⁸³ Битва при Камлане произошла, по некоторым данным, около 539 г. между Артуром и его племянником Медраудом (в позднейшей традиции Мордред), который на самом деле был незаконным сыном Артура от его сводной сестры Моргаузы, жены короля Лота Лотианского. Медрауд, известный в артуровском эпосе как законченный злодей, здесь предстает скорее жертвой обмана. Причинами битвы в триадах называются ссора между Артуром и Медраудом или между Гвенвифар и ее сестрой Гвенвифах, в эпосе – прелюбодеяние королевы Гвенвифар с Медраудом. В битве погибло большинство рыцарей обоих воинств и Медрауд; смертельно раненный Артур был перенесен его сестрой, волшебницей Морганой, на чудесный остров Аваллон (Яблочный). См. «Смерть Артура» Т. Мэлори.

²⁸⁴ См. примеч. к «Килоху».

²⁸⁵ См. примеч. к «Килоху».

«Да, я его вижу», – ответил он. «Одно из свойств этого камня позволит тебе вспомнить все, что ты здесь видел, как только ты увидишь его; если же тебе не удастся его увидеть, ты никогда не вспомнишь этого».

Тут к броду подъехал конный отряд. «Иддауг, – спросил Ронабви, – что это за люди?» – «Это спутники Ривауна Пебира, сына Деортаха Вледига. Они пьют мед и пиво и спят с дочерьми властителей Острова Британии. И все это имеют и первые и последние из них». А в одежде их не было иных цветов, кроме цвета крови, и, когда один из всадников отделялся от прочих, он был как язык пламени, взвивающийся вверх. И они проехали через брод.

Вслед за этим они увидели другой отряд, подъезжающий к броду, и кони его были выше колен белее лилии, а ниже – чернее сажи. И впереди ехал всадник, загнавший коня в реку с такими брызгами, что вода хлынула на Артура, и на епископа, и на всех, кто был там, и они вымокли с ног до головы. Тогда юноша, стоящий рядом с Артуром, ударил коня ножнами меча, не поранив его. И всадник, наполовину вытащив свой меч из ножен, обратился к нему: «Зачем ударил ты моего коня: чтобы оскорбить меня или чтобы упрекнуть?» – «Поистине, ты заслужил упрек. Что за нужда была въезжать в реку с такими брызгами, что Артур, и святой епископ, и все приближенные оказались мокры, будто их вытащили из воды?» – «Я принимаю твой упрек», – сказал тот и поскакал за своим отрядом.

«Иддауг, – спросил опять Ронабви, – кто этот всадник?» – «Это самый благородный и разумный юноша этого острова, Адаон, сын Талиесина».²⁸⁶ – «А кто же тот, что ударил его коня?» – «Это самый горячий и пылкий юноша, Эльфин, сын Гвиддно».²⁸⁷

И тут некий муж горделивого вида промолвил звучным голосом, что ему странно видеть их здесь, когда храбрейшие воины острова бьются у Бадона с Ослой Длинного Ножа.²⁸⁸ «Ты можешь раздумывать, идти тебе туда или нет, я же отправляюсь туда». – «Ты говоришь справедливо, – сказал Артур, – я пойду с тобой». – «Иддауг, – спросил Ронабви, – кто этот муж, что так дерзко говорит с Артуром?» – «Это тот, кто умеет говорить лучше всех – Карадауг Фрейхфрас, сын Ллир Марини, главный советник Артура и его двоюродный брат».²⁸⁹

И все громадное войско вместе с Иддаугом и Ронабви снялось с места и двинулось по направлению к Кевн-Диголл. И когда они выехали на середину брода через Северн, Иддауг развернул коня, и Ронабви увидел долину Северна, где у брода стояли два войска. Одно было сплошь белым, поскольку на каждом воине был белый плащ, окаймленный черным. И кони их ниже колен были черными, а выше колен – белыми. И знамена их были белыми, а их древки – черными.

«Иддауг, – спросил Ронабви, – что это за войско?» – «Это люди Ллихлина,²⁹⁰ а возглавляет их Марх, сын Мейрхиона, племянник Артура».²⁹¹

И они увидели другое войско в черных плащах, окаймленных белым. Их кони были черными выше колен, и знамена их были черными, а их древки – белыми.

«Иддауг, – спросил Ронабви, – а это что за войско?» – «Это люди Дании, а ведет их Эдирн, сын Нудда».²⁹²

²⁸⁶ Адаон (или Афаон), сын Талиесина, известен не только как бард, но и как бесстрашный воин. В одной из триад упоминается его вероломное убийство Ллаугадом.

²⁸⁷ Это Эльфин, неудачливый сын Гвиддно Гаранхира из «Истории Талиесина».

²⁸⁸ Битва при Бадоне (ок. 519) – крупнейшая победа Артура над саксами, ставшая на многие века символом сопротивления бриттов завоевателям. О ней упоминают Гильда и Ненний; первый помещает холм Бадон близ устья Северна (Сабрины). Об Осле Длинном Ноже см. примеч. к «Килоху».

²⁸⁹ Карадауг Фрейхфрас – принц Корнуолла, чья резиденция находилась в Гэлливике; в триадах именуется «опорой кимров»; позже стал одним из героев артуровского эпоса (сэр Карадос). Ллир Марини, его отец – мифологический герой «Ллир морской», отец Манавидана.

²⁹⁰ Ллихлин (ирл. Lochlann) – Норвегия.

²⁹¹ Марх ап Мейрхион – король Корнуолла, известный по легенде о Тристане. Прославлен как владелец множества кораблей, почему и ассоциируется здесь с мореплавателями-норвежцами.

²⁹² Упоминается в триадах как искусный чародей; здесь по непонятным причинам связан с Данией.

И вот, когда они нагнали остальных, Артур со своим могучим войском уже подходил к Бадону. И он услышал в войске великий шум и смятение, так что те, кто стоял в середине строя, оказались на краю, а те, кто стоял на краю, переместились на середину. И увидел он всадника в латах, заехавшего в самый центр войска, и латы его были белее лилии, а их сочленения – краснее крови.

«Иддауг, – спросил Ронабви, – от кого это бежит войско?» – «Император Артур никогда не бежит, и, поистине, ты не должен так говорить. Муж, которого ты видишь, – Кай, самый доблестный из рыцарей Артура,²⁹³ и, те, кто в середине войска, спешат увидеть его великолепие, а те, кто на краю, разбегаются, чтобы их не растоптал его конь».

Тут они услышали, как зовут Кадора, графа Корнуолла.²⁹⁴ И он вышел с мечом Артура в руке, на котором были изображены две золотые змейки. Из рта у них, когда меч вынимали из ножен, вырывались языки пламени, и нелегко было смотреть на них из-за их пугающего обличья. Тут порядок восстановился, и граф вновь вошел в шатер.

«Иддауг, – спросил Ронабви, – кто тот, что нес меч Артура?» – «Это Кадор, граф Корнуолла, который подносит оружие Артуру перед сражениями».

И тут они слышали, как кличут Эйринвиха, сына Пейбиау, слугу Артура, а он был рыжим и безобразным, с рыжими усами и волосами, жесткими, как щетина. Он подошел к громадному рыжему коню, грива которого свисала с обеих сторон шеи, и снял с него большой узел. И рыжий юноша, стоящий подле Артура, развязал этот узел и достал из него золотую цепь и шелковый ковер, и расстелил ковер у ног Артура, и на каждом его конце оказалось по золотому яблоку. И он поставил на ковер кресло, такое большое, что в него могли усесться трое воинов в латах. Ковер этот назывался Гвен,²⁹⁵ и одним из его свойств было то, что человек, ставший на него, делался невидим, сам же мог видеть всех. И на нем не было никаких красок и украшений.

И Артур уселся в кресло, и к нему подошел Оуэн, сын Уриена.²⁹⁶ «Оуэн, – сказал Артур, – давай сыграем в шахматы».²⁹⁷ – «Хорошо, господин», – ответил Оуэн, и рыжий слуга принес им шахматы, золотые фигуры на серебряной доске. И они начали игру.

И когда они были увлечены игрой, Ронабви увидел белый шатер с красным верхом, который венчала черная змея с рубиновыми глазами и языком, подобным пламени. И оттуда вышел светловолосый юноша с голубыми глазами и едва отросшей бородой, в кафтане из желтого шелка, в штанах из светло-серой шерсти и в туфлях из лучшей кордовской кожи с золотыми пряжками, и на боку у него висел тяжелый меч в кожаных ножнах с рукояткой из красного золота.

Он подошел к месту, где император с Оуэном играли в шахматы, и приветствовал одного Оуэна. И Оуэн удивился, почему юноша не приветствовал императора Артура. Артур же догадался о его удивлении и сказал: «Не удивляйся, что этот юноша не приветствовал меня. Мы уже виделись с ним сегодня, а сейчас он пришел к тебе».

И юноша обратился к Оуэну: «О господин, знаешь ли ты, что пажи и воины императора гонят и убивают твоих воронов?»²⁹⁸ Если это делается против твоей воли, то запрети им делать это». – «Государь, – сказал Оуэн, – останови своих людей». – «Делай ход», – ответил император. Тогда юноша вернулся в свой шатер.

И они закончили партию и начали новую. И вот посреди игры они увидели юношу с каштановыми волосами, ясноглазого и сильного, который вышел из шатра с верхушкой в виде красного льва. Одет этот юноша был в кафтан из желтого шелка, спускающийся до колен и отороченный

²⁹³ См. примеч. к «Килоху».

²⁹⁴ Кадор, граф Корнуолла – приближенный Артура; его сын Константин после смерти Артура унаследовал его трон.

²⁹⁵ «Белый»; чудесный ковер или плащ Артура, известный по многим преданиям.

²⁹⁶ Оуэн, сын Уриена, короля Регеда – историческое лицо, к которому обращена одна из од Талиесина. Впоследствии перешел в артуровский эпос под именем сэра Ивейна. Ему посвящена отдельная повесть (см. далее).

²⁹⁷ Игра «gwyddbwyll»

²⁹⁸ Вороны Оуэна упоминаются в посвященной ему повести и в поэзии; возможно, так называли его дружинников.

красным сатином, а обут в сапоги из черной кордовской кожи с золотыми пряжками. На боку его висел тяжелый меч в красных ножнах из оленьей кожи, с узором из золота.

И он подошел к месту, где Артур с Оуэном играли в шахматы, и приветствовал одного Оуэна. И Оуэн удивился, что он не приветствовал Артура, но Артур так же мало был удивлен этим, как в первый раз. И юноша обратился к Оуэну: «Господин, знаешь ли ты, что пажи императора продолжают убивать твоих воронов? Если это делается против твоей воли, то останови это». – «Государь, – сказал Оуэн, – останови своих людей». – «Делай ход», – ответил ему император. И юноша вернулся в свой шатер.

Партия закончилась, и они начали новую. И как только сделали они первый ход, Оуэн увидел желтый шатер, величайший и прекраснейший, увенчанный золотым орлом с головой, усеянной самоцветами. И из шатра вышел светловолосый юноша благородного вида в плаще из зеленого шелка, скрепленном у правого плеча золотой пряжкой толщиной с палец воина, в штанах из белой ткани и в туфлях из лучшей кордовской кожи с золотыми пряжками. Румян был этот юноша, с глазами зоркими, как у сокола, и в руке он держал копье с острым наконечником.

И юноша с видом взволнованным и опечаленным подошел к месту, где император с Оуэном играли в шахматы, и приветствовал Оуэна, и сказал ему, что его лучшие вороны убиты, а прочие изранены так, что не в силах взмахнуть крыльями. «Государь, – сказал Оуэн, – останови своих людей». – «Делай ход», – ответил Артур. Тогда Оуэн сказал юноше: «Ступай туда и водрузи мой стяг, и пусть будет что будет».

И юноша отправился туда, где кипела битва с воронами, и воздвиг стяг Оуэна, и там, где он его поднял, вороны взмыли вверх, оправившись от слабости и поднимая ветер своими крыльями. И они собрали все свои силы и обрушились на людей, гнавших их. И одним они вырвали глаза, другим оторвали уши, или руки, или головы, и буря поднялась от их победного полета, а люди на земле пришли в великое смятение.

И Артур с Оуэном, сидящие за шахматной доской, удивились, услышав шум. И, оглянувшись, они увидели всадника, скачущего к ним на взмыленном коне необычной окраски, ибо выше колен он был красным, а ниже – желтым. И всадник и конь были закованы в тяжелые доспехи иноземной работы, спереди – ярко-красные, а сзади – желтые. На поясе у всадника висел меч с золотой рукоятью, в синих ножнах с украшениями из желтой испанской меди. Пояс же для меча был сделан из черной кожи с позолотой в виде креста и с застежкой из слоновой кости. На голове у всадника надет был шлем с драгоценным камнем, с верхушки шлема скалился золотой леопард с рубинами вместо глаз, внушающий ужас самым храбрым, воинам не менее, чем грозное лицо всадника. В руке он держал копье с голубым древком, длинное и крепкое, окрашенное в алый цвет, покрытое кровью и перьями воронов.

И всадник приблизился к месту, где сидели Артур с Оуэном. И увидели они, что он обесилен, но кипит гневом. И он приветствовал Артура и сказал ему, что вороны Оуэна убивают его пажей и воинов. Тогда Артур сказал Оуэну: «Останови своих воронов». – «Делай ход, государь», – ответил Оуэн. И они продолжали играть. Всадник же поскакал назад, так ничего и не добившись.

И они играли еще какое-то время и слышали великий шум и крики людей, и карканье воронов, которые взмывали вверх с людьми в когтях и бросали их вниз так, что те разбивались о землю. И оттуда к ним скакал всадник на взмыленном коне конь же был черным от холки до копыт. И всадник и конь были закованы в зеленые доспехи, а на всаднике был плащ и желтого шелка, окаймленный зеленым. Попона у коня была черной с золотой каймой. На поясе у всадника висел тяжелый меч в ножнах из красной кожи, пояс же был сделан из кожи оленя с золотым узором и с застежкой из моржового клыка. На голове его был надет золотой шлем с сапфиром, наделенный волшебной силой; с верхушки его скалился красно-золотой лев с огненным языком, торчащим из пасти на целый фут, с рубиновыми глазами. В руке он держал копье с ясеневым древком с узором из серебра, сплошь покрытое кровью и перьям воронов. И он приблизился и приветствовал Артура. «Государь! – сказал он. – Много твоих пажей, и воинов, и сыновей знатных родов Острова Британии погибло, и нелегко будет теперь защитить этот остров от врага». – «Оуэн, – сказал Артур, – останови своих воронов». – «Делай ход, государь», – ответил Оуэн.

И они закончили партию и начали новую. И когда играли, то слышали великий шум, и крики людей, и карканье воронов которые поднимали людей вверх вместе с конями и разбивал их о землю. И они увидели всадника на пегом коне, левая нога которого была ярко-красной, а от правого плеча до копыт бы он белым. И всадник и конь были закованы в желтые латы и испанской

меди, а на всаднике был черно-белый плащ, окаймленный пурпуром. На поясе у всадника висел меч с золотой рукоятью, пояс же был из желтой кожи, с застежкой из черной моржового клыка. На голове его был надет шлем из желтой меди с хрустальным камнем; с верхушки его скалился грифон с самоцветами вместо глаз. В руке он держал ясенево копье с лазурным древком, покрытое свежей кровью. И он приблизился и сказал: «Вороны истребили уже почти всех воинов и сыновей знатных родов этого острова». И он взмолился, чтобы Оуэн остановил своих птиц.

Тогда Артур так сдвинул золотые фигурки, стоящие на доске, что они превратились в труху. И Оуэн велел Гору, сыну Регеда, спустить стяг. После этого все стихло, и воцарилось спокойствие.

И Ронабви спросил Иддауга, кто были те трое, что просили Оуэна остановить убийство его воронов. «То были люди Оуэна, – ответил Иддауг, – Селиф, сын Кинлана,²⁹⁹ и Гогаун Гледифридд, и Гор, сын Регеда, который несет его стяг во время битвы».³⁰⁰ – «А кто же те трое, – опять спросил Ронабви, – что просили Артура остановить истребление его людей?» – «Это лучшие и достойнейшие мужи, – ответил Иддауг, – Блатаон, сын Морхета, и Риваун Пебир, сын Деортаха Вледига, и Хэфайдд Унленн».

И в это время к Артуру прибыли сорок восемь всадников от Ослы Длинного Ножа, прося перемирия на месяц, и Артур встал и созвал совет. И он пошел туда, где сидел высокий юноша с каштановыми волосами.³⁰¹ И туда же пришли епископ Бедвин, Гвартегид, сын Кау, и Марх, сын Мейрхиона, и Карадауг Фрейхфрас, и Гвальхмай, сын Гвиара, и Эдирн, сын Нудда, и Риваун Пебир, сын Деортаха Вледига, и Риоган, сын короля Ирландии, и Гвенвинвин, сын Нава, и Хоуэл, сын Эмира Ллидау, и Гвиллим, сын короля франков, и Данед, сын Ота, и Гореу Кустеннин, и Мабон, сын Модрона, и Передур Длинного копья, и Хенейдд Унленн, и Турх, сын Перифа, и Нерт, сын Кадарна, и Гобро, сын Эхела Форддуида Туилла, и Гвейр, сын Гвестела, и Кадви, сын Герайнта, и Тристан, сын Таллуха,³⁰² и Мориен Манауг, и Гранвен, сын Лира,³⁰³ и Ллахеу, сын Артура,³⁰⁴ и Ллауродедд Фарнфауг, и Кадор, граф Корнуолла, и Морвран, сын Тегида, и Риаудд, сын Морганта, и Дефир, сын Алуна Дифеда, и Горхир Гвальстауд Иэтоэдд, и Адаон, сын Талиесина, и Ллара, сын Каснара Вледига, и Флеудор Флам, и Грейдиал Галл Довид, и Гилберт, сын Кадгифро, и Мену, сын Тейргваэдда, и Гортмол Вледиг,³⁰⁵ и Каурдо, сын Карадауга Фрейхфраса, и Гильда, сын Кау,³⁰⁶ и Кадифрейт, сын Сайди, и люди Ллихлина и Дании, и люди Греции, и многие другие.

«Иддауг, – спросил Ронабви, – кто этот юноша с каштановыми волосами, к которому все они пришли?» – «Это Рин, сын Мэлгона Гвинедда,³⁰⁷ и все они пришли просить его совета». – «Почему же столько достойных людей пришли просить совета у этого юноши?» – «Потому что нет во всей Британии человека, который мог бы дать совет лучше, чем Кадифрейт, сын Сайди».

И тут барды начали петь Артуру похвальные оды, в которых никто не понял ни слова, за исключением Кадифрейта, сына Сайди. И тут пришли двадцать четыре осла, нагруженных золотом и серебром, ведомые человеком, сказавшим, что это дань Артуру с островов Греции.

²⁹⁹ Селиф, сын Кинлана, упоминается в одной из триад как один из Трех, отомстивших врагам из могилы (вместе с Адаоном, сыном Талиесина).

³⁰⁰ Двое последних упоминаются в традиции, относящейся к северу Англии, где находилось королевство Регед.

³⁰¹ Далее перечисляются герои, относимые легендами к рыцарям Артура; многие из них появлялись и в «Килохе».

³⁰² Единственное упоминание Тристана в сборнике.

³⁰³ Как кажется, искаженное «Бранвен».

³⁰⁴ Ллахеу, сын Артура, описывается в триадах как один из Трех мудрецов Острова Британии (наряду с Гвальхмай и Риваллоном; видимо, имеются в виду мудрецы среди рыцарей). Лливарх Хен упоминает о его гибели в битве с саксами при Ллонгборте.

³⁰⁵ Гортмол Вледиг был правителем в Пенрин-Рионидд на севере Британии и назван в триадах одним из Трех главных вождей Британии под началом Артура,

³⁰⁶ Знаменитый историк.

³⁰⁷ См. «Историю Талиесина»; через несколько строк его роль переходит к Кадифрейту, сыну Сайди, который упомянут в одной триаде как мудрый советчик.

И Каdifрейт, сын Сайди, сказал, что нужно заключить мир с Ослой Длинным Ножом на месяц, а привезенное золото отдать бардам, чтобы они за это весь месяц пели оды. На том и решились.

«Вот, Ронабви, – сказал Иддауг, – не разумные ли советы дает этот юноша?» И тут встал Кай и объявил: «Те, кто хочет, пусть следуют с Артуром в Корнуолл, а те, кто не хочет, не заслужат его приязни».

И среди поднявшегося после шума и гомона Ронабви проснулся и обнаружил, что лежит на желтой телячьей шкуре, где он проспал три дня и три ночи.

И эта история зовется Видением Ронабви. И никто, ни бард, ни певец, не может истолковать это Видение, не обращаясь к старинным книгам, ибо полны значения все описанные в нем цвета коней, и оружия, и одежды, и драгоценных камней.

Рыцари Артура

Оуэн, или Хозяйка фонтана³⁰⁸

Однажды, когда император Артур,³⁰⁹ пребывал в Каэрлеоне³¹⁰ он сидел в своих покоях, и с ним были Оуэн, сын Уриена,³¹¹ и Кинон, сын Клидно³¹² и Кай, сын Кинира,³¹³ и Гвенвифар с ее служанками, которые смотрели в окно на привратника, охраняющего ворота дворца Артура. Привратником тогда был Глеулвид Гафаэлфаур, который встречал гостей и проезжих путников, и воздавал им честь, и рассказывал о порядках и обычаях двора, и указывал дорогу тем, кто хотел пройти в зал или в покои. Император Артур восседал в середине своих покоев на ложе из зеленого тростника,³¹⁴ покрытом тканью из золотого шелка, а под локтем его была подушка красного шелка.

³⁰⁸ *Iarlles y Ffynnwawn*

Три последние повести сборника настолько же схожи между собой, насколько отличаются от предыдущих. Все они посвящены Артуру и его рыцарям, трое из которых являются главными героями этих повестей. Хотя их имена и образы остаются кельтскими, сюжет и характеры отражают сильное влияние франко-нормандской традиции. Валлийские по происхождению легенды об Артуре и его рыцарях, пройдя обработку на континенте, рикошетом вернулись в Уэльс – но уже в другом обличье. Их влияние на европейскую литературу Средних веков так велико, что нет смысла обсуждать его здесь; (Интересующихся отсылаем к главнейшим трудам: Loomis R. S. *Arthurian literature in the Middle Ages*. Oxford, 1959; Jones W.L. *King Arthur in History and Legend*. Cambridge, 1911; Morris J. *The Age of Arthur*. London, 1975.) неизвестно, существовал ли он на самом деле. Здесь он – уже не чародей из «Килоха», а рачительный сенешаль двора Артура.) что касается обратного влияния, то оно выразилось в формировании идеального рыцарского мира – Круглого Стола; в проникновении извне не только терминов, но и целых сюжетных линий, которые причудливо переплетались с местной традицией (наподобие легенды о Святом Граале); и наконец, в радикальном изменении образов героев, идеализированных сообразно вкусам феодальной верхушки европейского общества.

Из этих трех повестей «Оуэн» кажется самой законченной и цельной; в ней отсутствуют и композиционная неряшливость «Передура», и схематичность «Герайнта». Следы некоторых преданий и личность главного героя еще сохраняют связь с валлийской традицией, но время и место действия уже целиком перенесены в условно-эпический мир артуровского романа, получивший впоследствии совершенное воплощение в «Смерти Артура» Томаса Мэлори.

³⁰⁹ Здесь и в последующем Артур уже везде именуется заимствованным титулом «император» (*amherawdyr*).

³¹⁰ Каэрлеон на Аске – место, где находился главный двор Артура, позднее перенесенный эпосом в мифический Камелот. Отождествляется с современным Карлионом в Гламорганшире.

³¹¹ См. примеч. к «Видению Ронабви». Оуэн упоминается в триадах как один из Трех храбрейших рыцарей Артура, наряду с Ланселотом Озерным (составной образ, восходящий к Гвальхмаи) и Кадором, графом Корнуолла. В одной из триад его матерью называется Модрон, мать Мабона и Морвидд.

³¹² Кинон, сын Клидно, известен по триадам как один из мудрых советников Артура (что противоречит его несколько сниженному образу в повести), а также как один из верных влюбленных – за любовь к Морвидд, сестре Оуэна.

³¹³ Кай считался сыном Кинира Кейнфарфауга, внука Кунедды Вледига.

³¹⁴ В Средние века каменные полы покоев часто покрывались свежесрезанным тростником.

И Артур сказал: «Друзья мои, не сочтите за неуважение, но я пойду посплю, пока готовится ужин, вы же развлекайте друг друга беседой, а Кай даст вам еду и мед». И император удалился. Тогда Кинан, сын Клиддно, попросил у Кая то, что обещал Артур. «Он обещал, что я услышу занимательный рассказ», – сказал Кай. «Друг мой, – сказал ему Клиддно, – принеси сперва то, что обещал Артур, а мы расскажем тебе самую занимательную историю из всех, что ты слышал». И Кай пошел на кухню и принес им кувшин меда и золотое блюдо с мясом, и они поели и выпили.

«Теперь, – сказал Кай, – оплатите мне занимательным рассказом». – «Кинон, – сказал Оуэн, – расскажи Каю свою историю». – «По правде говоря, – возразил Кинон, – ты старше меня и видел больше разных чудес, поэтому лучше было бы тебе что-нибудь рассказать». – «Но сначала поведай нам о самом удивительном, что случилось с тобой». – «Я расскажу, – сказал тогда Кинон. – Я был единственным сыном у своих родителей, и вырос гордым и своенравным, и думал, что никто в мире не справится со мной. И, превзойдя в подвигах всех бывших в моем краю, я снаряжился и отправился в отдаленную и дикую часть света.³¹⁵ И я достиг прекраснейшей долины, где росли деревья одинаковой высоты,³¹⁶ текла река и рядом с ней проходила дорога. И я ехал этой дорогой до полудня и выехал на обширное поле, на котором увидел сияющую крепость, стоящую у самого моря. И я направился к этой крепости и увидел там двух золотоволосых юношей в золотых шлемах, в кафтанах из желтого шелка и в сапогах из новой кордовской кожи, и в руках у них были луки из слоновой кости с тетивой из оленьих жил и стрелами из моржового клыка,³¹⁷ с павлиньими перьями на концах. У ножей их были золотые лезвия и рукоятки из моржового клыка, и они забавлялись тем, что метали ножи в цель. И невдалеке я увидел золотоволосого юношу, только начавшего брить бороду, и он был одет в кафтан и плащ из желтого шелка, украшенные золотым шитьем, и обут в сапоги из кордовской кожи с золотыми пряжками. И, увидев его, я подошел, чтобы приветствовать его, но он оказался так любезен, что приветствовал меня первым. И мы с ним пошли в крепость, которая оказалась пустой, и лишь в главном зале сидели двадцать четыре прекрасные девы, вышивающие по шелку И мне показалось, Кай, что самая невзрачная из них прекраснее любой из виденных мною дам Острова Британии. Самая же прекрасная из них была прекраснее даже Гвенвифар, жена Артура, идущей на пасхальную службу.³¹⁸ И они встали и приветствовали меня, и шесть из них взяли моего коня и сняли с меня сапоги, и шесть других взяли мое оружие и доспехи и начистили их так, что они заблестели, как новые.³¹⁹ И другие шесть накрыли стол и приготовили еду, в то время как еще шесть сняли с меня запыленное дорожное платье и дали мне штаны из тонкого батиста, и рубаху, и плащ из желтого шелка с широкой каймой. И они усадили меня на красные шелковые подушки. Те же шестеро, что взяли моего коня, почистили его и накормили, словно лучшие конюхи Острова Британии. И они принесли серебряные кувшины с водой и полотенца, белы и зеленые, чтобы я омылся. И муж, пришедший со мною вместе, сел за стол, и я вслед за ним, и то же сделали все девы. Стол же был накрыт наилучшим образом, и не было на нем ни одного предмета, что был бы сделан не из золота или же серебра. И клянусь, что я никогда не ел ничего вкуснее того, что подавали мне там, и не видел ничего приготовленного лучше. И мы ели и пили, и за это время ни юноша, ни девы не сказали мне ни единого слова. Когда же пришло время беседы, юноша спросил меня, кто я такой и куда держу путь. И я удивился, что он так долго ждал, чтобы задать этот вопрос. „О господин, – сказал он, – я мог бы спросить и раньше, но это помешало бы тебе утолить голод. Теперь же мы можем поговорить“.

И я сказал ему, кто я и какова цель моего путешествия и сказал, что ищу того, кто мог бы одолеть меня. И юноша взглянул на меня, и улыбнулся, и сказал: „Да не обидит это тебя, но я знаю того, кто способен тебя одолеть“. И я весьма взволновался, и юноша, заметив это, сказал:

³¹⁵ Распространенная формула рыцарских романов.

³¹⁶ Типично для описания идеального пейзажа.

³¹⁷ См. примеч. к «Видению Максена Вледига».

³¹⁸ Это высший комплимент в устах Кинона, поскольку Гвенвифар считалась эталоном красоты.

³¹⁹ Такое поведение дев кажется странным, но во времена рыцарства им нередко приходилось оказывать рыцарям такие услуги, хотя и не предусмотренные этикетом.

„Если хочешь я укажу тебе дорогу к нему. Заночуй здесь, а утром поднимайся и иди по дороге, ведущей вверх в долину, пока не войдешь в лес. И в лесу ты увидишь тропинку, уходящую вправо. Сверни на нее, и ты достигнешь поляны, на которой возвышается курган, и на его вершине ты увидишь черного человека ростом с двух обычных людей. У него одна нога и один глаз на лбу, и в руке он держит железный посох, что не могут поднять два самых сильных силача. Он неприветлив и груб и служит лесничим³²⁰ в этом лесу, и вокруг него пасется множество диких зверей. Спроси у него дорогу, и, хоть он и будет груб с тобой, но скажет, куда тебе идти, чтобы найти того, кто тебя одолеет“.

И эта ночь показалась мне долгой, и утром я встал, и оделся, и оседлал коня, и направился к лесу, и достиг поляны. И на ней я увидел великое множество диких зверей и черного человека на вершине кургана. И хоть юноша и говорил, что он велик, но на самом деле он оказался еще больше. И железный посох его, который, по словам юноши, поднимали двое, показался мне ношей для четверых. И черный человек грубо обратился ко мне; я же спросил его, какую власть он имеет над всеми этими зверями. „Я покажу тебе, человечек“, – ответил он.

И он взял свой посох и ударил им оленя так, что тот закричал, и на этот крик сбежались все дикие звери, бесчисленные, как звезды на небе, и я оказался в самой их гуще. Там были змеи, и львы, и ехидны, и все виды тварей. И он оглядел их и велел идти и пастись, и они склонились перед ним, как вассалы перед своим господином. И после черный человек сказал мне: „Видишь, человечек, какую власть я имею над этими зверями?“ И я спросил у него дорогу, и он, хотя и был груб, указал мне путь к месту, куда я хотел попасть. Он узнал, кто я и чего ищу, и сказал мне: „Иди до края поляны и поднимись на холм до самой вершины и оттуда увидишь обширную долину, в центре которой растет высокое дерево, листья которого зеленее самой яркой зелени. И под деревом ты увидишь фонтан,³²¹ окруженный мраморной кромкой, на которой стоит серебряная чаша, прикованная серебряной цепочкой, чтобы ее нельзя было унести. И там ты услышишь гром, как будто небо рушится на землю, и потом начнется дождь и поднимется буря, такая, что тебе нелегко будет выдержать ее.³²² И на дереве после этой бури не останется ни единого листка, и прилетит стая птиц, и усядется на ветвях дерева, и запоет песни, прекраснее которых ты никогда не слышал. И вот, когда ты будешь очарован пением этих птиц, по долине разнесется стон, и ты увидишь рыцаря на вороном коне, в плаще из черного шелка, с черным вымпелом на копье, и он быстро помчится к тебе. И если ты побежишь, он убьет тебя, если же ты дождешься его и не сойдешь с коня, он сохранит тебе жизнь. И если ты не испытаешь страха там, ты уже ничего не будешь бояться всю оставшуюся жизнь“.

И я выехал на тропинку и поднялся на вершину холма, откуда увидел все то, о чем говорил черный человек. И я подъехал к дереву и нашел там фонтан и мраморную кромку, и серебряную чашу, прикованную цепочкой. И я взял чашу и наполнил ее водой из фонтана. И тут раздался грохот, еще более сильный, чем описывал черный человек, и тут же разразилась ужасная буря. И я уверен, Кай, что ни человек, ни зверь не смогли бы спастись от этой бури, ибо град пробивал и кожу и мясо и доходил до костей. Я повернул коня к ветру задом, и заслонил его голову щитом, и набросил себе на голову плащ; и так с большим трудом я переждал бурю, хотя жизнь едва не покинула меня. И я увидел, что на дереве не осталось ни единого листка, и прилетели птицы, и уселись на ветки, и запели. И я клянусь тебе, Кай, что ни до, ни после того я не слышал столь дивного пения. И вот, когда я слушал их пение, по долине пронесся громкий стон, и некий голос воззвал ко мне. „О рыцарь, – сказал он, – какое зло я причинил тебе, что ты обошелся со мной столь жестоко? Знаешь ли ты, что вызванный тобою град не оставил в живых ни человека, ни зверя в моих владениях?“

И тут я увидел скачущего ко мне рыцаря на вороном коне, в плаще из черного шелка, с черным вымпелом на копье. И я бросился на него, но, как отчаянно я ни бился, вскоре он сбросил

³²⁰ В КК – *wtwart* (от англ. *woodward*) – «лесничий».

³²¹ Тоже заимствованное слово *ffynnwain*; могло обозначать и «фонтан» и «источник». По поэме Кретьена де Труа «Рыцарь Льва» – это фонтан Барантон в Броселианском лесу в Бретани, известном краю волшебства и чудес.

³²² Мотив источника, зачерпнув воды из которого можно вызвать дождь, часто встречается в валлийском фольклоре (см. «О чудесах Британии» Ненния).

меня на землю. И он зацепил копьём повод моего коня и ускакал вместе с ним, оставив меня лежать там и даже не оказав мне чести взять меня в плен. И я побрел назад той же дорогой, какой пришел. На поляне меня встретил черный человек, и я клянусь тебе, Кай, что едва не сгорел со стыда из-за унижения, какому подверг меня черный рыцарь. И я вернулся в крепость, где ночевал накануне, и в этот раз ее обитатели были еще любезнее со мной, и я пировал и беседовал с юношами и девами. И никто не спрашивал меня о том, что случилось у фонтана, и я никому не стал об этом говорить. И там я заночевал.

На следующее утро, когда я встал, меня дожидался гнедой конь с гривой ярко-красной, как сырая печень. И я, взяв свое оружие и попрощавшись, отправился домой. Вот этот конь, и клянусь, Кай, что я не променяю его на самого лучшего коня Острова Британии. Но я никому еще не рассказывал той истории, что рассказал сейчас тебе, и никому не показывал этого места, хотя оно находится во владениях императора Артура».

«А не отправиться ли нам на поиски этого места?» – спросил Оуэн. «Не говорит ли твой язык, Оуэн, того, чего не желает твое сердце?» – спросил Кай. «Видит Бог, – сказал ему Гвенвифар, – зря ты, Кай, говоришь такое столь доблестному мужу, как Оуэн». – «Клянусь рукой друга, – сказал Кай, – я люблю Оуэна не менее всех вас».

Тут Артур проснулся и спросил, долго ли он спал. «О господин, – сказал Оуэн, – ты проспал совсем недолго». – «Пора ли нам садиться за стол?» – «Пора, господин», – сказал Оуэн. И император со всеми прочими омыли руки и сели за стол. И пока они ели, Оуэн встал, и пошел в свои покои, и приготовил коня и оружие для похода.

И наутро он взял оружие, сел на своего коня и поехал в отдаленную часть света, к пустынным горам. И наконец он отыскал там долину, про которую говорил Кинон, и проехал через нее берегом реки, и увидел крепость, и приблизился к ней. И там он увидел юношей, метających ножи в цель, и золотоволосого мужа, владельца крепости. И когда Оуэн подъехал, чтобы приветствовать его, он приветствовал его первым и провел в крепость. И Оуэн увидел там зал, и в зале в золотых креслах сидели девы, вышивающие по шелку. И они были еще красивее, чем говорил Кинон, и приняли Оуэна так же радушно, и ему еще более понравились яства, и питье, и посуда, чем Кинону. И золотоволосый юноша спросил Оуэна, куда он едет. И Оуэн сказал: «Я хочу одолеть рыцаря, который сторожит фонтан». И юноша засмеялся и рассказал ему все то, что рассказывал Кинону. И после этого они пошли спать.

И наутро девы приготовили Оуэну коня, и он поехал прямо, пока не достиг поляны, где сидел черный человек. Оуэн еще более поразился его виду, чем Кинон, и спросил у него дорогу, и тот указал ее. И Оуэн поехал той же дорогой, что и Кинон, пока не оказался возле зеленого дерева. И там он увидел фонтан, и мраморную кромку, и чашу на ней. И Оуэн взял чашу и набрал в нее воды, и грянул гром, и поднялась буря, еще более сильная, чем описывал Кинон. Когда же она кончилась и небо прояснилось, Оуэн взглянул на дерево и не увидел на нем ни единого листка. И прилетели птицы, и уселись на ветвях, и запели. И когда Оуэн слушал их пение, он увидел рыцаря, скачущего к нему, и вступил с ним в бой. И они сломали свои копья и обнажили мечи, и Оуэн ударил рыцаря мечом по шлему и рассек ему шлем, подшлемник, кожу и кость так, что меч достиг мозга. И черный рыцарь увидел, что рана его смертельна, и повернул коня, и ускакал. И Оуэн поехал за ним, ибо он не хотел его добивать, но не хотел и упустить. Вскоре он увидел большую сияющую крепость и подъехал к ее воротам, в которые заехал черный рыцарь, но, когда Оуэн хотел последовать за ним, решетка ворот упала прямо на коня Оуэна, разрубив его пополам вместе с седлом и шпорами. И половина коня осталась снаружи, а Оуэн на другой половине оказался зажат между двух ворот, ибо внутренние ворота были закрыты, и он не мог пройти ни вперед, ни назад.

И через решетку он увидел улицу и дома по обеим ее сторонам и еще увидел золотоволосую девушку³²³ с золотым обручем на голове, в платье из желтого шелка и в туфлях из лучшей кордовской кожи. И она подошла к воротам и попросила его открыть их. «Видит Бог, госпожа, – сказал Оуэн, – я не могу открыть для тебя эти ворота, пока ты не откроешь их для меня».

«Поистине жаль, – сказала девушка, – что я не могу выпустить тебя отсюда, поскольку никогда еще я не видела мужа, более любезного моему сердцу. Любой женщине ты мог стать и луч-

---

³²³ Эта девушка, позже названная Линет, возможно, имеет прообраз в Элинед, дочери Брихана, христианской мученице VI в. Красота Линет воспета многими бардами, в том числе Давидом ап Гвиллимом. Во французской артуровской прозе она носит имя Лунетт.

шим другом, и лучшим мужем. Поэтому я сделаю все, что смогу сделать для тебя. Возьми это кольцо, надень его на палец и приложи этот палец к камню позади тебя, и пока ты будешь держать его так, ты останешься невидимым.³²⁴ И когда они придут, чтобы убить тебя в отместку за смерть того человека, то не найдут тебя, а я буду ждать в стороне, и ты увидишь меня, хоть я и не смогу тебя разглядеть. Подойди и положи мне руку на плечо, и я узнаю тебя и выведу отсюда». С этими словами она ушла, а Оуэн сделал все, как она сказала.

И вот люди крепости пришли, чтобы убить Оуэна, но не нашли ничего, кроме половины коня, и были весьма удивлены. Оуэн же подошел к девушке и положил ей руку на плечо, и она тут же встала и пошла, и он пошел за ней, и она подвела его к входу в роскошные покои и отперла дверь, и они вошли и заперли дверь за собой.

И Оуэн оглядел покои и увидел, что они обильно украшены резьбой и всяческими художествами.³²⁵ И девушка разожгла очаг, и принесла серебряный кувшин с водой и полотенце из белого батиста, и дала Оуэну умыться,³²⁶ и поставила серебряный столик с узорами из золота, и накрыла его желтой шелковой скатертью, и приготовила обед. И Оуэну показалось, что он никогда не ел еды вкуснее, чем эта, и нигде не видел такого обилия изысканных яств и напитков. И не было на столе ни одного предмета, сделанного не из золота или же серебра.

И Оуэн ел и пил, пока не стемнело, и вдруг услышал в крепости страшные крики, и спросил девушку, что это. «Это умирает владелец крепости», – ответила она. И Оуэн пошел спать, и ложе, что постлала ему девушка, было не хуже ложа самого Артура, ибо она убрала его алым шелком, и сандалом, и батистом.

И среди ночи вдруг послышались стоны и рыдания. «Что это такое?» – спросил Оуэн. «Владелец крепости умер», – ответила девушка, и через некоторое время они услышали плач множества людей. И Оуэн спросил, что это, и девушка ответила: «Они несут тело отпевать в церковь».

Тогда Оуэн встал, и оделся, и распахнул окно палаты, и взглянул на крепость, и не увидел конца и края толпы, что заполняла улицу, и там были вооруженные мужчины, и женщины, и монахи со всего города. И ему показалось, что небо расколосось от стенаний, и от плача, и от церковного пения.

В середине же толпы стоял гроб, накрытый белой тканью, и вокруг горели восковые свечи, и у гроба не было человека менее знатного, чем барон.

И Оуэну показалось, что он никогда не видел сборища людей, одетых богаче, чем эти люди в шелках и парче. И среди них увидел он золотоволосую даму с волосами, распущенными по плечам, с лицом, расцарапанным в кровь, и в изодранном богатом платье из желтого шелка, на ногах же у нее были туфли из лучшей кордовской кожи. Так сильно сжала она руки, что кровь текла из-под ногтей; и Оуэн никогда не видел дамы прекрасней, чем она. И ее плач и стенания заглушали плач всех других и даже звуки труб.

И, едва увидев даму, он воспылал к ней любовью и спросил девушку, кто она. «Всякий знает, – ответила девушка, – что это прекраснейшая из женщин, самая благородная, и самая знатная, и самая мудрая – моя госпожа, прозванная Хозяйкой Фонтана,³²⁷ и ты вчера убил ее мужа». – «Видит Бог, – сказал Оуэн, – я люблю ее». – «Но Бог свидетель, – сказала девушка, – она никогда не полюбит тебя за то, что ты ей сделал».

И девушка встала, и разожгла очаг, и налила воду из кадки в кувшин, и взяла белое льняное полотенце, и подогрела воду, и помыла Оуэну голову. Потом она открыла шкатулку, и достала оттуда золотую бритву, и сбрила ему бороду, и вытерла лицо и шею полотенцем. И она встала и подала ему обед, и Оуэн опять подумал, что никогда не ел обеда вкуснее, чем этот.

И когда он поел, девушка приготовила для него постель. «Отдыхай, – сказала она, – а потом я приду разделить с тобой ложе». И Оуэн уснул, она же заперла дверь в покои, а сама отправилась

³²⁴ Это кольцо фигурирует у Ненния как одно из тринадцати сокровищ Острова Британии, которыми владел Артур.

³²⁵ Обычай расписывать стены жилищ также пришел в Уэльс извне после XI в.

³²⁶ Буквально: «вымыла ему голову», что было в те времена знаком высшего уважения к гостю.

³²⁷ Здесь она именуется «графиней»; слово это (*iarlles*) происходит от скандинавского «ярл». Возможно, это Пенарвен, дочь Килфинайта, которая была женой Оуэна по данным триад. После ее смерти он женился на Дениу, дочери Ллеуддина Лиддауга; их сыном был святой Кентигерн, основавший кафедральный собор в Глазго.

в крепость. И там она застала печаль и смятение. И госпожа не выходила из покоев, не желая никого видеть в своей печали. И Линет вошла и приветствовала ее, но госпожа даже не ответила. Тогда девушка обиделась и спросила: «Что стряслось с тобой, что ты не желаешь со мной говорить?»

«Линет, – ответила та, – нет у тебя сострадания к моему горю! Я сделала тебя богатой, а теперь ты пришла досаждать мне в моей печали. Увы тебе!» – «По правде говоря, – сказала Линет, – ты ведешь себя неразумно. Было бы лучше для тебя перестать печалиться и поскорее найти себе другого мужа. Ведь этого все равно не вернуть». – «Клянусь Богом, – сказала Хозяйка, – ни один мужчина в мире не заменит мне моего господина». – «Ты можешь найти себе мужа не худшего, чем он», – возразила Линет. «Неужели ты думаешь, – воскликнула Хозяйка, – что моя печаль станет меньше, если я выйду замуж за человека, которого должна убить! Я и тебя убью, если ты станешь предлагать мне подобные вещи. Иди и не заставляй меня прогонять тебя». – «Я рада, – сказала Линет, – что у тебя нет другой причины прогнать меня, кроме нежелания слушать разумный совет. Теперь я уйду и приду к тебе, когда ты одумаешься».

И с этими словами она собралась уходить, но Хозяйка встала, и пошла следом за ней, и на пороге кашлянула. Линет обернулась, и Хозяйка поманила ее назад. «Видит Бог, – сказала Хозяйка, – ты предлагаешь недоброе, но коль уж ты видишь в этом выгоду, растолкуй мне ее».

«С охотой, госпожа, – сказала Линет. – Ты знаешь, что только сила и доблесть способны отстоять твои владения. Поэтому тебе нужно как можно скорее найти самого сильного и доблестного мужа». – «Как же это сделать?» – спросила Хозяйка. «Я скажу тебе. Нельзя сберечь твои владения, не охраняя фонтан. Охранять же его может только кто-нибудь из рыцарей императора Артура. И я отправлюсь ко двору Артура, – сказала Линет, – и клянусь, что приведу оттуда рыцаря, который сможет охранять фонтан столь же доблестно, как и тот, кто охранял его раньше». – «Поистине, это нелегко, – сказала Хозяйка, – но иди и сделай так, как обещаешь».

И Линет ушла будто бы ко двору Артура, а сама пошла в верхние покои к Оуэну. И там она пребывала вместе с ним, пока не настало время ей возвращаться от Артура. И тогда она оделась и отправилась к Хозяйке, и та возрадовалась, увидев ее. «С какими новостями ты вернулась?» – спросила она. «Поистине, госпожа, с самыми хорошими, – ответила Линет, – я выполнила то, что обещала. Желает ли ты видеть рыцаря, что пришел со мной?» – «Приведи его завтра, – сказала Хозяйка, – а за это время я подготовлю ему встречу».

И в середине следующего дня Оуэн надел кафтан и плащ из желтого шелка с широкой золотой каймой и сапоги из лучшей кордовской кожи с пряжками в виде золотых львов, и они с Линет вошли в покои Хозяйки. И та внимательно посмотрела на Оуэна. «Линет, – сказала она, – непохоже, чтобы этот рыцарь прошел долгий путь». – «Ну и что с того, госпожа?» – «Клянусь Богом, – сказала Хозяйка, – не кто иной, как он, лишил жизни моего господина». – «Это и лучше для тебя, госпожа, – сказала Линет, – значит, он не слабее, чем был твой муж. Забудь прошлое и подумай о будущем». – «Идите, – сказала Хозяйка, – я должна созвать совет».

И она на следующий день созвала всех своих людей и сказала им, что ее владения остались без защиты и что отстоять их можно лишь силой и доблестью. «И потому выбирайте: взять меня в жены кому-нибудь из вас или отдать чужеземцу, который сможет защитить меня». И они решили отдать ее чужеземцу. Тогда она призвала к себе епископов и архиепископа, и они обвенчали ее с Оуэном,³²⁸ и все ее люди принесли Оуэну клятву верности.

И Оуэн охранял фонтан копьем и мечом и всех рыцарей, приходивших туда, повергал наземь и брал с них полный выкуп, и слава о нем разнеслась среди людей его владений, и не было человека, которого они бы любили больше. И так прошло три года.

И в один из дней Гвальхмаи гулял вместе с императором Артуром и увидел, что тот крайне опечален. И Гвальхмаи встревожился, увидев Артура в таком состоянии, и спросил его: «Государь, что с тобою?» – «Видит Бог, Гвальхмаи, – ответил Артур, – я тоскую по Оуэну, который пропал вот уже три года назад, и если на четвертый год я не увижу его, то моя душа расстанется с телом. И мне ведомо, что Оуэн покинул нас из-за рассказа Кинона, сына Клиддно». – «О государь, – сказал Гвальхмаи, – ты можешь призвать своих рыцарей к оружию, чтобы они могли отомстить за смерть Оуэна, если он убит, или освободить его, если он томится в плену, или оты-

³²⁸ Единственное упоминание церковного брака на страницах «Мабиногион».

скасть его, если он жив и здоров».

Так они и сделали, и Артур со своими рыцарями отправился на поиски. А было их три тысячи, не считая тех, кто ехал в обозе. Вел их Кинон, сын Клиддно, и они пришли в крепость, где побывал Кинон; и когда они туда пришли, юноши стояли там же, метая ножи в цель, и золотоволосый муж так же стоял рядом с ними. Увидев Артура, он приветствовал его и пригласил войти, и Артур принял приглашение, и они вошли в крепость. И хотя их было много, они свободно разместились в этой крепости, и девы приветствовали их, и все пиры, на которых они бывали, померкли в сравнении с пиром, что устроили им девы; и даже сам Артур не видел при своем дворе таких пиров.

На другой день Артур утром встал, и снарядился в дорогу, и взял с собою Кинона. И они добрались до места, где сидел черный человек, и Артур подивился его обличью. И вот они спустились с холма, и подъехали прямо к зеленому дереву, и увидели там фонтан, и мрамор, и чашу. Тут Кай приблизился к Артуру и сказал ему: «Государь, я знаю причину нашего похода; позволь же мне вылить воду из чаши, и посмотрим, что из этого выйдет».

И Кай выплеснул воду из чаши, и тут же раздался гром, и поднялась буря, сильнее которой они никогда не видели, и некоторые спутники Артура были убиты градом. Когда же буря улеглась и небо прояснилось, они взглянули на дерево и не увидели на нем ни единого листка. И прилетели птицы, и уселись на ветки, и запели, и им показалось, что они никогда не слышали более сладкого пения. И тут они увидели рыцаря на вороном коне в черных латах, который стремительно мчался на них. И Кай встретился с ним, и сразился, и через короткое время был повергнут на землю. Затем рыцарь ускакал, а Артур со всеми людьми вернулся в лагерь.

И, приехав туда на следующее утро, они застали там того же рыцаря с боевым вымпелом на копье. И Кай обратился к Артуру: «Государь, вчера я потерпел неудачу, и не позволишь ли ты мне снова сразиться с этим рыцарем?» – «Хорошо», – сказал Артур. И Кай опять вступил в бой с рыцарем, и тот сразу же поверг его наземь, и ударил по голове древком копья так, что рассек шлем, подшлемник, кожу и мясо до кости. И Кай едва смог вернуться к своим спутникам.

И воины Артура каждый день один за другим выходили на бой с этим рыцарем, пока он не одолел всех, кроме самого Артура и Гвальхмаи. И Артур сам собрался биться с рыцарем. «Господин, – сказал Гвальхмаи, – позволь мне первому сразиться с ним». И Артур разрешил ему, и он выехал на поединок в шелковом одеянии, которое прислала ему дочь графа Анжу,³²⁹ так что никто из рыцарей не узнал его. И они съехались и бились до конца дня, и никто из них не смог одержать верх.

И на следующий день они бились острыми копьями,³³⁰ и опять никто не одержал победы. И на третий день они снова съехались, вооруженные копьями, и бились до середины дня, и наносили друг другу такие удары, что у обоих лопнули подпруги, и они свалились с коней. Тогда они поднялись, и обнажили мечи, и вновь стали биться. И всем, кто их видел, показалось, что никогда еще они не встречали мужей такой мощи и доблести. Когда же спустились сумерки, они продолжали биться при свете искр, высекаемых их мечами. Наконец рыцарь нанес Гвальхмаи удар, сбивший шлем с его лица, и узнал его. И Оуэн сказал: «О Гвальхмаи, я не узнал тебя из-за этой одежды, хоть ты и мой родич.³³¹ Возьми же мой меч и мои доспехи». – «Нет, Оуэн, – возразил Гвальхмаи, – ты победил, поэтому возьми мой меч».

И Артур, увидев это, подошел к ним. «Государь, – сказал ему Гвальхмаи, – Оуэн победил меня и не хочет взять мое оружие». – «Нет, государь, – сказал Оуэн, – это он не хочет принять мой меч, хотя победа досталась ему». – «Дайте ваши мечи мне, – промолвил Артур, – ибо никто из вас не одержал победы». Тогда Оуэн обнял императора Артура, и они приветствовали друг друга, и все рыцари подошли к ним, толкаясь, чтобы поскорее обнять Оуэна, и в этой давке многие едва не лишились жизни.

И эту ночь они провели в лагере, а наутро император Артур собрался уезжать. «Государь, –

³²⁹ Y rangyw – испорченное уг Angyw, «Анжу».

³³⁰ Попытка передачи на валлийском специфических терминов, относящихся к рыцарскому оружию.

³³¹ Отец Оуэна Уриен и отец Гвальхмаи Лот (Ллеу) считались, по данным валлийских родословных, сыновьями Кинварха, сына Мейрхиона.

сказал Оуэн, – не делай этого. Три года назад я оставил тебя и теперь живу здесь. И все это время я готовился к встрече с тобой, ибо знал, что когда-нибудь ты захочешь повидать меня. Пойдем со мной, чтобы и ты, и твои люди могли отдохнуть и смыть дорожную пыль».

И все они двинулись в крепость Хозяйки Фонтана, и три месяца длился пир, устроенный для них после трех лет подготовки. И никогда они не видели пира лучшего, чем этот. Наконец Артур решил вернуться и попросил Хозяйку отпустить Оуэна с ним на три месяца, чтобы мог он навеситить друзей и родных на Острове Британии, и Хозяйка согласилась, хотя на сердце у нее было тяжело.

И Оуэн поехал с Артуром, и встретился со своими друзьями и родичами, и провел там три года вместо трех месяцев. И вот однажды, когда Оуэн пировал при дворе императора Артура в Каэрлеоне, к ним подъехала дева на гнедой лошади с завитой кольцами гривой, спускающейся до земли. Одета она была в платье из желтого шелка, а уздечка и седло лошади сделаны из чистого золота. И она подошла к Оуэну и сняла с его пальца кольцо. «Будь проклят, лжец и предатель!» – сказала она ему, повернула лошадь и ускакала. Тут Оуэн вспомнил о своей жене, и опечалился, и, закончив есть, удалился в свои покои, и не мог уснуть всю ночь.

Наутро же он поднялся и поехал не ко двору Артура, а в отдаленные части света, в пустынные горы. И там он скитался, пока одежда его не износилась, тело высохло, а волосы поседел. И он жил среди диких зверей и приручал их, пока они не привыкли к нему. Наконец он ослабел так, что не мог уже там находиться, и тогда он спустился в долину и увидел там прекраснейший в мире сад, которым владела вдовствующая графиня.

И вот графиня со своими служанками вышла на прогулку в сад, и они углубились в него и увидели существо, напоминающее человека, слабое и больное, и они подошли к нему с заботой и жалостью. Увидев, что он до предела истощен, графиня вернулась в дом, и взяла шкатулку с мазью, и дала ее одной из служанок. «Иди, – велела она ей, – и возьми коня и одежду, и оставь все это рядом с человеком, который лежит там, и смажь его этой мазью. Если он еще жив, то он поправится».³³²

И служанка пошла, и смазала его мазью, и оставила ему коня и одежду, а потом отошла и принялась наблюдать за ним. Через некоторое время она увидела, что он поднял руки, и встал, и оглядел себя, и устыдился, увидев, сколь жалкое зрелище он из себя представляет. Потом он подошел к коню и отвязал от седла приготовленную для него одежду. И он надел ее и с трудом взобрался на коня. Тогда девушка вышла и приветствовала его, и он был рад, увидев ее, и спросил, в чьих владениях он находится. «По правде говоря, – ответила она, – этим садом владеет вдовствующая графиня. Когда ее муж умер, то оставил ей два графства, но все, кроме этого дома, отнял у нее молодой граф, ее сосед, после того, как она отказалась стать его женой». – «Поистине, это печально», – сказал Оуэн, и девушка отвела его в его покои, и разожгла очаг, и вышла.

И она пришла к графине, держа в руках шкатулку. «Скажи мне, – спросила графиня, – всю ли мазь ты истратила?» – «Да, госпожа», – ответила служанка. «Нелегко мне истратить семь фунтов превосходной мази на человека, которого я вижу впервые. Но ухаживай за ним хорошенько, и пусть он ни в чем не нуждается».

И служанка ходила за ним, и готовила для него еду, и питье, и постель, и баню, пока он не выздоровел, и стригла его волосы. И так продолжалось три месяца, пока кожа его не побелела, как раньше.

И однажды он услышал в доме шум и великий переполох и увидел, как несут оружие. «Что это за шум?» – спросил он служанку. «Это граф, о котором я тебе говорила, пришел с большим войском, чтобы погубить мою госпожу». Тогда Оуэн спросил ее: «Найдутся ли у графини конь и оружие?» – «У нее лучшие кони и оружие в мире», – ответила она. «Попроси у нее коня и оружие для меня, чтобы мог я выйти против этого войска». – «С радостью», – сказала служанка, и пошла к графине, и передала ей этот разговор. Графиня в ответ рассмеялась. «Клянусь Богом, – сказала она, – я дам ему лучших коня и оружие, какие он когда-либо имел, но мне жаль, что все это достанется моим врагам, ибо ему ни за что не одолеть их». И ему привели превосходного вороного коня из Гасконии и принесли седло, и оружие, и доспехи.

И Оуэн снарядился, и оседлал коня, и выехал в поле вместе с двумя пажам. И они подъеха-

³³² Приготовление мазей и целебных настоев было частью образования, получаемого знатными дамами в раннем средневековье, когда это еще не ассоциировалось с колдовством.

ли к войску, у которого не было видно ни начала, ни конца, и Оуэн спросил пажей, где находится сам граф. «Он там, где подняты четыре золоченых стяга, – ответили они, – два впереди него и два позади». – «Хорошо, – сказал Оуэн, – возвращайтесь и ждите меня у ворот». Они вернулись, а Оуэн ворвался в гущу войска, и достиг графа, и выхватил его из седла, и бросил на своего коня, и вместе с ним подъехал к воротам дома, где ждали его пажи. И они вошли в дом, и Оуэн опустил графа к ногам графини и сказал ей: «Вот тебе награда за чудесную мазь, которой ты вылечила меня».

Тогда войско графа отступило от дома и он вернул ей два графства в обмен на свою жизнь, а за свою свободу он отдал ей половину собственных владений и все свое золото, и серебро, и драгоценности, и заложников. Оуэн же собрался, и, хотя графиня предложила ему взять ее в жены вместе со всеми владениями, он хотел лишь добраться до пустынных гор в отдаленных краях.

И по пути он услышал среди леса громкий крик, и другой, и третий. И он устремился на этот крик и увидел в лесу высокий холм с серым камнем на вершине, а в камне была трещина, и в нее провалился белый лев, вокруг которого обвилась змея. И когда лев пытался выбраться, змея жалила его, и он кричал. Тут Оуэн выхватил меч и, взобравшись на холм, ударил змею мечом так, что разрубил ее пополам. И он вытер меч и вернулся к своему коню, когда увидел, что лев следует за ним и бежит вокруг него, словно борзая. И так они путешествовали весь день до вечера. И когда пришло время ночлега, Оуэн спешился и пустил лошадь на поляну пасть, а сам развел костер, и, пока он собирал топливо, лев исчез и вернулся с большой косулей. Он положил ее к ногам Оуэна, а сам улегся у огня; и Оуэн взял косулю, и освеживал ее, и стал жарить, а половину мяса отдал льву.³³³

И в это время невдалеке он услышал жалобный стон, и другой, и третий. И Оуэн спросил, человек ли это стонет. «Да, я человек», – ответил ему голос. «И кто же ты?» – спросил он. И голос сказал: «Я заточена здесь из-за рыцаря, которого привела от двора императора Артура, чтобы стал он мужем моей госпожи. И он краткое время жил с ней, а после ушел назад к Артуру и не вернулся. Я же любила его больше всех на свете, и вот двое пажей моей госпожи стали поносить его в моем присутствии, называя предателем и лжецом, тогда я сказала, что они вдвоем не стоят его одного. И они заточили меня здесь и сказали, что мне не выйти отсюда живой, если он не придет и не освободит меня до назначенного ими дня. До этого дня осталось двое суток, и я не знаю, где он. Имя его – Оуэн, сын Уриена».

И когда мясо было готово, он разделил его с Линет, и они поели и после этого проговорили до утра. Наутро Оуэн спросил, может ли он отыскать поблизости еду и ночлег. «Да, господин, – сказала она, – поезжай по этой дороге через реку, и там ты увидишь большую крепость. Граф, что ею владеет, с радостью даст тебе лучшие в мире еду и кров». И никто никогда не охранял своего господина так верно и бдительно, как лев охранял Оуэна той ночью.

И Оуэн снаряжился, и поехал по дороге, пока не увидел крепость, и вошел в нее. И его встретили с почетом, и взяли его коня, и подали ему лучшую еду. Лев же улегся у стойла коня, так что никто из людей крепости не мог к нему подойти. И Оуэн подумал, что нигде его не принимали лучше, чем в этом месте, но все его жители были так печальны, будто их ждала скорая смерть. И вот они сели за стол, и по другую – дочь графа, дева, красотой превосходившая всех, кого видел Оуэн. Лев лежал у ног Оуэна под столом, и он бросал ему по куску от каждого блюда. И Оуэн удивился, что эти люди опечалены, и вот среди еды граф обратился к нему.

«Долго же ты ждал времени заговорить», – сказал ему Оуэн. «Господин, не ты так опечалил нас, но случившееся с нами горе». – «Что же это?» – спросил Оуэн. «У меня двое сыновей, и вчера они отправились на охоту, и злодей убил их слуг и унес моих сыновей. И он назначил день, когда я должен отдать ему эту деву, иначе он убьет моих сыновей у меня на глазах. И хотя по обличью это человек, но ростом великан».

«Поистине это печально, – сказал Оуэн. – Что же ты думаешь делать?» – «Видит Бог, – сказал граф, – не знаю, что хуже для меня: отдать ему на смерть моих сыновей, чтобы он растерзал их у меня на глазах, или отдать мою дочь ему на позор и поругание». И они заговорили о другом, а потом пошли спать. И утром их разбудил сильный шум; это пришел великан, принесший с собой сыновей графа. И граф поднялся на стену, чтобы увидеть своих сыновей. Оуэн же вооружился и

³³³ Это приключение со львом описывается и в поэме Кретьена де Труа; благодаря ему Оуэн получил прозвище «Рыцарь Льва». В «Смерти Артура» оно произошло с Персивалем (Передуром).

вышел против великана вместе со львом. И, увидев это, тот бросился на него, и они стали биться. И лев сражался с великаном даже храбрее, чем Оуэн. Тогда великан сказал: «Если бы не твой зверь, я легко бы одолел тебя». Поэтому Оуэн завел льва в крепость, и запер за ним ворота, и опять стал сражаться. И лев сидел там, пока не увидел, что Оуэн слабеет; и тогда он вбежал в покои графа, оттуда прыгнул на стену, а со стены вниз. И он ударил великана лапой и разорвал его пополам так, что вывалились внутренности, и великан упал замертво.

И Оуэн вернул графу его сыновей, и граф пригласил его войти, но Оуэн отказался и поехал прямо туда, где томила Линет. И там он увидел разожженный костер и двух юношей, которые намеревались бросить девушку в этот костер. И он спросил, в чем она провинилась перед ними. Они же рассказали о их споре с ней: «И вот Оуэн не пришел к ней, и мы сейчас предадим ее смерти». – «По правде говоря, – сказал Оуэн, – я знаю его как достойного рыцаря, и мне странно, что он не пришел спасти ее. Но, если вы согласитесь, я сражусь с вами вместо него». – «Мы согласны», – сказали они и напали на него с оружием, пытаясь убить. Тогда лев кинулся на помощь Оуэну, и они вдвоем стали теснить юношей, и те сказали: «Господин, мы сражаемся с тобой, а не с этим зверем, и без него мы легко одолели бы тебя». Поэтому Оуэн отвел льва туда, где была заточена девушка, и завалил вход камнем; сам же опять стал сражаться. Но он еще не оправился после боя с великаном, и пажы начали одолевать его. Лев же долго метался, и в конце концов отвалил камень, и побежал к ним, и убил обоих юношей. И так они спасли Линет от неминуемой смерти.

И после Оуэн и Линет отправились к Хозяйке Фонтана, и, когда они приехали туда, он увез графиню с собой ко двору Артура, и она оставалась его женой, пока он был жив.

И после этого он поехал во владения Черного Лиходея,³³⁴ и сразился с ним, и лев не оставил Оуэна и в этой битве. И во дворце Черного Лиходея он увидел зал, где сидели двадцать четыре дамы, самые прекрасные из всех, каких он когда-либо видел. И платья их были дороже двадцати четырех слитков серебра, и были они охвачены тоской и тревогой. И Оуэн спросил, из-за чего они так опечалены, и они ответили, что все они жены графов и явились сюда вместе со своими мужьями. «И вот когда мы пришли, нас приняли с величайшим почетом, и накормили, и напоили допьяна. И, пока мы били пьяны, пришел тот дьявол, что владеет этим дворцом, и убил наших мужей, и забрал их коней, и одежду, и золото, и серебро, и бросил их тела в этом дворце среди множества других. Это и есть причина нашей печали, а теперь мы печалимся и о тебе, поскольку и тебе не избежать их участи».

И Оуэн в гневе вышел из дворца и увидел рыцаря, который приблизился к нему и радушно его приветствовал. И он понял, что этой есть Черный Лиходей. «Видит Бог, – сказал Оуэн, – ты не порадуешься моему приходу». – «Видит Бог и то, – сказал тот, – что тебе не добиться того, за чем ты пришел». И они без промедления бросились друг на друга и стали биться, и Оуэн сбросил его с коня и прижал к земле. И Черный Лиходей запросил пощады и сказал ему: «Господин мой Оуэн, ты пришел, чтобы одолеть меня, и тебе это удалось. Я правил здесь и многим причинил зло, но, если ты сохранишь мне жизнь, я превращу свой дом в госпиталь³³⁵ для старых и больных до тех пор, пока буду жив, во спасение своей души». И Оуэн отпустил его и провел ночь в его дворце.

И на следующий день он вывел из дворца двадцать четыре дамы, и взял их коней, и одежду, и все, чем они владели, и с ними вместе отправился ко двору Артура, и Артур был рад его приезду еще больше, чем раньше. И тем из дам, кто пожелал остаться у него при дворе, Артур разрешил остаться, а тем, кто пожелал уйти, позволил уйти.

И с тех пор Оуэн был предводителем рыцарей императора Артура, пока не вернулся в свои владения. И ему служили три сотни воронов из Кинверхина,³³⁶ и с ними он побеждал всех. И на этом кончается история о Хозяйке Фонтана.

³³⁴ Черный Лиходей (Ddu Traws), от глагола *treisio* – «угнетать, творить зло».

³³⁵ Имеется в виду «госпиталь» (*uspytty*) – замок рыцарей-госпитальеров. Эти замки должны были, согласно уставу ордена, давать приют больным и старым (прежде всего рыцарям), но зачастую становились гнездами разбоя, что отражено в повести.

³³⁶ См. примеч. к «Видению Ронабви».

Передур, сын Эвраука³³⁷

Граф Эвраук владел землями Севера,³³⁸ и было у него семь сыновей. И большую часть времени граф проводил не в своих владениях, но в войнах и турнирах³³⁹ и, как это часто случается с любителями подобных занятий, однажды он был убит вместе с шестью своими сыновьями. Седьмого его сына звали Передур,³⁴⁰ он был самым младшим и потому не отправился в поход. Иначе и его бы убили вместе с отцом и братьями.

Мать его была женщиной благоразумной и осмотрительной, и ее весьма беспокоила судьба сына. Поэтому она решила отослать его в глухое и отдаленное место, где никто не жил, и там с ним не было никого, кроме женщин, детей и убеленных сединами старцев, не способных к войне. И никто из них в присутствии мальчика не смел даже упомянуть о конях или оружии, чтобы он ничего не узнал об этом.

Мальчик же каждый день убегал в лесную чащу играть и стрелять из лука. И однажды он увидел, что к стаду коз, принадлежащих его матери, подошли две оленихи, и удивился, что у них нет рогов, и решил, что они заблудились в лесу и обломали рога о деревья. И со всех ног он пустился бежать за оленихами, пока не загнал их на опушку леса, где стоял его дом. И Передур пришел к матери. «Мама, – сказал он, – странную вещь я видел. Две твои козы заблудились и обломали себе рога, и они бегают так быстро, что я с трудом догнал их». Тогда все встали, и пошли посмотреть на коз, и увидели, что это оленихи, и весьма поразились, что мальчик смог их догнать.

В один из дней увидели они трех всадников, едущих по дороге вдоль леса. Вот кто были эти всадники: Гвальхмай, сын Гвиара, Гвайр, сын Гвистила, и Оуэн, сын Уриена, и странствовали они в поисках рыцаря, что разрезал золотые яблоки при дворе Артура.³⁴¹

«Мама, – спросил Передур, – кто это там?» – «Это ангелы, сын мой³⁴²» – ответила она. «По правде говоря, – сказал Передур, – мне тоже хотелось бы стать ангелом и отправиться с ними». И он вышел к ним на дорогу. «Скажи, друг мой, – спросил его Оуэн, – не видел ли ты здесь рыцаря нынче или вчера?» – «Я не знаю, что такое рыцарь», – сказал Передур. «Это такой же человек, как я», – сказал ему Оуэн. «Что ж, если ты ответишь на мои вопросы, то я отвечу на твой». – «Я с радостью отвечу тебе», – сказал Оуэн. «Что это?» – спросил тогда Передур, указывая на седло. «Это седло», – ответил Оуэн. И так Передур узнал названия всего, что было на людях и конях, и назначение всех этих вещей. Тогда он сказал им: «Действительно, я видел нечто похожее на то, о чем вы спрашиваете. Поезжайте, и я поеду с вами и буду рыцарем».

³³⁷ Текст повести о Передуре дошел до нас в двух версиях в КК и БК, значительно различающихся не только орфографией, но и составом; отдельные эпизоды, встречающиеся в одном тексте, отсутствуют в другом. Кроме того, в БК содержатся два отрывка повести, также представляющие собой самостоятельные варианты. В целом повесть громоздка, отягощена дополнительными сюжетами и полна несоответствий, что позволило ряду ученых предположить, что она является просто переводом на валлийский язык частей артуровского эпоса. Однако образ Передура, хотя и не столь известный, как образ Оуэна, имеет, несомненно, валлийское происхождение, как и другие персонажи повести. Но, кроме этого, все здесь – описания оружия и доспехов, форма диалогов, отношения героев – проникнуто колоритом рыцарского романа; кельтский дух, еще присутствующий в «Оуэне», здесь почти исчезает. По выражению Т. П. Эллис и Дж. Ллойда «естественная красота валлийской словесности принесена в жертву новому литературному шаблону». Однако, если заглянуть глубже, история о приключениях Передура – это классическая волшебная сказка, описывающая подвиги юного героя (имеющего черты фольклорного «дурня») в поисках чего-либо. Что ищет Передур здесь – не вполне ясно; в последующем артуровском эпосе предмет его поисков – загадочный Святой Грааль, которого он в конце концов и достигает, как достойнейший из рыцарей Артура.

³³⁸ Север (у Gogledd) был местом, к которому относили деятельность легендарного бриттского вождя Эвраука, эпонима города Йорк (Eboracum); его имя означает «золото» и, возможно, является эпитетом солнечного божества.

³³⁹ Монашеское осуждение времяпровождения рыцарей, обычное для средневековой литературы.

³⁴⁰ Передур упоминается в поэме Анейрина как один из павших в битве с саксами при Каттрайте; многие барды говорят о нем как об одном из храбрейших рыцарей Артура, придавая ему эпитеты «Длинного Копья» или «Стальной Руки».

³⁴¹ Этот сюжет до нас не дошел.

³⁴² Уподобление кого-либо ангелам (с целью скрыть их подлинную суть от несведущего юноши) встречается в ряде памятников средневековой литературы.

После этого Передур вернулся к матери и сказал ей: «Мама, это не ангелы, а славные.³⁴³ рыцари». Услышав это, мать его лишилась чувств, а Передур пошел прямо туда, где были привязаны лошади, что привозили им пищу и питье из населенных мест. И он выбрал тощую серую в яблоках лошаденку, что показалась ему самой крепкой, и придавил ее вьючным седлом, и соорудил из веток подобие сбри, какую он видел на конях рыцарей. И потом он пошел к матери, которая тем временем очнулась. «Теперь ты хочешь покинуть меня, сын мой?» – спросила она. «Да, если ты позволишь, мама». – «Подожди немного и выслушай мои советы». – «С радостью, – сказал он, – только говори побыстрее». – «Поезжай ко двору Артура, – сказала она ему, – ибо там собрались лучшие мужи, благороднейшие и храбрейшие. Если ты увидишь по пути храм Божий, остановись и помолись. Если увидишь пищу и питье, в которых нуждаешься, возьми их, коль это не нарушит приличий. Если услышишь крик о помощи, особенно женский, иди и помоги. Если увидишь драгоценную вещь, возьми ее и отдай бедняку; так ты заслужишь уважение. Если увидишь красавицу, служи ей, даже если она того не хочет; так ты прославишься как благородный муж»³⁴⁴

И, выслушав это, Передур сел на своего коня и, взяв заточенное копье, отправился в путь. Два дня и две ночи ехал он по глухому лесу без пищи и без питья. И вот он увидел в лесу дивную поляну, и на поляне стоял шатер; он подумал, что это храм, и помолился. После этого он подошел к шатру, и поднял полог, и увидел у самого входа золотой стул, на котором сидела прекрасная дева с каштановыми волосами, перевязанными золотой лентой, украшенной самоцветами, и на пальце у нее было большой золотое кольцо. И Передур спешился и вошел в шатер, и дева с радостью приветствовала его. В шатре он увидел стол, и на столе два кувшина с вином, и две булки белого хлеба, и жареное мясо. «Моя мама, – сказал Передур, – советовала мне брать еду и питье там, где я их увижу». – «Бери все, что тебе нужно, господин», – сказала дева, и Передур подошел к столу и взял половину еды и вина, оставив другую половину деве. Поев, он преклонил колени перед девой и сказал: «Моя мама советовала мне взять драгоценную вещь, если я ее увижу». – «Возьми ее, господин, – сказала дева, – я не откажу тебе». И Передур снял с ее пальца кольцо, поднялся с колен, поцеловал деву и поехал дальше.

И тут вернулся рыцарь, что владел шатром, а звали его Рыцарь Поляны. И, увидев следы копыт, он спросил деву: «Скажи, кто был здесь в мое отсутствие?» – «Человек странного поведения», – ответила она и описала, как Передур выглядел и что делал. «Скажи мне, – спросил он тогда, – не чинил ли он тебе какого-либо насилия?» – «Да нет, – ответила она, – ничего плохого он мне не сотворил». – «Клянусь, я не верю тебе, – воскликнул он, – и, пока я не отыщу его и не отомщу за свое бесчестье, я не вернусь под одну крышу с тобой». И рыцарь встал и отправился искать Передура.

А Передур тем временем ехал ко двору Артура, но раньше его туда явился другой рыцарь и прошел прямо в зал, где были Артур со своими людьми и Гвенвифар с ее служанками. И паж двора подавал Гвенвифар золотой кубок с вином. Тут рыцарь подошел к Гвенвифар, вырвал у нее из рук кубок, и выплеснул вино ей в лицо, и ударил ее по лицу, и после этого сказал: «Если среди вас найдется смельчак, который заберет у меня этот кубок и отомстит за обиду Гвенвифар, то я буду ждать его в поле».³⁴⁵ И он сел на коня и выехал в поле; они же все потупили взоры, ибо не могли отомстить за обиду Гвенвифар этому рыцарю, искусному в чарах и колдовстве.

И тут Передур подъехал к воротам на своей костлявой лошаденке, отдал золотое кольцо привратнику, впустившему его, и вошел в зал, среди пышности которого он выглядел весьма странно и нелепо. В середине зала стоял Кай, и Передур спросил у него: «Скажи, где мне найти

³⁴³ Собственно, «посвященные» (в рыцари).

³⁴⁴ Наставления матери Передуру представляют своеобразный «кодекс чести» рыцаря, сформировавшийся к тому времени в европейской литературе. Ее совет «служить» красавицам, т. е. проявлять к ним куртуазную любовь, отчасти объясняет последующее странное поведение Передура с женщинами. Он кажется каким-то ловеласом, в то время как уже в этой повести отразилось представление о нем как о девственнике, связанное с его поисками Святого Грааля в артуровском эпосе (сюжет о его женитьбе на императрице явно случаен). Так, в триаде № 86 Передур упоминается как один из троих, стяжавших Грааль, и говорится, что он был «девственен телом». Но для кельтской традиции такое качество героя вовсе не считалось добродетелью; отсюда постоянные противоречия в тексте.

³⁴⁵ Здесь и далее словом «поле» (gweirglodd) обозначается площадка перед замком, на которой происходили поединки рыцарей.

Артура?» – «Что тебе нужно от Артура?» – спросил Кай. «Моя мама велела мне отправиться ко двору Артура, чтобы стать славным рыцарем». – «По правде говоря, – сказал Кай, – с такими конем и оружием не годится приезжать ко двору Артура». Тогда Передура обступили пажи, которые стали всячески задирать и дразнить его, радуясь такому развлечению.

Тут вошел карлик, который вместе с женой своей карлицей пришел за год до того ко двору Артура и попросил приюта. И за весь этот год они оба не сказали никому ни единого слова. Теперь же карлик, увидев Передура, вдруг воскликнул: «Храни тебя Бог, славный Передур, сын Эвраука, начальник воинов и цвет рыцарства!» – «Поистине странно, – сказал Кай, – что ты целый год молчал, словно немой, когда вокруг тебя были Артур и его славные рыцари, а с этим бродягой говоришь и величаешь его начальником воинов и цветом рыцарства». И он ударил карлика по лицу так, что тот свалился без чувств.

Тут вошла карлица и тоже воскликнула: «Храни тебя Бог, славный Передур, сын Эвраука, начальник воинов и цвет рыцарства!» – «Ах ты, негодная карлица, – сказал Кай, – ты год прожила при дворе Артура, не перемолвившись ни с кем и словом, а сегодня вдруг заговорила с этим бродягой». И он пнул ее так, что она упала без сознания.

«Эй, Верзила, – спросил тут Передур, – покажешь ты мне наконец Артура?» – «Брось клянуть, – прикрикнул на него Кай. – Иди в поле, где ждет тебя рыцарь, сбей его с коня, забери у него кубок и возьми себе его коня и оружие – вот тогда ты заслужишь звание рыцаря». – «Ладно, Верзила, – сказал Передур, – я пойду и сделаю это». И он повернул коня и поехал в поле.

Когда он приехал туда, там восседал на коне рыцарь, гордый и уверенный в своей непобедимости. «Эй ты, – спросил его рыцарь, – не видел ли ты какого-нибудь рыцаря, желающего сразиться со мной?» – «Там был Верзила, – сказал Передур, – и он послал меня сбить тебя с коня и забрать у тебя кубок, коня и оружие». – «Хватит молоть чепуху, – сказал рыцарь, – лучше поезжай назад и скажи Артуру, чтобы он сам или кто другой выходили сражаться со мной, да побыстрее, иначе я не стану их ждать». – «Да нет, – сказал Передур, – я действительно хочу забрать у тебя кубок и оружие, добровольно или силой». Тогда рыцарь в гневе замахнулся и со всех сил ударил Передура по шее древком копья. «Э, брат, – сказал Передур, – слуги моей матери не так играли со мной. Сейчас покажу тебе, как надо бить». И он ударил рыцаря копьем в глаз так, что оно вышло из основания шеи, и рыцарь упал на землю мертвым.

«По правде говоря, – сказал тем временем Оуэн, сын Уриена, – ты, Кай, зло подшутил над этим простаком, послав его против рыцаря. Ведь с ним произошло одно из двух: или он убит, или пленен. Если рыцарь взял его в плен, то он признал его за рыцаря, равного по чести, и мы должны выкупить его. Если же он убит, то мы должны похоронить его, поскольку грех его смерти лежит и на нас. И я клянусь, что не вернусь, пока не узнаю, что с ним случилось».

И Оуэн поехал в поле и увидел там Передура, волокущего за собой тело рыцаря. «Что ты делаешь с ним?» – спросил Оуэн. «Хочу снять с него эти железки,³⁴⁶ – ответил Передур. – По-моему, они ему больше не понадобятся». Тогда Оуэн снял с убитого доспехи и оружие. «Вот тебе конь и оружие лучше, чем были у тебя, – сказал он Передуру. – Бери их и пойдем к Артуру, где тебя прославят как самого доблестного рыцаря». – «Я не пойду туда, где меня оскорбили, – возразил Передур. – Отнеси этот кубок Гвенвифар и скажи Артуру, что везде, где я буду, я стану нести его службу и прославлять его имя. И еще скажи, что я не вернусь к его двору, пока не отомщу Верзиле за обиду, что он нанес карлику и карлице». И Оуэн вернулся ко двору и передал сказанное Артуру, и Гвенвифар, и всем рыцарям.

Передур же поехал дальше. И по пути ему встретился рыцарь. «Откуда ты едешь?» – спросил рыцарь. «От двора Артура», – ответил Передур. «Ты что, из людей Артура?» – спросил тот. «По правде говоря, да». – «Зря ты признался в этом мне». – «Почему же?» – удивился Передур. «Потому что я враг Артура, – сказал рыцарь, – и убиваю всех его людей, кто мне попадется». И с этими словами он кинулся на Передура, и они сразились, и Передур ударил его так, что тот свалился с коня. Тогда рыцарь попросил пощады. «Я пощажу тебя, – сказал Передур, – если ты отправишься ко двору Артура и передашь ему, что я победил тебя его именем. И еще скажи, что я не вернусь к его двору, пока не отомщу Верзиле за обиду, что он нанес карлику и карлице». Рыцарь пообещал ему это, и поехал прямо ко двору Артура, и передал все, что говорил ему Передур.

³⁴⁶ По английской версии, Персиваль решает, что панцирь составляет часть рыцаря, и несет его хоронить.

А Передур поехал дальше, и в течение недели он победил шестнадцать рыцарей и всех их отослал ко двору Артура с теми же словами, что и первого. И Артур и его рыцари каждый раз корили Кая и весьма его опечалили.

Передур же ехал дальше, пока не достиг обширного и глухого леса, на опушке которого он увидел озеро, а на другой стороне озера – большой замок с высокими стенами. И на берегу озера сидел на шелковых подушках почтенный седовласый старик в богатом наряде, а слуги его рыбачили с лодки. Увидев Передура, старик встал и пошел в замок, и Передур заметил, что он хромает. Передур въехал следом в открытые ворота замка и проследовал в зал. Там у горящего очага сидел тот же седой старик со своими слугами и воинами, и все они встали, приветствуя Передура, и помогли ему слезть с коня и снять доспехи, и старик пригласил его сесть рядом с собой. И они сели рядом и завели разговор, пока не пришло время обеда, а за столом Передур опять сел рядом с хозяином замка.

Когда же они поели, старик спросил Передура: «Умеешь ли ты разить мечом?» – «Нет, не умею, – ответил Передур, – но очень хочу научиться». – «Обращению с мечом, – сказал старик, – учатся сперва на палках». У него же было двое молодых сыновей, один со светлыми волосами, другой – с каштановыми. «Встаньте-ка, ребята, – велел он им, – и поиграйте с палками и щитами». И они встали и начали драться палками. «Скажи, друг мой, – спросил старик Передура, – кто из них, по-твоему, лучше владеет палкой?» – «Мне кажется, – ответил Передур, – что светловолосый юноша легко мог бы победить, если бы захотел». – «Что ж, тогда встань, возьми у юноши с каштановыми волосами палку и попробуй одолеть светловолосого». И Передур встал, взял палку и щит, и вступил в бой со светловолосым юношей, и вскоре ударил его так, что разбил ему лоб и залил все лицо кровью. «Клянусь, друг мой, – сказал тогда старик, – что ты будешь владеть мечом лучше всех на этом острове. Я твой дядя, брат твоей матери, и я обещаю научить тебя обращению с оружием, и обычаям, и манерам. Забудь то, чему учила тебя мать, ибо теперь я буду твоим учителем и сделаю из тебя самого доблестного рыцаря на свете. И если кто-нибудь сумеет победить тебя, то позор поражения ляжет не на тебя, но на меня, твоего учителя». И они еще долго говорили, а потом отправились спать.

Когда же наступило утро, Передур встал и, попрощавшись с дядей, поехал дальше. Он углубился в лес и в конце его увидел поляну, на которой стоял замок, и он подъехал к этому замку и въехал в открытые ворота. И внутри он увидел седого старика, сидящего у очага и окруженного множеством людей. Все они встали, и приветствовали Передура, и помогли ему спешиться, и он сел рядом с хозяином замка и завел с ним разговор. Когда же настало время обеда, Передур сидел за столом рядом со стариком. А когда они закончили есть, старик спросил Передура, умеет ли он обращаться с мечом. «Мне кажется, меня обучили этому», – ответил Передур.

А на полу там лежал кусок железа, такой тяжелый, что его с трудом мог поднять человек. «Возьми этот меч, – велел старик, – и попробуй перерубить вон то железо». И Передур встал и разрубил железо пополам, и меч его сломался. «Сложи куски вместе и соедини их», – посоветовал старик. Передур так и сделал, и куски меча срослись в одно целое. И когда он ударил; второй раз, железо и меч опять раскололись пополам и опять срослись. Когда же он ударил в третий раз, ни железо, ни меч не соединились, сколько он ни прикладывал куски друг к другу. «Что ж, юноша, – сказал тогда старик, – садись. Поистине, ты владеешь мечом лучше всех на этом острове. Две трети своего мастерства ты уже обрел; когда же ты овладеешь и третьей, никто не сможет одолеть тебя. Я твой дядя, брат твоей матери и брат того, в чьем замке ты провел прошлую ночь». И они говорили еще долго.

Тут Передур увидел двух слуг, несущих громадное копьё, с которого на пол стекали три струи крови. Когда же все в зале увидели это копьё, то принялись плакать и причитать так, что горестно было смотреть на них. Однако старик не прервал беседы с Передуром, и тот ничего не спросил, хоть ему и хотелось узнать, что это такое.

И еще через какое-то время в зал вошли две служанки, несущие блюдо, на котором лежала окровавленная человеческая голова. Тогда все, кто был в зале, издали горестный стон, и нелегко было его слушать. После же они успокоились и вернулись к еде и беседе. Наконец для Передура приготовили покои, и он отправился спать.³⁴⁷

³⁴⁷ Весь этот эпизод представляет собой пересечение с легендой о Святом Граале. Под отрубленной головой подразумевается голова Иоанна Крестителя; блюдо с кровью – сам Святой Грааль, чаша, в которую Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа, а копьё – знаменитый Сангрель, которым был ранен Спаситель на кресте, реликвия, по преда-

Когда наступило утро, Передур встал и, попрощавшись с дядей, поехал дальше. И, углубившись в лес, услышал он крик о помощи. Он направил коня к месту, откуда доносился крик, и увидел там прекрасную даму с каштановыми волосами, что склонилась над телом мужчины и пыталась поднять его на коня, но оно каждый раз падало на землю. «Скажи, сестра, – спросил ее Передур, – чем я могу тебе помочь?» – «О Передур Проклятый, – ответила она, – твоей помощи мне не надо». – «Почему ты проклинаешь меня?» – удивился Передур. «Ты – убийца матери, которая умерла с горя, когда ты покинул ее против ее воли. Ты виноват в ее смерти. Знай же, что карлик с карлицей, которых ты встретил при дворе Артура, были некогда слугами твоих отца и матери; я же твоя сводная сестра, а это – мой законный³⁴⁸ муж, которого убил неизвестный рыцарь. Жаль, что ты не встретился ему и он не убил и тебя». – «Сестра моя, – возразил Передур, – ты не права, обвиняя меня в своих несчастьях и в смерти матери. Брось кричать, ведь этим ты не поможешь своему горю. Сейчас я похороню твоего мужа, а потом отправлюсь вместе с тобой за этим рыцарем и отомщу ему³⁴⁹».

И они похоронили тело и поехали туда, где был рыцарь, горделиво восседающий на коне посреди поляны. «Откуда ты едешь?» – спросил рыцарь Передура. «От двора Артура», – ответил Передур. «Ты из его людей?» – «По правде говоря, да». – «Зря ты сказал мне об этом». И больше они ничего не сказали друг другу, а вступили в бой. Вскоре Передур сбросил рыцаря с коня, и тот попросил пощады. «Я пощажу тебя, – сказал Передур, – если ты возьмешь в жены эту вот даму и отнесешься к ней со всем возможным уважением, ибо ты убил ее ни в чем не повинного мужа. Поезжай с нею ко двору Артура и передай ему, что я не вернусь, пока не отомщу Верзиле за обиду карлика и карлицы».

И рыцарь поклялся сделать это, и дал даме коня, и поехал с нею прямо ко двору Артура, и передал Артуру слова Передура. И Артур и его рыцари снова принялись упрекать Кая за то, что он отвалил от двора такого доблестного рыцаря, как Передур. И Оуэн, сын Уриена, сказал: «Поистине, этот рыцарь не вернется ко двору, пока здесь находится Кай». – «Я сам, – сказал Артур, – обыщу самые отдаленные места Острова Британии и найду этого рыцаря, а там пусть они с Каем сами решат свой спор».

А Передур тем временем ехал дальше и достиг обширного и глухого леса, где не было следов ни людей, ни зверей, одни кусты и дикие травы. И среди леса он увидел большой замок, увитый плющом, с мощными башнями и стенами. Вокруг замка все заросло травой, а у ворот она росла гуще всего. И Передур постучал в ворота концом копья, и в отверстии бойницы показался тощий рыжеволосый юноша. «Что ты хочешь, господин, – спросил он, – чтобы я впустил тебя или чтобы сказал хозяйке, что ты стоишь здесь?» – «Скажи об этом своей хозяйке, – ответил Передур, – и пусть она впустит меня, если захочет». И юноша быстро вернулся, и отпер ворота Передуру, и провел его в зал; и там он увидел восемнадцать юношей, таких же тощих и рыжеволосых и так же одетых, как тот, что открыл ему ворота. И они помогли ему слезть с коня и снять с себя доспехи, и сели, и заговорили с ним. Тут в зал вошли пять девушек, и ему показалось, что он никогда не видел девушки красивей, чем старшая из них. На ней было платье из цветного шелка, такое ветхое, что сквозь него просвечивала кожа, белая, как хрусталь. Волосы же ее с бровями были чернее смолы, а щеки – краснее крови. Она приветствовала Передура, и обняла его, и села рядом с ним.

И вскоре в зал вошли две монахини, одна из которых несла кувшин с вином, а другая – шесть булок белого хлеба. «Госпожа, – сказали они, – видит Бог, что это последняя наша еда». И они уселись за стол, и Передур увидел, что девушка дает ему больше еды и вина, чем другим. «Сестра, – сказал Передур, – я раздам всем поровну». – «Не надо», – сказала она, но он взял хлеб и вино и дал каждому равную долю. И после еды Передур сказал: «Я устал и был бы рад отдохнуть в каком-нибудь спокойном месте». И ему приготовили покои и отвели его туда.

После этого юноши сказали старшей и прекраснейшей из дев: «Сестра, мы хотим дать тебе

нию хранившаяся вместе с Граалем.

³⁴⁸ Буквально: *priaut*, т. е. «венчанный».

³⁴⁹ В БК: «позор моей бороде, если я не сделаю так». Эта колоритная фраза типична для средневекового Уэльса, но в устах юноши Передура звучит довольно комично.

совет». – «Что же это за совет?» – спросила она. «Иди в покои к этому рыцарю и предложи ему взять тебя женой или любовницей, как он захочет». – «Что за глупости! – воскликнула она. – Я, никогда не знавшая мужчин, буду предлагать ему себя столь постыдным образом хотя я даже не знаю его имени! Я не сделаю этого никогда». – «Клянемся Богом, – сказали они, – если ты не сделаешь этого, мы отдадим тебя твоим врагам, и они поступят с тобой стократ хуже».

И, убоявшись этого, девушка встала и в слезах пошла в его покои. Передур же услышал скрип двери, и проснулся, и увидел на пороге девушку со слезами на глазах. «Почему ты плачешь сестра?» – спросил Передур. «Я скажу тебе, господин, – ответила она. – Мой отец некогда владел всеми этими землями и этим замком, и он был самым мудрым и лучшим из правителей? Потом сын другого графа захотел жениться на мне, я же не хотела выходить за него замуж, и отец не желал отдавать меня ему или еще кому-либо против моей воли. Других же детей, кроме меня, у него не было, и, когда он умер, его графство досталось мне, а я по своей слабости не смогла его удержать. Этот графский сын восстал на меня и захватил все мои земли, кроме одного этого замка. Его он не мог до сих пор взять из-за крепости стен и из-за храбрости юношей, которых ты видел, моих сводных братьев. Но у нас давно иссякли бы припасы, если бы не монахи из соседнего монастыря, помогавшие нам из-за доброты к ним моего отца. Теперь же и у них кончились еда и питье, и не далее чем завтра этот граф явится сюда со всем своим войском, и если он пленит меня, моя жизнь у него будет не лучше жизни его конюха. И вот я пришла, чтобы предложить тебе, господин, взять меня женой или любовницей, как ты пожелаешь, с тем чтобы ты защитил нас или забрал отсюда». – «Сестра, – сказал он ей, – иди спать и знай, что я не покину тебя, пока не сделаю того, о чем ты просишь».

И тогда девушка вышла и пошла спать. Утром же она встала, и пошла в покои к Передуру, и приветствовала его. «Храни тебя Бог, сестра! Какие новости ты принесла?» – «Поистине, господин, все хорошо, пока ты с нами, но граф со своим войском уже стоит у ворот, и никогда я не видела большего числа шатров и рыцарей возле них». – «Что ж, – сказал Передур, – вели подать мне коня, и я выйду к ним».

И Передуру подали коня, и он сел на него и выехал в поле, где горделиво восседал на коне рыцарь с боевым вымпелом. И они сразились, и Передур поверг рыцаря на землю. После этого он сразил еще многих, и наконец на него выехал главный из этих рыцарей, и Передур одолел его. Рыцарь запросил пощады, и Передур спросил, кто он такой. «По правде говоря, – ответил рыцарь, – я командир графской дружины». – «А какая часть владений графини досталась тебе?» – «Одна треть», – ответил тот.³⁵⁰ «Что ж, – сказал Передур, – верни ей все эти земли вместе с пропитанием, и конями, и оружием для сотни людей и сегодня же вели прислать все это сюда. Только этим ты сможешь спасти свою жизнь, поскольку ты ее пленник». Так и было сделано, и в тот же день девушке вернули треть ее владений, и коней, и оружие, и пищу, и питье, и она весьма обрадовалась этому. И они взяли, что им было нужно из еды и питья, а после этого пошли спать.

И наутро Передур опять выехал в поле и победил в этот день множество воинов. Наконец, вышел против него могучий рыцарь, и Передур поверг его на землю, и он запросил пощады. «Кто ты?» – спросил Передур рыцаря. «По правде говоря, – ответил тот, – я управитель двора графа». – «А какая часть владений графини принадлежит сейчас тебе?» – «Одна треть», – сказал тот. «Ну что ж, – сказал Передур, – верни ей эти земли вместе с провизией, и конями, и оружием для двух сотен людей, – ибо ты – ее пленник». И все было сделано по его слову.

И на третий день Передур снова выехал в поле и поверг еще больше рыцарей, чем в предыдущие дни. И в конце дня сам граф вышел против него, и Передур одолел его, и тот запросил пощады. «Кто ты?» – спросил Передур. «Я – граф, не стану этого скрывать». – «Что ж, – сказал Передур, – тогда верни девушке все ее владения, и отдай ей в придачу свои, и пищу для трех сотен людей, и питье, и коней, и оружие, и сам отдайся на ее волю». И это было сделано.

И Передур провел там три недели, пока все права девушки не были восстановлены полностью. Когда же она получила назад все свои владения, он сказал: «С твоего позволения, сестра, я отправлюсь в путь». – «Ты хочешь покинуть меня, брат?» – «Да, и я бы не пробыл здесь так долго, если бы не любил тебя». – «Назови же мне свое имя, дорогой брат». – «Я Передур, сын Эвраука, с Севера, и если случится у тебя беда, позови меня, и я приду на помощь, как только смогу».

³⁵⁰ По законам Хоуэла Доброго (X в.) командир дружины (penteulu) и управитель двора (distein) получали по трети от военной добычи, что и отражено здесь.

И Передур поехал дальше и встретил по пути деву на взмыленной, загнанной лошади, и она приветствовала его. «Откуда ты, сестра?» – спросил Передур, и она рассказала ему, что она претерпела от своего господина, Рыцаря Поляны. «О сестра, – сказал он, – я тот, кто причинил тебе горе, но я же и исправлю его». И скоро им встретился рыцарь, который спросил Передура, не видел ли он поблизости рыцаря, что мог бы сразиться с ним. «Я тот, кого ты ищешь, – сказал Передур, – и я отомщу тебе и твоим людям за зло, что вы причинили этой деве». И они сразились, и Передур поверг рыцаря на землю, и тот запросил пощады. «Я пощажу тебя, – сказал Передур, – если ты возьмешь эту деву с собой и объявишь всем встречным, что нашел ее невинной и что я победил тебя в честном бою». И рыцарь обещал ему это.

И Передур поехал дальше, и на холме неподалеку увидел замок, и приблизился к воротам, и постучал в них концом копья. Ворота ему открыл юноша с каштановыми волосами, мальчик годами, но воин ростом и статью. Когда же Передур, вошел в замок, то увидел там высокую красивую даму, сидящую в кресле и окруженную служанками, и она обрадовалась, увидев его.

Когда же настало время обеда, они сели за стол, а после еды дама сказала: «Господин, лучше тебе поискать ночлега где-нибудь в другом месте». – «Неужели ты не позволишь мне, остаться здесь?» – удивился Передур. «Ах, господин, – сказала она, – я с моими отцом и матерью спасаемся здесь от девяти глостерских ведьм, которые уже опустошили все наши владения, кроме этого замка, и убили всех, кто там жил». – «Что ж, – сказал Передур, – я останусь здесь и попробую помочь вам. Позор для меня бросить вас в беде». И они пошли спать.

И как только стемнело, Передура разбудил страшный крик. Он быстро вскочил, оделся, опоясался мечом, и выскочил из покоев, и увидел, что одна из ведьм схватила дозорного, который в ужасе кричал. Передур кинулся на ведьму и бил ее мечом по голове, пока шлем ее не стал плоским, как блюдо. «Пощади меня, славный Передур, сын Эвраука!» – взмолилась ведьма. «Откуда ты знаешь мое имя, исчадь ада?» – удивился Передур. «Предсказано, что ты одолеешь меня, – ответила ведьма, – и возьмешь у меня коня и оружие, и пробудешь у меня, пока не научишься обращаться со всем этим». – «Что ж, – сказал Передур, – я пощажу тебя, если ты пообещаешь никогда не вредить больше ни этой даме, ни ее владениям». И он взял с нее клятву, и, с позволения графини, отправился вместе с ведьмой в ее обиталище, и пробыл там три недели, после чего взял коня и оружие, что дала ему ведьма, и снова пустился в путь.³⁵¹

И в один из дней он достиг прекрасной долины, на краю которой стояла келья отшельника; и отшельник обрадовался, увидев его. И там он провел ночь, а утром собрался уезжать. Ночью же выпал снег, и на этом снегу орел убил дикую утку. Когда конь Передура заржал, орел испугался и улетел, и прилетел ворон, чтобы похитить добычу. И, увидев все это – черного ворона, белый снег и красную пролитую кровь, – Передур вдруг понял, что он сможет полюбить только ту женщину, у которой волосы будут черны, как вороново крыло, кожа бела, как снег, а щеки красны, как кровь на этом белом снегу.³⁵²

А в это время Артур и его рыцари разыскивали повсюду Передура. «Интересно, – сказал Артур, – кто этот рыцарь с длинным копьем, стоящий вон там на краю долины?» – «Господин, – сказал один из рыцарей, – я поеду и узнаю, кто он». И рыцарь подъехал к Передуру и спросил его, кто он и что делает здесь. Передур же не ответил ему, ибо неотвязно думал о своей любви. Тогда рыцарь ударил его копьем, а Передур в ответ одним ударом поверг его на землю. И так один за другим к нему подъезжали двадцать четыре рыцаря, и он не отвечал на их вопросы, а каждого валил с коня одним ударом. Наконец, к нему подъехал Кай и заговорил с ним грубо и повелительно. Тогда Передур ударил его древком копья так, что Кай вылетел из седла и сломал себе руку. И когда он упал без чувств из-за сильной боли, конь его поскакал назад, и рыцари, увидев его, поехали к месту, где лежал Кай, и подумали сперва, что он мертв. Лишь потом они увидели, что можно срастить его кости и вылечить его. Передур же во все это время так и не очнулся от своих мыслей

³⁵¹ Подобное обучение у ведьм, весьма необычное для рыцарского романа, нередко встречается в кельтской мифологии. Например, ирландский герой Кухулин также обучался боевому искусству у ведьмы Скатах. Подразумевается, что оружие и конь, данные ведьмой Передуру, также обладали волшебными свойствами, но далее об этом ничего не говорится.

³⁵² Этот эпизод также кажется заимствованным из ирландской традиции: в скеле «Изгнание сыновей Уислиу» таким же образом Дейдрре выбирает себе возлюбленного. Впрочем, подобные сюжеты встречаются и в других литературах мира.

и не заметил никого из них. Тогда рыцари отправились вместе с Каем к шатру Артура, и Артур опечалился из-за Кая, ибо очень его любил, и велел вручить его самым искусным лекарям.

И тогда Гвальхмаи сказал: «Мы не должны были так досаждать этому славному рыцарю, погруженному в свои мысли; быть может, он скорбит о потере или думает о даме своего сердца и от задумчивости сотворил такое с Каем и другими. Если хочешь, господин, я сам поеду к этому рыцарю и попытаюсь заговорить с ним; и если мне это удастся, я со всем почтением приглашу его посетить тебя». Тут Кай очнулся и сказал сердито: «Гвальхмаи, я знаю, что ты сможешь привести его сюда, тем более что он устал и ослаб в бою со мной. Ты ведь многих одолел своим языком, и пока он не изменит тебе, оружие тебе не понадобится и ни к чему будет закрывать тяжелой броней твое нарядное платье».³⁵³ Тогда Гвальхмаи ответил ему: «Не к лицу мне мстить тебе за обидные и несправедливые речи, когда ты в таком состоянии; однако я думаю, что он не сломал бы тебе руку, будь ты повежливее». И Артур сказал Гвальхмаи: «Поистине, твои слова разумны. Иди же туда и приведи его». И Гвальхмаи снарядился и направился к месту, где стоял Передур, погруженный в свои мысли. Гвальхмаи спокойно и твердо подошел к нему и сказал: «Я заговорил бы с тобой, если бы знал, что тебе это так же приятно, как и мне. Я послан к тебе Артуром, чтобы пригласить тебя к нему. И всех, приехавших сюда раньше, тоже послал Артур». – «По правде говоря, – сказал Передур, – все они вели себя невежливо и вступали со мной в разговор, не позаботившись узнать, приятно ли мне это, когда я погружен в свои мысли, ибо я думал о той, кого люблю. Случай заставил меня подумать о ней. Я увидел снег, и ворона, и кровь дикой утки, убитой орлом, и подумал, что кожа моей любимой должна быть бела, как снег, волосы – черны, как вороново крыло, а щеки – красны, как пролитая кровь». И Гвальхмаи сказал: «Приятны такие мысли, и неудивительно, что тебе не хотелось от них отрываться». Передур спросил: «Кай все еще при дворе Артура?» – «Да, – ответил Гвальхмаи, – он был последним из тех, кто подъезжал к тебе, и для него это кончилось плохо. Он упал от твоего удара с коня и сломал руку». – «Тогда, – сказал Передур, – я отомстил ему за обиду карлика и карлицы». И Гвальхмаи удивился, услышав от него про карлика и карлицу, и спросил, как его имя. «Я Передур, сын Эвраука, – ответил он, – а кто ты?» – «Меня зовут Гвальхмаи». – «Я рад видеть тебя, – сказал Передур, – ибо слава о тебе гремит во всех землях, через которые я проходил, и я хотел бы стать твоим другом». – «Прими мою дружбу и даруй мне свою», – сказал Гвальхмаи.

И они обнялись и вместе направились к месту, где пребывал Артур. Когда Кай увидел их, он сказал: «Ну вот, я знал, что Гвальхмаи добьется своего без боя, ибо он всего достигает сладкими речами, а не мечом, как мы». И Передур вошел в шатер Гвальхмаи, и снял доспехи, и надел платье, что Гвальхмаи дал ему, и они вдвоем пошли к Артуру и приветствовали его. «Вот, господин, – сказал Гвальхмаи, – тот, кого ты искал так долго». – «Добро пожаловать, друг мой, – сказал Артур, – оставайся у меня, и, если ты и впредь будешь столь же доблестен, как до сих пор, ты всегда будешь рядом со мной. Карлик и карлица, которых обидел Кай, теперь отомщены». И тут вошли королева и ее дамы, и Передур приветствовал их, и они были рады видеть его. И Артур оказал Передуру все почести и взял его с собой в Каэрлеон.

И в первый день, что Передур провел при дворе Артура, он гулял по Каэрлеону и встретил Ангарад Золоторукую.³⁵⁴ «По правде говоря, сестра, – сказал он ей, – ты прекрасна, и я люблю тебя более всех прочих женщин». – «Нет, рыцарь, – ответила она, – я не полюблю тебя и никогда в жизни не стану твоей». – «Тогда я клянусь, – сказал Передур, – что не перемолвлюсь словом ни с одним христианином,³⁵⁵ пока ты не полюбишь меня больше всех».

И на другой день Передур покинул Каэрлеон. Он ехал по горной тропе и увидел внизу глубокую долину, края которой поросли лесом, а посередине виднелось возделанное поле. И среди леса стояли грубо сколоченные черные хижины. Передур спешил, и повел лошадь к лесу, и увидел, что тропа огибает скалу, к которой прикован цепью громадный спящий лев. Позади же

³⁵³ Гвальхмаи был широко известен как златоуст, что отражено в нескольких триадах; Кай, напротив, пользовался славой грубого и сварливого человека.

³⁵⁴ Ангарад Золоторука (Law Eurawc) упоминается несколькими бардами, но в легендах не фигурирует. Возможна ее связь с Солнцем, а также с отцом Передура Эврауком.

³⁵⁵ Обычный рыцарский обет, подразумевающий, что рыцарь должен отправиться в языческие земли и воевать там за веру.

льва была глубокая яма, до половины заполненная костями людей и зверей. Тогда Передур достал меч и ударил им льва с такой силой, что он упал в яму и повис там на цепи. И другим ударом Передур перерубил цепь, и лев свалился вниз.

Он вел коня по тропе, пока не спустился в долину, где увидел большой дом, и вошел в него, и там сидел огромного роста старик, который был больше любого из виденных им людей. И рядом двое юношей – один с каштановыми волосами, другой – с золотыми – полировали рукоятки своих ножей из моржового клыка. И Передур подошел к старику и приветствовал его, и тот проворчал: «Плохо мой привратник несет службу». Тогда Передур догадался, что «привратник» – это тот самый лев.

И старик вместе с юношами пошел в дом, и Передур пошел следом и увидел накрытый стол с едой и питьем и выходящих из покоев старуху и молодую девушку, что были больше всех виденных им ранее женщин. Они омыли руки и сели за стол, и старик уселся во главе стола рядом со старухой, а Передур с девушкой сели напротив двух юношей. И девушка смотрела на Передура весьма печально, так что он спросил о причине этой печали. «Я печалюсь о тебе, друг мой; ведь я полюбила тебя, как только увидела, и мне горестно знать, какая участь ждет тебя завтра. Видел ли ты черные хижины в глубине леса? Там живут люди моего отца, и все они великаны, один больше другого. Завтра они убьют тебя. А долина эта зовется Дифрин-Кронн».³⁵⁶ – «Что ж, добрая девушка, можешь ли ты сегодня ночью незаметно приготовить моего коня и мои доспехи?» – «Я с радостью сделаю это, если только смогу». И когда пришло время ложиться спать, они пошли спать; девушка же приготовила коня и доспехи для Передура.

И утром Передур услышал крики и конский топот возле дома. И он встал, вооружился и выехал в поле; и старуха с девушкой пришли к старику. «Господин, – сказали они, – возьми с этого юноши клятву, что он никому не расскажет о нас, и мы ручаемся, что он не нарушит этой клятвы». – «Я не сделаю этого», – ответил старик. И Передур сразился с великанами и перебил их третью часть, не получив ни одной раны. Тогда старуха сказала: «Рыцарь перебил треть твоих людей; не лучше ли тебе пойти на мировую?» – «Я не сделаю этого», – снова сказал старик. И старуха с девушкой вернулись к окну и стали наблюдать за битвой.

Тут Передур сразился с юношей с золотыми волосами и убил его. «Отец, – сказала девушка, – примиришь с этим рыцарем». – «Я не сделаю этого, клянусь Богом!» – воскликнул старик, а в это время Передур сразился с юношей с каштановыми волосами и убил его. «Тебе лучше было примириться с ним до того, как он убил твоих сыновей, но теперь думай о том, как спасти свою жизнь», – сказала старуха. И старик сказал: «Дочка, иди скорей к этому рыцарю и проси его пощадить нас, раз уж мы не захотели пощадить его». И девушка пошла к Передуру и попросила у него пощады для своего отца и тех его людей, что были еще живы. «Я пощажу их, – сказал он, – если все они принесут клятву верности императору Артуру и расскажут ему, что их победил Передур, его рыцарь». – «Мы сделаем это, клянусь Богом». – «И еще вы должны принять святое крещение, а я сам попрошу Артура оставить эту долину вам и вашим потомкам».

И тут Передур вошел в дом, и старик со старухой приветствовали его. Старый великан сказал: «С тех пор, как я живу здесь, ты первый человек, ушедший отсюда живым. И мы согласны подчиниться Артуру и принять крещение». И Передур сказал: «Я благодарен Богу, что не нарушил данного мной обета не говорить с христианами». И он переночевал там, а утром уехал.

После этого старик со своими людьми отправился ко двору Артура и поклялся ему в верности, и Артур окрестил их всех. И старик рассказал Артуру, как Передур победил их, а Артур даровал ему и его потомкам долину в вечное владение, как просил Передур. И с его разрешения они вернулись в Дифрин-Кронн.

Тем временем Передур ехал по пустынному полю без всяких признаков жилья и увидел там маленькую хижину. А до этого он слышал, что в этой хижине живет змей,³⁵⁷ стерегущий золото кольцо, и на семь миль вокруг этого места никто не живет. Тогда он пошел к хижине, и повстречал там змея, и бился с ним долго и жестоко, наконец он убил его и забрал кольцо. И так он долгое время странствовал, не говоря никому не слова, и, удалившись от людей, потерял он всю красоту и

³⁵⁶ Т. е. «круглая долина».

³⁵⁷ «Змей» (Pryf), в отличие от валлийского слова «draig», которым обозначался дракон. Этот эпизод кажется сокращенным вариантом последующей истории с Черным Змеем Пещеры.

стал непохож на самого себя. И вот он решил вернуться ко двору Артура и по дороге повстречал рыцарей во главе с Каем, едущих по поручению Артура. И Передур узнал их, но ни один из рыцарей не узнал его. «Куда ты едешь?» – спросил его Кай раз, и другой, и третий, но не получил ответа. Тогда он, рассердившись, ударил Передура древком копья, но тот не нарушил обета и промолчал.

«Клянусь Богом, Кай, – сказал Гвальхмай, – зря ты так обошелся с этим рыцарем». И он вернулся ко двору Артура и сказал Гвенвифар: «Госпожа, Кай оскорбил рыцаря только за то, что тот не хотел ему отвечать. Вели же приютить его до моего возвращения, и я буду тебе благодарен». И до того, как они вернулись, некий рыцарь выехал в поле близ двора Артура, и Передур вышел драться с ним и победил и в последующую неделю каждый день побеждал по рыцарю. И в один из дней Артур со своими рыцарями отправился в церковь и увидел рыцаря с боевым вымпелом. «Друзья мои, – сказал Артур, – я не успокоюсь, пока не одолею его своей рукой». И он послал слуг за конем и оружием, когда же они возвращались, Передур забрал у них все это и сам выехал в поле.

И все, кто видел, как он выезжает на бой с рыцарем, забрались на крыши домов и прочие возвышенные места, что-бы наблюдать их поединок. И Передур дал сигнал к началу, и рыцарь кинулся на него, но не успел он приблизиться, как Передур прищпорил коня, и обрушился на него, и нанес ему такой удар в челюсть, что рыцарь свалился с коня и отлетел далеко в сторону. Тогда Передур вернулся, отдал коня и оружие слугам Артура, а сам пешком вернулся ко двору, где его заметили и прозвали Немым Рыцарем. И вот ему встретила Анград Золоторукая. «Клянусь Богом, господин, – сказала она, – жаль, что ты бессловесен. Если бы ты мог говорить, я бы любила тебя больше всех. Но, по правде, хоть ты и молчишь, я все равно люблю тебя». – «Благослови тебя Бог, сестра, – отозвался Передур, – я тоже тебя люблю». И так узнали, что это Передур, и он добился дружбы Гвальхмай, и Оуэна, сына Уриена, и других рыцарей Артурова двора.

Однажды Артур пребывал в Каэрлеоне, и они с Передуром поехали на охоту. И Передур, преследуя оленя, заехал в лесную чащобу, и увидел там хижину, и вошел в нее. И в хижине сидели трое бритоголовых мужчин, видом похожих на разбойников, и играли в кости, и там же сидели три девушки, богато одетые. Передур сел рядом с ними, и одна из девушек посмотрела на него и заплакала. «О чем ты плачешь, сестра?» – спросил Передур. «Мне жаль, что такой юноша, как ты, обречен на гибель». – «Кто же меня погубит?» – спросил он. «Если ты не знаешь, что это место опасно, так знай это». – «И какая же опасность грозит мне здесь?» – «Мой отец, – сказала девушка, – владеет этим лесом и убивает всех, кто приходит сюда». – «Что же за человек твой отец, если он всех убивает?» – «Он из тех, кто каждодневно творит насилие и зло и ни к кому не знает жалости».

И тут он увидел, что мужчины встали и спрятали свою игру, и услышал сильный шум, после чего в дом ввалился громадный черный человек с одним глазом, и девушки приветствовали его и сняли с него сапоги. Он сел, увидел Передура и спросил: «Кто этот рыцарь?» – «Господин, – сказала одна из девушек, – это самый прекрасный и достойный юноша из всех, виденных нами, и мы молим сохранить ему жизнь». – «Что ж, ради вас я сжалюсь над ним и оставлю ему жизнь до утра». Тогда Передур сел у огня, и ел, и пил, и беседовал с девушками; когда же он опьянел, то спросил у черного человека: «Кто же, при всей твоей силе, смог лишить тебя глаза?» – «Всякий невежа, – сказал тот, – кто спрашивает меня об этом, лишается жизни». – «О господин, – сказала одна из девушек, – он пьян и потому говорит с тобой так дерзко. Сдержи слово, что ты дал нам». – «Я сдержу свое слово, – сказал черный человек, – и убью его на рассвете». И так они провели ночь.

Рано утром черный человек встал, взял оружие и приказал Передуру: «Вставай и готовься к смерти!» – «Выбирай, – сказал ему Передур, – или сражайся со мной без оружия, или позволь мне также вооружиться». – «Ха-ха, – рассмеялся тот, – бери любое оружие, если воображаешь, что оно тебе поможет». И девушка принесла Передуру оружие, и он бился с черным человеком, пока тот не запросил пощады. «Что ж, я пощажу тебя, если ты скажешь, кто и когда лишил тебя глаза». – «Господин, я все тебе расскажу. Я лишился глаза в битве с Черным Змеем Пещеры. Есть курган, именуемый Курганом Скорби, и в кургане том есть пещера, и в ней живет змей, в хвосте которого заключен камень, и свойство этого камня таково, что взявший его в руку получит столько золота, сколько уместится у него в другой руке. Пытаясь завладеть этим камнем, я и потерял глаз. Меня же зовут Черным Лиходеем, ибо я никогда не упускал случая сотворить кому-нибудь зло и ни к

кому не знал жалости». – «Скажи – мне, – спросил его Передур, – как далеко отсюда та пещера, о которой ты говорил?» – «Я знаю дорогу и расскажу тебе о ней. Через день пути отсюда ты попадешь во дворец Горемычных Королевичей». – «Почему их так зовут?» – «Адданк,³⁵⁸ живущий в озере, каждый день убивает их. Когда ты уйдешь оттуда, то попадешь во владения Хозяйки Подвигов». – «И каковы же ее подвиги?» – «Триста рыцарей живут у нее, и каждый, кто к ней приходит, должен выслушивать истории об их подвигах, которыми они стараются заслужить расположение хозяйки. Когда ты уйдешь оттуда, то увидишь Курган Скорби, вокруг которого раскинуто три сотни шатров, где живут рыцари, стерегущие змея». – «Ну что ж, – сказал Передур, – теперь я сделаю так, чтобы ты больше никому не сотворил зла». И он убил его, и девушка, говорившая с ним раньше, сказала: «Если, придя сюда, ты был беден, то теперь ты богат, так как можешь забрать все, что награбил Черный Лиходей, и нас в придачу». – «Богатство мне не нужно. Вы же сами ищите себе мужей по своему желанию».

И Передур поехал дальше и достиг дворца Горемычных Королевичей. И, войдя во дворец, он увидел там одних лишь женщин, и они встали и приветствовали его, и вот, когда они беседовали, к ним подъехал конь с мертвым телом в седле, и одна из женщин встала, сняла тело с седла, омыла его теплой водой и смазала благоуханной мазью. После этого человек ожил, и подошел к Передуру, и приветствовал его. И потом так же прибыли двое других, и женщины поступили с ними таким же образом, как с первым. Тогда Передур спросил, что это значит, и ему ответили, что в озере живет Адданк, и он каждый день убивает их. Тут наступила ночь, и они пошли спать. Утром королевичи встали, и Передур попросил их взять его с собой. Они же отказались, сказав ему: «Если тебя убьют, некому будет оживить тебя».

И они отправились в путь, а Передур поехал следом и увидел на дороге прекраснейшую деву из всех, виденных им. «Я знаю, куда ты идешь, – сказала она ему, – ты идешь сражаться с Адданком, и он одолеет тебя не силой, но коварством. Он живет в пещере, у входа в которую стоит столб из гладкого камня, и он видит в нем всех, входящих в пещеру, а его никто не видит. И всех, кто входит к нему, он убивает отравленным копьем. Но если ты поклянешься любить меня больше всех прочих женщин, я дам тебе камень, благодаря которому ты сможешь видеть Адданка, а он не увидит тебя». – «Я клянусь тебе в этом, – сказал Передур, – ибо, как только я тебя увидел, я полюбил тебя, но где могу я отыскать тебя?» – «Только добравшись до Индии,³⁵⁹ ты отыщешь меня». И с этими словами она исчезла.

Передур же поехал дальше долиной реки, вдоль которой расстилались луга. И на одном берегу реки он увидел стадо белых овец, а на другом – стадо черных. И как только одна из белых овец бляла, черная овца переплывала реку и становилась белой. Когда же бляла черная овца, одна из белых овец переплывала реку и делалась черной. И еще он увидел на берегу реки высокое дерево, одна половина которого пылала от корней до кроны, другая же зеленела листьями.³⁶⁰

И впереди он увидел всадника на холме с двумя борзыми, белой и пестрой, лежащими рядом. Всадник этот имел вид гордый и величавый, и они с Передуром приветствовали друг друга. И Передур увидел три дороги, уходящие от холма, две из которых были широкими, а третья – узкой, и спросил всадника, куда они ведут. «Одна из них, – ответил он, – ведет к моему двору, и ты можешь пойти туда, к моей жене, или остаться здесь, со мной, и я покажу тебе своих собак, что гонят сейчас оленя в лесу, и ты увидишь, что это лучшие собаки в мире. Когда же придет время обеда, мы отправимся ко мне и устроим пир». – «Благодарю тебя, господин, но я спешу». – «Другая дорога ведет в близлежащий город, и там ты можешь найти еду и кров. Та же дорога, что уже прочих, ведет к пещере Адданка». – «С твоего позволения, господин, я поеду по ней».

³⁵⁸ Адданк – мифическое водное чудовище, вызывающее наводнения. Его внешний облик неясен. В одной из триад описывается, как прародитель бриттов Ху Кадарн с помощью быка победил Адданка и таким образом поднял землю Британии из вод потопа (вариант общиндоевропейского космогонического мифа).

³⁵⁹ Индия здесь – условная область чародейства и чудес. Впоследствии она не фигурирует, а незнакомка оказывается императрицей Константинополя, бывшего для валлийцев XII в. не менее далеким и чудесным, чем Индия.

³⁶⁰ Эта картина типична для кельтской «волшебной страны». Аналогичная сцена с овцами описывается в ирландской повести «Плавание Майль-Дуйна». Что касается пылающего дерева, то Т. Эллис и Дж. Ллойд выдвинули остроумную догадку, что это дерево, где на ветру листья пожелтели лишь с одной стороны. Однако все же скорее это образ вечно умирающей и возрождающейся природы.

И Передур поехал прямо к пещере и взял в левую руку камень, что дала ему дама, а в правую – меч. И когда он вошел, то увидел Адданка и тут же срубил ему голову мечом. Выйдя из пещеры, он встретил у входа трех королевичей, и они приветствовали его и открыли, что, по предсказанию, именно он должен был покончить с чудовищем. И Передур отдал им голову Адданка, они же предложили ему в жены любую из своих трех сестер и в придачу половину своих владений. «Не за женой пришел я сюда, – ответил Передур, – а то бы обязательно выбрал одну из ваших сестер».

И Передур поехал дальше, и услышал за спиной топот, и, обернувшись, увидел юношу на красном коне и в красных доспехах, что следовал за ним. И они приветствовали друг друга. «Господин, у меня к тебе просьба», – сказал юноша. «Чего же ты хочешь?» – спросил Передур. «Возьми меня в оруженосцы». – «И кого же должен я взять в свои оруженосцы?» – «Я не скрою от тебя своего рода. Я Этлим Красного Меча, граф земель Востока». – «Я хотел бы, чтобы ты служил тому, чьи владения не меньше твоих, а не мне, у кого ничего нет. Но раз уж ты так хочешь, я с удовольствием возьму тебя с собой».

И они вместе отправились ко двору Хозяйки Подвигов, и им там весьма обрадовались и сказали, что обычай двора таков что тот, кто победит три сотни рыцарей Хозяйки, сядет за стол рядом с ней и станет более всех мил ее сердцу. Когда же Передур победил, и поверг наземь всех триста рыцарей, и сел рядом с Хозяйкой, она сказала: «Я благодарю Бога, что встретила рыцаря столь прекрасного и храброго, как ты, но я еще не нашла того, кого люблю всем сердцем». – «Кто же этот человек?» – «Это Этлим Красного Меча, и я никогда не видел его». – «По правде говоря, – сказал Передур, – Этлим сейчас здесь, ибо он сопровождает меня. И если он пожелает, я с радостью оставлю его у тебя». – «Да воздаст тебе Бог, прекрасны рыцарь, за то, что ты привел ко мне того, кого я люблю». И в ту же ночь Этлим с Хозяйкой спали вместе.

И на следующий день Передур поехал к Кургану Скорби «Клянусь, господин, что я не оставлю тебя», – сказал ему Этлим, и они вдвоем направились к кургану и окружавшим его шатрам. «Иди к тем шатрам, – сказал Передур Этлиму, – и потребуй, чтобы их владельцы покорились мне». Этлим пошел и передал им это. «Кто хочет этого от нас?» – спросили они его «Мой господин, Передур Длинного копья». – «Если бы ты не был посланцем, мы не оставили бы тебя в живых после столь дерзких слов и требований, чтобы мы, короли, графы и бароны, подчинились какому-то Передуру».

И Этлим вернулся к Передуру, и тот велел ему идти обратно и предложить им на выбор покориться ему или сразиться. Они все предпочли сразиться, и в тот же день Передур поверг наземь владельцев сотни шатров. И на следующий день он победил владельцев еще сотни шатров, а на третий день они решили покориться ему. Тогда Передур спросил, что делают они в этом месте, и они сказали, что ждут смерти змея, а после этого будут сражаться за камень и сильнейший из них заберет его. «Ждите меня здесь, – сказал им Передур, – а я пойду погляжу на этого змея». – «Нет, господин, – сказали они, – мы пойдем с тобой». – «Я не позволю вам, – ответил он, – ведь тогда каждый из вас припишет победу над ним себе».

И он пошел к логову змея, и убил его, и взял камень, и вернулся к ним. «Сосчитайте ваши расходы, – сказал он им, – за время, что вы провели здесь, и я верну вам это золото». И он заплатил им столько, что они все оказались у него в долгу; но он удовлетворился тем, что они поклялись ему в верности. Этлиму же он сказал: «Возвращайся к той, кого ты любишь, а я поеду дальше и избавлю тебя от данного мне обязательства». И он отдал Этлиму чудесный камень. «Храни тебя Бог, господин, – сказал Этлим, – пусть путь твой будет легким».

И Передур поехал дальше, и выехал в долину реки, и увидел там великое множество разноцветных шатров, и удивился, увидев там же большое число мельниц, водяных и ветряных. И ему встретился высокий муж с каштановыми волосами, и Передур спросил, кто он такой. «Я главный мельник над всеми этими мельницами». – «Могу ли я найти приют у тебя в доме?» – спросил Передур. «Я с радостью приму тебя, господин».

И Передур пришел в дом к мельнику, где ему весьма понравилось, и попросил у мельника отсрочки платы за еду и за кров, и спросил его, зачем в одном месте собрано столько мельниц. И мельник ответил ему: «Ты или чужестранец, или глупец, ибо каждый здесь знает, что императрица Константинополя Великого³⁶¹ собирает в этом месте войско для своих походов, и мельницы по-

³⁶¹ Christmobyll или CaerYsbedinongyl (Крепость Константина) – по-валлийски Константинополь.

ставлены, чтобы прокормить всех этих людей». И после этого они легли спать.

Наутро Передур встал и снарядился для турнира. И он увидел шатер среди прочих, красивейший из всех, что он видел, и прекрасную деву, выглядывавшую в окошко шатра. И это была самая прекрасная из дев, виденных им, и одета она была в платье из золоченого шелка. И любовь к ней вошла в его сердце, и он стоял там, глядя на деву, с утра до полудня и с полудня до самого вечера. Тем временем турнир окончился, и он вернулся в дом мельника, снял доспехи и вновь попросил у мельника отсрочки в уплате. И мельник дал ему отсрочку, но жена его сердилась. И на другой день он вел себя так же, и вечером опять пришел в дом ни с чем, и опять попросил отсрочки.

И на третий день он стоял там же, глядя на деву, как вдруг его сильно ударили палкой по шее. Очнувшись от своих мыслей, он увидел мельника, который сказал ему: «Господин, или повернись назад, или ступай на турнир». Тогда Передур рассмеялся и отправился на турнир, и всех, кто принял в тот день его вызов, он поверг наземь и все свои победы посвятил императрице, а оружие и коней отдал мельнику и его ясене в уплату за кров и еду. И он оставался на турнире, пока не победил всех, и всех побежденных он отослал императрице, а их коней и оружие отдал мельнику.

Императрица послала за ним и пригласила его к себе, но Передур отказал первому посланцу, затем второму, а когда на третий раз она послала за ним сотню рыцарей, он сыграл с ними шутку, связав за руки и за ноги, словно оленей,³⁶² и сбросив с мельничной дамбы. Тогда императрица спросила у мудреца, своего советника, что ей делать. «Я сам пойду к нему», – сказал он, и пошел к Передуру, и вежливо попросил его посетить императрицу вместе с мельником. И он пошел к ней в шатер и сел рядом с ней, и они долго говорили, а потом он ушел и вернулся в дом мельника.

И на другой день он снова пошел к ней. И когда он вошел в шатер, там были убраны все места, ибо они не знали, где он захочет сесть. Он же сел рядом с императрицей и заговорил с ней. В это время вошел черный человек с золотой чашей, полной вина, и преклонил колено перед императрицей, и попросил ее отдать эту чашу тому, кто примет его вызов. И она посмотрела на Передура. «Госпожа, дай эту чашу мне», – сказал он и выпил вино из чаши, а саму чашу отдал жене мельника.

И когда они сидели там, вошел другой черный человек больший, чем предыдущий, с чашей из драконьей лапы, полной вина. И он преклонил колено перед императрицей и попросил ее отдать чашу тому, кто примет его вызов. И императрица посмотрела на Передура. «Госпожа, дай эту чашу мне», – сказал он и выпил вино из чаши, а чашу отдал жене мельника. И когда они сидели там, вошел рыжий человек, больший чем двое предыдущих, с хрустальной чашей, полной вина и преклонил колено перед императрицей, и попросил ее отдать чашу тому, кто примет его вызов. И она посмотрела на Передура. «Госпожа, дай эту чашу мне», – опять сказал он и выпил вино из чаши, а чашу отдал жене мельника.

Эту ночь Передур провел в доме мельника. Наутро же он снарядился, и выехал в поле, и убил всех троих, и после этого пошел в шатер императрицы. И она сказала Передуру: «О прекрасный Передур, помнишь ли ты клятву, что ты дал мне у пещеры Адданка?» – «Я помню это, госпожа», – ответил он. И история говорит,³⁶³ что они правили вместе с императрицей сорок четыре года.

Однажды Артур пребывал в Каэрлеоне, своем главном дворе, и в зале сидели четверо на шелковых подушках, и это были Оуэн, сын Уриена, и Гвальхмаи, сын Гвиара, и Хьюэл, сын Эмира Ллидау,³⁶⁴ и Передур Длинного копья. И тут они увидели курчавую черную девушку весьма уродливого вида, которая ехала на желтом муле, подгоняя его ремнем. Лицо ее и руки были чернее сажи, и черты их были еще уродливее, чем цвет. Щеки ее были раздуты, лицо вытянуто и сморщено, а нос короток, с широкими ноздрями. Один глаз у нее был серым, а другой – черным, и оба они глубоко сидели в глазницах. Зубы ее были желтее цветов раkitника, шея крива, а груди сви-

---

³⁶² То есть убитых оленей, привязанных к палке для переноски.

³⁶³ Это «история говорит» здесь и далее означает, что повесть компоновалась из разнородных фрагментов.

³⁶⁴ Хоуэл, или Хьюэл (Huwel), сын Эмира, из Ллидау (Бретань) упоминается в предании о походе Артура на Рим, после которого Артур оставил его и его воинов в Галлии – еще одно объяснение кельтского заселения Бретани.

сали до живота. Бедрa же ее были широки, но костлявы, и вся она была тощей, кроме ног, отличавшихся безобразной толщиной.³⁶⁵ И она приветствовала Артура и всех его рыцарей, кроме Передура; к нему же она обратила сердитые и обидные слова, сказав: «Передур, я не приветствую тебя, поскольку ты не заслужил этого, как не заслужил той славы, что слепо даровала тебе судьба. Когда ты пришел во дворец хромого короля и увидел там слуг, несущих окровавленное копье, кровь с которого стекала на пол, ты не спросил, что там произошло. Если бы ты спросил об этом и вмешался, мир во владениях короля был бы сохранен, а теперь там каждодневно льется кровь, и гибнут рыцари, и их вдовы остаются без средств, а дочери – без защиты, и всему этому виной ты». После этого она обратилась к Артуру и сказала: «Господий, мой дом далеко отсюда, в замке Сиберо, о котором ты вряд ли слышал. Там сейчас пятьсот шестьдесят шесть славных рыцарей со своими дамами сердца, и всякий, кто хочет стяжать славу, может отправиться туда и сразиться с ними. Но я знаю место, где можно обрести еще большую славу, ибо высоко в горах есть замок, где живет прекрасная дева, и замок этот осаждают враги. Тот, кто освободит деву, прославится выше всех в мире». С этими словами она удалилась.

И Гвальхмаи сказал: «Клянусь, я не усну спокойно, пока не освобожу эту деву», – и многие из рыцарей Артура сказали то же. Но Передур сказал иначе: «Я клянусь, что не усну спокойно, пока не узнаю историю того копья, о котором говорила черная девица».

В это время к воротам подъехал некий рыцарь, и, въехав внутрь, он приветствовал всех, кроме Гвальхмаи. На плечах у рыцаря был щит с синей эмалевой балкой на золотом поле, и таких же цветов была его одежда.³⁶⁶ И он сказал Гвальхмаи: «Ты коварством и хитростью погубил моего господина, и я докажу это». Тогда Гвальхмаи поднялся и сказал: «Я вызываю тебя на бой в любом удобном месте, чтобы доказать свою невиновность». – «Я хочу, – сказал рыцарь, – чтобы мы с тобой бились перед лицом короля моей страны». – «Что ж, – сказал Гвальхмаи, – поезжай, и я последую за тобой». Рыцарь уехал, и Гвальхмаи собрался за ним, и многие хотели ехать с ним, но он никого не взял. Они с Передуром какое-то время ехали вместе из-за большой привязанности друг к другу, а потом расстались и поехали каждый в свою сторону.

И Гвальхмаи въехал в долину, где увидел крепость, окруженную высокими и мощными стенами, и из этой крепости выехал на охоту рыцарь на черном как смоль коне, что был скор, но послушен. Рыцарь этот владел крепостью, и Гвальхмаи приветствовал его. «Храни тебя Бог, господин! Откуда ты едешь?» – «Я еду от двора Артура», – ответил Гвальхмаи. «Тогда я дам тебе добрый совет, – сказал рыцарь. – Я вижу, что ты устал. Иди в крепость и отдохни, если хочешь». – «Спасибо, господин, я с радостью приму твое приглашение». – «Вот это кольцо ты покажешь привратнику, чтобы он впустил тебя, а в крепости тебя примет моя сестра».

И Гвальхмаи пошел к воротам, и показал привратнику кольцо, и поднялся в башню, где горел очаг, возле которого сидела прекрасная и гордая дева, и она обрадовалась, увидев Гвальхмаи, и приветствовала его. Он сел рядом с ней, и они пообедали, а после обеда завели приятную беседу. И в это время к ним вошел седой старик и сердито сказал: «Эй, развратница, если бы ты знала, с кем ты сидишь и заигрываешь, то вряд ли стала бы делать это». И он вышел в гнев. «Господин, – сказала тогда девушка, – послушай моего совета и запри дверь, чтобы этот человек не устроил тебе ловушки».

Гвальхмаи вышел и увидел, что тот человек и шестьдесят других, вооруженных, направляются к нему. И он защищался от них шахматной доской и перебил их всех к тому времени, как владелец крепости вернулся с охоты. И тот, вошедши, спросил, что здесь произошло. «Неслыханное злодейство, – сказал седой старик. – Эта вот распутница сидела и пила с человеком, убившим твоего отца, и это Гвальхмаи, сын Гвиара». – «Подожди, – сказал граф, – я сам пойду к нему». И он вошел в покои, где был Гвальхмаи, и сказал ему: «Господин, опасно для тебя приходиться к тому, у кого ты убил отца, но я не стану тебе мстить, ибо Бог сам отомстит тебе за него». – «Друг мой, – сказал Гвальхмаи, – я не знаю, о чем ты говоришь. Я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть, что убил твоего отца. Сейчас я еду на поиски девы, которой грозит беда, но до конца года вернусь, и тогда мы рассудим этот спор». И он провел там ночь, а утром поехал дальше, и история больше

³⁶⁵ Это описание может обозначать негритянку. Редактор повести вполне мог предполагать, что Константинополь населяют негры (отсюда. такое обилие в повести «черных людей»).

³⁶⁶ Балка – поперечная полоса на рыцарском щите, позже перенесенная на герб.

ничего не говорит о Гвальхмаи в этой связи.³⁶⁷

Передур же ехал своим путем и обошел весь остров, ища черную девицу, но так и не нашел. И вот он достиг неведомой страны, где протекала река; и, проезжая вдоль нее, он встретил священника на коне, едущего ему навстречу, и попросил у него благословения. «О несчастный! – сказал тот. – Я не дам тебе благословения, если ты продолжишь путь в такой день, как этот».³⁶⁸ – «А какой сегодня день?» – спросил Передур. «Сегодня Страстная пятница». – «Прости, что я не знал этого, ведь уже год, как я покинул свою страну». И Передур спешился и повел коня в поводу.

И он шел, пока не свернул на тропинку, ведущую в лес, и на опушке леса увидел хижину, где сидел уже виденный им священник, и Передур вновь попросил у него благословения. «Да благословит тебя Бог, сын мой, – сказал тот, – так-то лучше. Переночуй сегодня у меня». И Передур остался там на ночь, а наутро встал и хотел продолжать путь. «Сегодня ты не должен отправляться в дорогу. Останься здесь еще на два дня, а потом я скажу тебе, где найти то, что ты ищешь», – сказал священник. И на третий день Передур собрался в путь и спросил священника, где ему искать Замок Крови. «Все, что знаю, я скажу тебе. Иди к той горе, и с другой стороны ее увидишь реку, в долине которой стоит королевский двор, где король празднует Пасху. Там ты и узнаешь дорогу к Замку Крови».

И Передур поехал этим путем, и выехал к долине реки, и встретил там охотников. Среди них был муж высокого рода, и они приветствовали друг друга. «Выбирай, господин, – сказал тот, – или поезжай ко мне во дворец, или оставайся здесь. Если хочешь, я пошлю одного из рыцарей к моей дочери, чтобы она накормила и напоила тебя, пока я не вернусь с охоты. Если же я могу помочь тебе чем-нибудь, я с радостью сделаю это».

И король послал с ним золотоволосого юношу, и когда они вошли во двор, дочь короля встала и приветствовала их и усадила Передура рядом с собой. И они отобедали, и на каждое слово Передура она отвечала громким смехом, так что все при дворе слышали это. И наконец юный слуга сказал ей: «Клянусь, что если тебе нужен муж, то этот рыцарь вполне достоин им стать; но если он и не станет твоим мужем, боюсь, что твое сердце он уже похитил». И юноша пошел к королю и сказал, что его дочь влюбилась в чужеземного рыцаря и нельзя отпускать его, чтобы не случилось беды. «Что же ты посоветуешь, друг мой?» – спросил король. «Пока я посоветую заточить его в башню, чтобы он не мог уйти». И король послал людей схватить Передура и заточить его в башню. Тогда девушка пала к ногам отца и спросила: «Зачем ты велел заточить этого славного рыцаря?» – «Затем, чтобы он не ушел отсюда, где ему так хорошо», – ответил король.

И она ничего не сказала в ответ и пошла к Передуру. «Хорошо ли тебе, рыцарь?» – «Я бы не оставался здесь, если бы мне не было хорошо». – «Тогда твой стол и постель будут не хуже, чем у самого короля, и лучшие певцы двора будут петь тебе, и более того – если захочешь, я сама приду к тебе ночевать и стану беседовать с тобой». – «Я не откажусь от этого», – сказал Передур, и в ту же ночь она сделала, как обещала.

И на следующее утро Передур услышал за окном великий шум. «О красавица, что это?» – спросил он у девушки, и она ответила: «Войско короля собралось сегодня в крепости», – «И что же собрало его здесь?» – «Есть у нас граф, владеющий двумя графствами и более могущественный, чем король; и сегодня между ними произойдет сражение», – «Прошу тебя, – обратился к ней Передур, – добудь мне коня и оружие, чтобы я мог принять участие в бою, а потом я вернусь в эту башню». – «Я с радостью добуду все это для тебя», – сказала она и дала ему коня, и оружие, и алый плащ, и золоченый щит. И он выехал в поле и поверг наземь всех людей графа, с кем бился в тот день. После этого он вернулся к себе в башню.

И девушка спросила у него новости, но он ничего ей не сказал. Тогда она пошла к отцу и спросила, кто из рыцарей сражался лучше всех. И он сказал, что это был рыцарь в алом плаще и с золоченым щитом, которого он не знает. И девушка рассмеялась, и пошла к Передуру, и полюбила его еще больше.

И так три дня подряд Передур побеждал людей графа и возвращался в башню прежде, чем

³⁶⁷ После неожиданного обрыва истории о Гвальхмаи повесть теряет всякую связность, местами доходя до абсурда, что доказывает ее механическое переписывание из разных источников.

³⁶⁸ Запрет путешествия в главные религиозные праздники нередко отмечается в европейской традиции, но, возможно, коренится и в кельтском обычае не выходить из дома во время праздника, когда по земле бродят духи.

его могли узнать. На четвертый день он убил самого графа, и девушка пришла к отцу и спросила его о новостях. «Новости самые лучшие, – ответил король, – граф убит, и все его владения достались мне». – «Знаешь ли ты, кто убил его?» – «Я не знаю, – сказал король, – но это опять был рыцарь в алом плаще и с золоченым щитом». – «Господин, я знаю этого рыцаря», – сказала она. «Ради Бога, – воскликнул он, – скажи мне, кто это». – «Господин, это рыцарь, заключенный у тебя в башне».

И он пошел в башню к Передуру, и приветствовал его, и сказал, что он может просить у него все, что хочет, за свои подвиги. И когда они сели за стол, Передур сел рядом с королем, а девушка – с другой стороны от него. И после еды король сказал ему: «Я отдам тебе в жены мою дочь, и половину своего королевства, и два графства в придачу». «Благодарю тебя, господин, – сказал Передур, – но я не могу жениться на ней». – «Тогда говори, чего ты хочешь?» – «Я хочу узнать дорогу к Замку Крови». – «Господин, ты получишь все, что просишь, – сказала девушка, – проводников, и припасы, и сведения об этом замке, ибо я люблю тебя больше всех на свете». И она сказала ему: «Перейди через ту гору, и там ты увидишь озеро и посреди него замок, который зовется Замком Крови, но, кроме этого, мы не знаем ничего о нем».

И Передур подъехал к замку, и увидел, что ворота его открыты, и вошел в зал, где стояла шахматная доска, на которой фигуры сражались сами по себе. И если одна из фигур бывала побита, она кричала, как живой человек.³⁶⁹ И он смотрел за игрой, и сторона, за которую он болел, проиграла; тогда он рассердился и швырнул доску с фигурами в озеро. И тут вошла черная девица и сказала Передуру: «Покарай тебя Бог! Поистине, ты повсюду творишь зло». – «О каком зле ты говоришь, девушка?» – удивился Передур. «Ты утопил шахматную доску императрицы, а без нее ей не сохранить свою империю». – «Есть ли способы вернуть эту доску?» – «Только один: иди в Константинополь, где живет черный великан, опустошивший многие владения императрицы. Если ты убьешь его, ты получишь эту шахматную доску, но вряд ли ты вернешься от него живым». – «Проводишь ли ты меня туда?» – спросил Передур. «Я покажу тебе дорогу», – ответила черная девица.

И он пришел в Константинополь и сразился там с черным великаном, и тот запросил пощады. «Я пощажу тебя, – сказал Передур, – если ты вернешь доску на место, где она была», После этого появилась черная девица и сказала ему: «Поистине, твой труд будет напрасен, если ты оставишь в живых этого злодея, причинившего столько бед императрице». – «Я обещал сохранить ему жизнь, – возразил Передур, – в обмен на доску». – «Доски нет на месте, – сказала девица, – поэтому вернись и убей его».

И Передур вернулся и убил великана, и во дворце его ждала черная девица. «Скажи, – спросил ее Передур, – здесь ли императрица?» – «Клянусь Богом, ты не увидишь ее, пока не убьешь чудовище, живущее в этом лесу». – «Что же это за чудовище?» – «Это олень, бегущий быстрее птицы,³⁷⁰ и во лбу его один рог, что острее самого острого копья. И он поедает в лесу всю траву и зелень и убивает всякую тварь, которую встречает, прочие же умирают от голода. И хуже того: каждую ночь он приходит и выпивает пруд близ дворца, и, пока вода вновь заполнит его, вся рыба там гибнет». – «О девушка, – сказал Передур, – иди и покажи мне этого зверя». – «Я не пойду туда, ибо уже больше года ни один человек не смеет войти в этот лес. Здесь есть собачка госпожи, она и наведет тебя на след оленя, а там он выйдет и сам нападет на тебя».

И собачка привела Передура к месту, где был олень, и олень напал на Передура, который отсек ему голову мечом. И тут он увидел подъезжающую к нему даму, и она взяла собачку на руки, а голову оленя положила на седло впереди себя. На шее же у нее было ожерелье червонного золота. «О господин, – сказала она, – нехорошо ты поступил, сразив чудеснейшее создание в моих владениях». – «Мне велели сделать это, сказав, что только так я могу заслужить твою дружбу». – «Тогда иди вон на ту гору, и ты увидишь там камень. Сразись трижды с человеком, что выйдет из-под камня, и ты добьешься моей дружбы и признательности».

И Передур поехал туда и предложил тому человеку сразиться. И человек выехал из-под камня на громадном скелете коня, и на нем были ржавые доспехи. Они сразились, и Передур по-

³⁶⁹ Такая же доска принадлежала, по легенде, Гвенддолен, знаменитой красавице двора Артура. Связь шахматной игры с государственными делами часто встречается в литературе.

³⁷⁰ Буквально «быстрее ртути» (ademyawc).

верг человека на землю, и спешился, и достал из ножен меч, но тут человек исчез, словно его и не было, и вместе с ним исчезли его конь и конь Передура.

Тогда Передур поднялся на гору, и на другой ее стороне увидел замок в речной долине, и вошел в него. И там он увидел сидящих в зале хромого короля и Гвальхмаи, и они были рады видеть его. И Передур подошел к ним и сел рядом. В это время в зал вошел золотоволосый юноша и преклонил колени перед Передуром. «Господин, – сказал он, – это я приходил в обличье черной девицы ко двору Артура и когда ты бросил в озеро шахматную доску, и когда ты убил черного великана в Константинополе, и когда ты сразил оленя. И это я тогда входил в зал с отрубленной головой на блюде и с копьем, с которого стекала кровь; и это была голова твоего двоюродного брата, убитого глостерскими ведьмами; и по их вине твой дядя сделался хромым. Я же – твой родич и делал все это, зная предсказание, по которому ты должен отомстить им».

Тогда Передур с Гвальхмаи решили послать за Артуром и его рыцарями, чтобы они помогли им справиться с ведьмами. И они сразились с ведьмами; и одна из них убила рыцаря, что стоял слева от Передура, а он отразил удар. И в другой раз ведьма убила рыцаря, стоявшего справа, а Передур опять отразил ее удар. И в третий раз ведьма кинулась на Передура; тогда он поднял меч и ударил ведьму по шлему так, что расколол ей шлем вместе с головой. И она закричала, чтобы прочие ведьмы скорее улетали, ибо пришел Передур, которого они обучили военному искусству и который должен победить их.

И после этого Артур и его рыцари воевали с глостерскими ведьмами и перебили их всех до единой. И так кончается рассказ о Замке Крови.

Герайнт, сын Эрбина³⁷¹

Двор Артура обычно находился в Каэрлеоне на Аске, где он пребывал в течение пяти пасхальных праздников и пяти рождественских. И там же он встречал Троицын день³⁷² поскольку Каэрлеон был самым доступным местом в его владениях для приезжающих по суше и по морю. И вокруг него собрались там девять королей со своими людьми, и с графами, и с баронами, и они гостили у него все праздники, если не находилось у них в то время важных дел.

И вот, когда он был со своим двором в Каэрлеоне, для праздничной службы было приготовлено тринадцать церквей. Вот как их приготовили: церковь для Артура с девятью королями и прочими его гостями; другая церковь – для Гвенвифар с ее дамами; третья – для управителя двора,³⁷³ с его помощниками; четвертая – для Одгара Франка и прочих начальников войска³⁷⁴ девять оставшихся – для Гвальхмаи и других рыцарей, которые по своей знатности и воинским подвигам водили девять дружин. И в каждой из церквей могли молиться лишь те, кого мы упомянули.

Главным же привратником был Глеулвид Гафаэлфаур, но он не нес службу сам, кроме как на три главнейших праздника – за него это делали семеро его подчиненных, разделивших меж собой год, и это были не кто иные, как Гринн, и Пенн Пигон, и Ллаэс Кимин, и Гогифолх, и Гордни Кошачий Глаз, который ночью видел не хуже, чем днем, и Дрем, сын Дремхидида, и Клист, сын Клистфайнидда. Все они служили привратниками при дворе Артура.³⁷⁵

И на Троицын день, когда император пировал в дворцовом зале, вошел туда высокий юноша

³⁷¹ Это пятая в сборнике история артуровского цикла и третья из повестей, объединенных значительным франко-нормандским влиянием. В ней это влияние кажется наибольшим, хотя и герои, и некоторые мотивы ее берут начало в валлийской традиции. Кретьен де Труа излагает эту же историю с большими подробностями (роман «Эрек и Энида»), и, хотя валлийская версия не кажется простым переводом, она теряет в сравнении с романом французского трувера то, чем были сильны предыдущие легенды сборника, – варварскую выразительность языка, цельность характеров, колорит мифа. Сменившая их «куртуазность» рыцарского романа приобретает здесь сухость и схематичность перевода. «Герайнт» знаменует собой окончательный упадок валлийской волшебной прозы под натиском литературных влияний с континента.

³⁷² Пасха, Рождество и Троица – три главных святых праздника западной церкви.

³⁷³ Управитель двора, или стюард – должность, заимствованная валлийскими королями у франко-нормандцев.

³⁷⁴ *Penteulu*, «предводителей дружины». «Франк» здесь может означать и нацию, и дворцовую должность.

³⁷⁵ Эти же имена привратников с небольшими изменениями повторяются в «Килохе».

с каштановыми волосами, в блестящем шелковом кафтане, в туфлях из лучшей кордовской кожи, и на поясе у него висел меч с золотым узором. «Приветствую тебя, господин», – сказал он. «Храни тебя Бог, – сказал ему Артур, – и да будет с тобой его милость. Что тебе нужно?» – «Узнаешь ли ты меня, господин?» – спросил юноша. «Нет, не узнаю», – ответил Артур. «Поистине, это странно, ведь я твой лесник из Динского леса³⁷⁶ и имя мое Мадок, сын Тургадарна». – «Говори же, Мадок, с чем ты пришел», – сказал ему Артур. «Я скажу, господин, – ответил тот. – Я встретил у себя в лесу оленя, подобного которому никогда не видел». – «Что же в нем такого, – спросил Артур, – чего нет у других оленей?» – «Он весь белый, господин, и не пасется рядом ни с одним животным из-за своей гордыни, и я хочу спросить тебя, что мне делать с ним. Каков будет твой совет?» – «Лучшее, что я могу сделать, – сказал Артур, – это поехать завтра на охоту в то место, и пусть скажут об этом всем моим людям, и Руферусу (а это был старший охотник Артура), и Элифри (он был главой пажей), и всем прочим».

Так и сделали. И он велел юноше сопровождать их. И Гвенвифар сказала Артуру: «О господин, позволь мне завтра поехать с тобой на охоту и взглянуть на оленя, о котором говорил этот юноша». – «Что ж, – сказал Артур, – я с радостью возьму тебя с собой».³⁷⁷ – «Тогда я поеду с вами», – сказала она. И после этого Гвальхмаи сказала Артуру: «Государь, если ты не против, позволь завтра тому, кто сразит оленя, будь то рыцарь или пеший воин, отрезать ему голову и поднести ее в дар своей даме сердца». – «И это я с радостью одобряю, – сказал Артур, – но пусть управитель завтра накажет тех, кто не выедет вовремя на охоту».

И они провели ночь, пируя, и слушая песни бардов, и беседуя, сколько душа пожелает. Когда же пришло время, они отправились спать.

Наутро все они встали, и Артур призвал к себе четырех пажей, охранявших его опочивальню, и это были Кадириэйт, сын привратника Гордни,³⁷⁸ и Амрен, сын Бедуира, и Амар, сын Артура, и Гореу, сын Кустеннина.³⁷⁹ И они вошли, и приветствовали Артура, и помогли ему одеться. И Артур удивился, что Гвенвифар еще не встала и не поднялась с постели, и все хотели дождаться ее, но Артур сказал: «Не стоит ждать ее, если ей больше нравится спать, чем ехать с нами на охоту».

И они отправились в путь, и Артур услышал рог своего старшего охотника, и все они во главе с Артуром пустили коней к лесу.

И когда Артур покинул двор, Гвенвифар встала и позвала служанок, и они помогли ей одеться. Она сказала им: «Вчера я собиралась поехать на охоту. Пусть же одна из вас пойдет на конюшню и выберет лошадей, подходящих для дам». И служанка пошла на конюшню, но нашла там лишь двух коней. Тогда Гвенвифар со служанкой сели на этих коней и поехали через Аск дорогой, на которой виднелись свежие следы копыт.

И вот они услышали сильнейший шум и, оглянувшись, увидели скачущего за ними всадника на громадном коне, и это был юноша благородного вида с каштановыми волосами; на боку его висел меч с золотой рукоятью, а одет он был в шелковый кафтан и плащ пурпурного цвета с золотыми яблоками на концах; обут же он был в сапоги из лучшей кордовской кожи. И конь его неся быстро, но легко, горделиво вскинув голову.

И он приблизился к Гвенвифар и приветствовал ее. «Храни тебя Бог, Герайнт,³⁸⁰ – сказала

³⁷⁶ Динский лес, местонахождение которого неизвестно, часто упоминается в валлийском фольклоре; слово «den» входило во многие кельтские топонимы (например, Арденнский лес во Франции). Лес в кельтской мифологии вообще считался местом обитания потусторонних сил.

³⁷⁷ Некоторые средневековые обычаи запрещали женщинам охотиться вместе с мужчинами, хотя в большинстве феодальных стран такой запрет отсутствовал.

³⁷⁸ Кадириэйт, или Кадирнерт, отмечен в триадах как один из самых справедливых (варианты: щедрых, гостеприимных) рыцарей Артура.

³⁷⁹ Гореу, сын Кустеннина, упоминается в «Килохе», а также в одной из триад, где рассказывается о том, как он трижды освободил Артура из плена. Его имя означает «лучший».

³⁸⁰ Герайнт, сын Эрбина, хорошо известен в легендарной традиции. Он был правителем Корнуолла и погиб в битве с саксами при Ллонгборте, о чем упоминают знаменитые барды Лливарх Хен и Анейрин. В триадах он также называется среди верных влюбленных и среди Трех мореплавателей Острова Британии (триада № 14). Его имя встречается и в списке валлийских святых вместе с именами четырех его сыновей. Еще один его сын, Гарви, именуется в триадах

она. – Видишь, я узнала тебя, хотя видела очень давно. Почему ты не поехал – на охоту со своим господином?» – «Потому что не знал об этом», – ответил он. «Я тоже удивилась, – сказала она, – что он уехал, не известив меня». – «Да, госпожа, вот и я спал и не слышал, как он уехал». – «О юноша, – сказала она, – поистине, ты спутник, приятнее которого нет для меня во всем королевстве, к тому же я узнаю об охоте не меньше их – ведь мы отсюда услышим и звуки рога, и лай собак». И они выехали на опушку леса и там остановились. «Отсюда мы услышим, – сказала она, – когда собак пустят по следу».

И тут они услышали стук копыт, и взглянули туда, откуда он раздавался, и увидели карлика на громадном коне, раздувающим ноздри, и в руке у него был хлыст. Следом за карликом ехала дама на прекрасном белом коне, чей бег был скор, но послушен. И на даме было платье из золотого шелка. Следом ехал всадник на боевом коне в тяжелых сверкающих латах, и им показалось, что никогда еще они не видели коня и всадника больших, чем эти. И они съехались ближе и остановились.

«Герайнт, – спросила Гвенвифар, – знаешь ли ты этого всадника?» – «Я не знаю его, госпожа, – ответил он, – и из-за этих тяжелых заморских лат не могу разглядеть его лица». – «Иди, девушка, – велела Гвенвифар служанке, – и спроси у карлика, кто этот всадник».

И служанка направилась к карлику, и он, увидев ее, остановил коня. И она спросила его: «Скажи мне, кто этот всадник?» – «Я не скажу тебе этого», – отвечал он. «Раз уж ты столь невежлив, что не желаешь этого сказать, то я спрошу его сама». – «Клянусь, ты не сделаешь этого», – сказал карлик. «Почему же?» – удивилась она. «Не того ты рода, чтобы говорить с моим господином». Тогда служанка направила к всаднику своего коня, но карлик ударил ее по лицу хлыстом, бывшим у него в руке, так, что хлынула кровь. И служанка, чувствуя боль от удара, вернулась к Гвенвифар и пожаловалась ей. «Поистине, – сказал Герайнт, – жестоко и несправедливо обошелся с тобой этот карлик. Сейчас я сам поеду и узнаю, кто этот всадник». – «Ну что ж, поезжай», – сказала Гвенвифар.

И Герайнт подъехал к карлику. «Кто этот всадник?» – спросил он его. «Я не скажу тебе этого», – ответил карлик. «Тогда я спрошу его сам», – сказал Герайнт. «Клянусь, ты не сделаешь этого», – сказал карлик, – не того ты рода, чтобы говорить с моим господином». Тогда Герайнт сказал: «Говорил я с людьми и познатней твоего господина». И он направил коня к всаднику, но карлик догнал его и ударил хлыстом так же, как служанку, и кровь брызнула на плащ Герайнта. И он уже опустил руку на рукоять меча, но подумал, что если он убьет карлика, то не справится без доспехов с его хозяином, и тогда он вернулся к месту, где была Гвенвифар. «Ты поступил мудро и достойно»,³⁸¹ – сказала она. «О госпожа, – обратился он к ней, – с твоего позволения я последую за этими людьми до места, где я смогу добыть оружие и доспехи, чтобы сразиться с рыцарем». – «Поезжай, – сказала она, – и не вступай с ним в бой, пока не добудешь надежных доспехов. И помни, что я буду тревожиться за тебя, пока не получу вестей». – «Если я только буду жив, – ответил он, – то до завтрашнего вечера ты получишь вести от меня». И он поехал за ними.

И они проехали по дороге мимо двора Артура в Каэрлеоне, и переехали через брод на Аске, и продвигались по обширной и дикой равнине, пока не достигли укрепленного города. И над городом возвышалась крепость, и они поехали к ней; и когда рыцарь проезжал через город, все жители вышли приветствовать его. Когда же Герайнт вступил в город, он заглядывал в каждый дом, надеясь встретить знакомых, но не узнал никого, и его никто не узнал, и никто не хотел дать ему оружие и доспехи за плату или под залог. Притом в каждом дворе он мог видеть мечи, и щиты, и начищенные доспехи, и боевых коней. И всадник со своей спутницей и с карликом въехали в крепость, и все там были рады их прибытию, и все на стенах и в воротах склонили головы, приветствуя их.

И Герайнт подошел туда, чтобы узнать, нельзя ли и ему войти в замок, и ему велели ждать; тогда он огляделся по сторонам и увидел за городской стеной старый полуразвалившийся дом, и,

---

одним из самых любезных рыцарей Артура. Около 530 г. некий Герайнт или Геренниус упоминается в житии святого Телиау в качестве правителя Корнуолла, к которому его привязывает и данная повесть, но в остальном это лишь условный характер идеального рыцаря, имеющий мало общего со своим историческим прототипом.

³⁸¹ Рыцарь не должен был, согласно кодексу чести, поднимать оружие против простолюдина, кроме как для самозащиты.

не найдя в городе приюта, он направил коня туда. И, въехав во двор, он увидел мраморную лестницу, ведущую в верхние покои, и на лестнице его встретил седой старик в ветхой, поношенной одежде. Герайнт посмотрел на него, и старик спросил: «О юноша, чего ты ищешь здесь?» – «Я не знаю, – ответил Герайнт, – где мне отыскать ночлег». – «Тогда входи, – сказал старик, – и ты получишь то небольшое, что я могу тебе предложить». И он вошел, и седой старик провел его в зал, где сидела на подушках старуха в ветхом шелковом платье, и Герайнт подумал, что, когда она была в цвете лет, на свете не было дамы красивее ее. Позади нее сидела девушка в таком поношенном платье, что оно едва держалось на ней. И ему показалось, что, несмотря на столь бедную одежду, он еще не встречал девушки более красивой и благородной.

И старик сказал девушке: «Кроме тебя, у нас нет конюха для коня этого юноши». – «Я сделаю все, что смогу, – ответила она, – и для этого юноши, и для его коня». И она сняла с Герайнта сапоги и насыпала его коню овса, после чего снова вернулась в верхние покои. И тогда старик сказал ей: «Сходи в город и принеси все лучшие яства и напитки, что найдешь там». – «Я с охотой сделаю это, господин мой», – сказала она. И пока они беседовали, девушка сходила в город и вернулась в сопровождении слуги, несущего кувшин с медом и телячью ногу; она же несла ковригу хлеба и сладкие булочки. И она поднялась со всем этим в верхние покои. «Мне не удалось достать ничего лучше, – пожаловалась она, – никто уже не дает нам в долг». – «Что ж, этого вполне достаточно», – сказал Герайнт, и они стали ждать, когда сварится мясо.

И когда все было готово, они сели за стол так: Герайнт сел между стариком и его женой, а девушка села напротив; и они поели. После еды Герайнт заговорил со стариком и спросил, его ли это дом. «Да, я выстроил его, – ответил тот, – а когда-то мне принадлежал весь этот город и замок, которые ты видел». – «О господин, – спросил Герайнт, – как же ты потерял все это?» – «Я потерял это и еще целое графство, и вот как это случилось. Был у меня племянник, сын моего брата, от которого я унаследовал все эти владения. Когда он вошел в силу, он потребовал их обратно, и пошел на меня войной, и отнял все, кроме вот этого дома».

«О господин, – спросил тогда Герайнт, – скажи мне, зачем прибыл сюда рыцарь, что въехал накануне в город с дамой и карликом? И зачем в городе столько оружия?» – «Я скажу тебе, – ответил старик. – Все готовятся к завтрашнему турниру, в котором примет участие молодой граф. Вот как это будет: на лугу вкопают два столба, и повесят на них серебряную перекладину, и посадят на нее сокола. Из-за этого сокола и состоится турнир, и все люди, и кони, и оружие, что ты видел, готовятся к этому турниру; и с каждым рыцарем там должна быть его дама сердца, поскольку без таковой ни один рыцарь не может биться за сокола. Рыцарь же, которого ты видел, выигрывал сокола два года подряд, и если завтра он выиграет его в третий раз, то потом он будет получать его каждый год без боя. И он получит имя Рыцарь Сокола».

«О господин, – сказал Герайнт, – что же мне делать с этим рыцарем, который оскорбил меня и служанку Гвенвифар, супруги Артура?» И он рассказал старику, как это все случилось. И тот сказал: «Не так легко мне помочь тебе, ибо у тебя нет дамы, за которую ты мог бы биться. Но я мог бы дать тебе доспехи и хорошего коня». – «Господин, – сказал Герайнт, – да благословит тебя Бог. Конь мой достаточно хорош для меня, если будут на мне твои доспехи; что до дамы сердца, то пусть будет эта вот девушка, твоя дочь, и если я вернусь с турнира живым, то буду любить ее всю свою жизнь и останусь ей верен. Если же меня убьют там, то она сохранит свою чистоту, как и раньше». – «С радостью соглашаюсь, – сказал старик, – и раз уж: ты решился, то нужно быть готовым уже к утру, когда в поле выедет Рыцарь Сокола и попросит свою даму сердца взять сокола, как ей подобает. И он скажет ей: „Ты владела им два года, и, если кто-либо попытается отобрать его у тебя, я сумею защитить твои права“. Поэтому тебе нужно быть там, когда он это скажет, – продолжал старик, – а мы все трое пойдем с тобой». Так они и решили и отправились спать, а наутро поднялись, и оделись, и приготовили коня и доспехи.

И в назначенный час они вчетвером встали на берегу реки. И выехал Рыцарь Сокола и попросил свою даму взять сокола. Но Герайнт сказал: «Не трогай его, ибо есть здесь дама прекраснее тебя, и чище, и знатней по рождению». – «Что ж, – сказал рыцарь, – если ты желаешь, чтобы этот сокол достался ей, выходи биться со мной». И Герайнт выехал в поле на коне, в тяжелых доспехах, что дал ему старик. И они сразились, и преломили копьа, и другие, и третьи, и сломали все копьа, что им дали, одно за другим. Когда одолевал Рыцарь Сокола, то граф и его приближенные радовались, а старик с женой и дочерью печалились. И старик подавал Герайнту копьа, когда они ломались; Рыцарю Сокола же подавал копьа его карлик, наконец старик подошел к Герайнту и ска-

зал ему: «Господин, вот это копьё я получил, когда был посвящен в рыцари, и с тех пор оно не ломалось и было крепче всех других копий». Герайнт взял копьё и поблагодарил старика. А карлик в это время поднес копьё своему господину. «Это не худшее из копий, – сказал он ему, – однако помни, что ни один рыцарь еще не держался так стойко в бою с тобой». – «Клянусь Богом, – воскликнул Герайнт, – ничто не поможет тебе, коль я буду жив». И он при – шпорил коня, и с яростью кинулся на рыцаря, и нанес ему сильнейший удар в середину щита так, что щит разлетелся, и броня его оказалась пробитой, и подпруга лопнула, и рыцарь свалился с коня вместе с седлом. Тогда Герайнт быстро спешился, обнажил меч и бросился на рыцаря, который встал и тоже обнажил свой меч. И так они наносили друг другу удары, пока доспехи на обоих не разлетелись в куски и пока пот и кровь не застлали им глаза. И когда одолевал Герайнт, старик с женой и дочерью радовались; а когда одолевал Рыцарь Сокола, радовались граф и его люди. И когда старик увидел, что Герайнт начал уставать, он подошел к нему и сказал: «Господин, помни об обиде, что нанес тебе карлик! Ты должен отомстить за себя и Гвенвифар, жену Артура».

И Герайнт вспомнил об этом, и вновь обрел силы, и поднял меч, и с такой силой ударил рыцаря по макушке, что шлем треснул и меч рассек ему кожу и мясо и дошел до кости. Тут рыцарь упал на колени, выронил из рук меч и обратился к Герайнту: «Невыносимо для моей гордыни просить у тебя пощады, поэтому я не жду, что ты пощадишь меня за все мои грехи, и не прошу сохранить мне жизнь». – «Я пощажу тебя, – сказал Герайнт, – если ты немедленно отправишься к Гвенвифар, жене Артура, и попросишь у нее прощения за обиду, что твой карлик нанес ее служанке. За мою обиду я тебе уже отомстил. Поклянись, что ты не спешишься, пока не явишься к Гвенвифар и не повинись перед ней, как это принято при дворе Артура». – «Я сделаю это, но скажи мне, кто ты таков?» – «Я Герайнт, сын Эрбина, а кто ты?» – «Я Эдирн, сын Нудда».³⁸² И он с трудом сел на коня и отправился прямо ко двору Артура, и с ним поехали его дама сердца и его карлик, весьма опечаленные. Так об этом говорит история.

И после этого к Герайнту пришли молодой граф и все его приближенные, и приветствовали его, и пригласили в замок. «Нет, – сказал Герайнт, – я пойду туда, где я провел прошлую ночь». – «Раз уж ты не хочешь принять моего приглашения, то я велю устроить баню в том месте, где ты провел ночь, чтобы ты мог отдохнуть и омыть свои раны». – «Благодарю тебя, – сказал Герайнт, – ищи меня там». И он пошел туда вместе со старым графом Иниолом, и его женой, и его дочерью.

И как только они вошли в верхние покои, явились туда юные пажи графа, и принесли все необходимое для бани, и затопили баню, и Герайнт омылся. Тут пришел молодой граф с сорока знатными рыцарями из числа его людей и участников турнира. И он пригласил Герайнта в зал отобедать. «А где граф Иниол с женой и дочерью?» – спросил Герайнт. «Они в верхних покоях, надевают платья, что прислал им граф». – «Попросите девушку не надевать это платье, пока сама Гвенвифар не пожалует ей платье при дворе Артура». И девушка не надела нового платья.

И все они вошли в зал, омыли руки и сели за стол. Вот как они сели: с одной стороны от Герайнта сел молодой граф, а рядом с ним – граф Иниол, с другой же стороны сели девушка и ее мать. Прочие же уселись по своей знатности и положению. И они ели и пили, и им подносили самые изысканные блюда. И граф снова завел разговор и пригласил Герайнта к себе. «Я не пойду, клянусь Богом, – ответил Герайнт. – Завтра же я отправлюсь ко двору Артура и не вернусь сюда, пока граф Иниол беден и унижен; если же я вернусь, то лишь затем, чтобы восстановить его права». – «Господин мой, – сказал граф, – не по моей вине граф Иниол лишился владений». – «Но я клянусь, – сказал Герайнт, – что, коль я буду жив, он их получит». – «Тогда разреши наш спор с графом Иниолом, и я с охотой верну все, что ему причитается». – «Я прошу вернуть ему лишь то, чем он владел, и еще возмещение за те годы, что он прожил в бедности». – «Я с радостью отдам ему все это», – сказал граф. «Тогда вели и всем людям, что некогда служили Иниолу, принести ему клятву верности». И они так и сделали. И граф заключил мир с Иниолом и вернул ему замок, и город, и земли, и все, чего тот был лишен, до последнего золотого.

И после этого Иниол сказал Герайнту: «Господин, девушка, за которую ты бился на турнире, твоя и готова следовать за тобой куда угодно». – «Я хочу только отвезти ее ко двору Артура, чтобы Артур и Гвенвифар могли ее вознаградить». И на другой день они отправились прямо ко двору Артура. Так рассказывает история о Герайнте.

³⁸² Эдирн (Edeym), сын Нудда, упомянут в артуровском эпосе как один из рыцарей Артура, участник похода на Рим. Его имя присутствует и в списке валлийских святых, где его именуют также и бардом.

Поведаем теперь о том, как Артур охотился на оленя. Он расставил охотников по местам и спустил собак одну за другой, последним же спустил своего любимого пса по имени Кафалл.³⁸³ И собаки загнали оленя прямо к месту, где был Артур, и Артур первым достиг его, и отрезал ему голову, и протрубил в рог, чтобы собрать всех.

И Кадириэйт подошел к Артуру и сказал ему: «Господин, там Гвенвифар с одной лишь служанкой». – «Отошли Гильду, сына Кау, и всех ученых мужей ко двору вместе с Гвенвифар»,³⁸⁴ – велел Артур. Так и было сделано. После этого все сошлись и заспорили, кому достанется голова оленя, ибо каждый хотел преподнести ее своей даме сердца. И все рыцари и охотники перессорились из-за этой головы, пока добрались до двора.

Когда же Артур с Гвенвифар слышали все эти споры, Гвенвифар сказала Артуру: «О господин, выслушай мой совет относительно головы: вели не отдавать ее никому до возвращения Герайнта, сына Эрбина». И она рассказала Артуру о том, что случилось. «Да будет так», – сказал Артур. На другой же день Гвенвифар велела дозорным подняться на башни и высматривать Герайнта. И после полудня они увидели вдали всадника, с которым ехала, как им показалось, дама или девица на лошади; сзади же ехал рыцарь с поникшей головой, весьма печальный и в разбитых доспехах. Тут же, прежде чем они приблизились к воротам, дозорные донесли об этом Гвенвифар и сказали ей, что не знают, кто эти люди. «Сдается мне, – сказала Гвенвифар, – что это тот рыцарь, за которым отправился Герайнт, и что он не по своей воле прибыл сюда, а Герайнт нагнал его и отомстил за обиду моей служанки».

И вот к Гвенвифар явился привратник. «Госпожа, – сказал он, – у ворот стоит рыцарь, и я никогда не видел более жалкого зрелища, нежели он. Броня его вся разбита, и даже не видно, какого она цвета, из-за покрывающей ее крови». – «Сказал ли он, как его имя?» – спросила она. «Он говорит, что его имя Эдирн, сын Нудда, но мне он не знаком».

Тогда Гвенвифар вышла к воротам, чтобы встретить его, и он вошел. И Гвенвифар стало жаль его, когда она увидела его горестное состояние. И, войдя, он приветствовал Гвенвифар. «Храни тебя Бог, рыцарь», – сказала она. «Госпожа, – сказал он ей, – тебе передает привет Герайнт, сын Эрбина, лучший и достойнейший из рыцарей». – «Видел ли ты его?» – спросила она. «Да, – ответил он, – и это плохо кончилось для меня, но не по его вине, а по моей собственной. Он послал меня просить твоего прощения за обиду, что мой карлик нанес твоей служанке. Свою же обиду он простил, решив, что уже отомстил мне тем, что победил и отправил сюда, к тебе, госпожа». – «Скажи, рыцарь, где же он победил тебя?» – «Там, где мы сражались за сокола; в городе, что зовется ныне Кардифф».³⁸⁵ У него не было спутников, кроме трех оборванцев; и это были седой старик, старуха и весьма миловидная девица в ветхом платье. Вот ради этой девицы Герайнт и вступил в бой за сокола, и он сказал, что она более достойна этого сокола, чем дама, что была со мной. Потому мы и стали сражаться, и, как ты видишь, госпожа, он меня одолел». – «О рыцарь, – спросила она, – когда же Герайнт будет здесь?» – «Я думаю, госпожа, что он завтра же прибудет сюда вместе с той девицей».

Тут вошел Артур, и рыцарь приветствовал его. «Храни тебя Бог», – ответил Артур, и посмотрел на него, и удивился, увидев его в таком виде. Ему показалось, что этот рыцарь знаком ему, и он спросил: «Не ты ли Эдирн, сын Нудда?» – «Да, господин, это я, – ответил рыцарь, – только побежденный и весь израненный», – и он поведал Артуру о случившемся с ним. «Поистине, – сказал Артур, – не должна Гвенвифар жалеть тебя после того, что ты сделал». – «Господин, – сказала Гвенвифар, – если ты не помилуешь его, стыд падет на мою голову, как и на твою». – «Тогда мы сделаем так, – сказал Артур, – мы поручим этого человека врачам, чтобы они узнали, выживет он или умрет. И если он выживет, мы рассудим его дело по обычаям нашего двора. Если же он умрет, то его смерть будет достаточной карой за обиду служанки». – «Пусть будет так», – сказала Гвенвифар. И после Артур принес поручительство в этом, и то же сделали Карадауг, сын

³⁸³ Пес Артура Кафалл неоднократно упоминается в фольклоре, в том числе в мабиноги (см., например, «Килох»).

³⁸⁴ По этикету, Гвенвифар не могла ехать ко двору одна, поэтому с ней отсылают бесполезных на охоте ученых людей. Гильда, сын Кау – знаменитый историк, автор «Разорения Британии»; он и его отец были враждебно настроены к Артуру, поэтому Гильда даже не упомянул его в своем сочинении.

³⁸⁵ Единственный пробыск реальной географии в повести. Кардифф, нынешняя столица Уэльса, был основан, как и все тамошние города, англо-нормандцами в XI в., при завоевании ими Гламорганшира (Морганнога).

Ллира, и Гваллауг, сын Лленнауга, и Оуэн, сын Нудда,³⁸⁶ и Гвальхмаи, и все прочие. И Артур звал Моргана Туда, что был при дворе главным врачом. «Возьми Эдирна, сына Нудда, к себе, и приготовь ему покои, и лечи его так, как лечил бы меня, будь я ранен, и не пускай к нему в покои никого, кроме своих подручных». – «Я с радостью сделаю это, господин», – сказал Морган Туд. И потом управитель двора спросил: «Господин, куда поместить эту даму?» – «К Гвенвифар и ее служанкам», – ответил Артур. И управитель так и сделал. Так кончается эта история.

На другой день Герайнт прибыл ко двору, и его увидел дозорный, поставленный Гвенвифар, дабы его прибытие не прошло незамеченным. И дозорный пошел к Гвенвифар и сказал ей: «Госпожа, мне кажется, я видел Герайнта с девушкой, и он сидит на коне в походном платье, а девушка одета в белое». – «Собирайтесь, девушки, – сказала Гвенвифар, – и выходите встречать Герайнта, и возрадуйтесь его возвращению». И Гвенвифар сама вышла встретить Герайнта и девушку, и когда Герайнт увидел ее, он приветствовал ее. «Храни тебя Бог, – сказала она, – здравствуй. Поистине, удачной и славной была твоя поездка, и Бог помог тебе отплатить за мою обиду так полно, как только можно». – «О госпожа, – сказал он, – я и хотел сделать это. Вот девушка, благодаря которой твоя обида отомщена». – «Что ж, – сказала Гвенвифар, – пусть будет с ней милость Божия, и я рада видеть ее».

И они спешили и вошли внутрь, и Герайнт пошел туда, где пребывал Артур, и приветствовал его. «Храни тебя Бог, – сказал Артур, – я рад тебя видеть. Твоя поездка была удачной, хотя Эдирн, сын Нудда, пострадал от тебя». – «Не я виноват в этом, – сказал Герайнт, – но его собственная гордыня. Я не знал, кто он, пока не одолел его в честном бою». – «Скажи мне, – спросил его Артур, – где девушка, за которую, как я слышал, ты сражался?» – «Она пошла с Гвенвифар в ее покои». И Артур пошел туда, чтобы взглянуть на девушку. И Артур, и его рыцари, и все при дворе были рады видеть ее. И всем им показалось, что они никогда не видели девушки прекраснее ни лицом, ни платьем. И Артур сосватал ее Герайнту, и они заключили союз.³⁸⁷ И девушка выбрала лучшее из платьев Гвенвифар, и всякий, кто видел ее в этом платье, смотрел на нее с любовью.

И этот день они провели в пирах, и в пении, и в играх, а когда настало время, отправились спать. Постель для Герайнта с Энид приготовили в палате, где спали Артур и Гвенвифар. И в ту ночь они впервые спали вместе. На другой же день Артур щедро одарил их своими дарами. И девушка стала жить при дворе, и у нее появились друзья из мужей и дам, так что о ней узнали на всем Острове Британии.

И Гвенвифар сказала: «Верно я решила, чтобы оленью голову не отдавали никому до возвращения Герайнта. Теперь ясно, кому следует отдать ее: Энид, дочери Иниола, лучшей из дев.³⁸⁸ Не думаю, что кто-либо станет оспаривать это, поскольку никто не испытывает к ней иных чувств, кроме любви и дружбы». И все согласились с этим, в том числе и Артур. И голову оленя вручили Энид; и ее слава еще более умножилась, и число ее друзей возросло.

Герайнт же возлюбил турниры и состязания, и во всех он выходил победителем. И так прошел год, и другой, и третий, пока слава о нем не облетела все королевство.

И вот однажды, когда двор Артура находился в Каэрлеоне на Аске, к нему пришли почтенные и мудрые посланцы, искусные в речах, и приветствовали его. «Храни вас Бог, – сказал Артур, – и да будет с вами его милость. Откуда вы пришли?» – «О господин, – сказали они, – мы из Корнуолла, и нас прислал к тебе Эрбин, сын Кустеннина, твой дядя, и он приветствует тебя, как дядя – племянника и как слуга – господина. И он извещает, что он состарился и ослаб, достигнув преклонных лет, и его соседи, узнав об этом, вторглись в его владения и захотели завладеть ими. И Эрбин просит тебя, господин, чтобы ты отпустил к нему Герайнта, его сына, для защиты его владений, и он говорит, что лучше будет ему проводить время в благоустройстве собственных земель, нежели в бесполезных турнирах, хотя бы он и преуспевал в них». – «Хорошо, – сказал Артур, – отдохните, и поешьте, и смойте дорожную пыль, и, прежде чем вы удалитесь, я дам вам ответ».

³⁸⁶ Вероятно, ошибка; имеется в виду Оуэн, сын Уриена.

³⁸⁷ Буквально: «дал ей agweddi», «свадебный дар». Здесь опять нет никаких упоминаний о церковном браке.

³⁸⁸ Энид упоминается в ряде стихотворений и в одной из триад, но в целом образ ее несколько бледен, сосредоточиваясь на одной черте (верности), как и все прочие образы данной повести.

И они отправились есть; Артур же подумал, как нелегко ему будет расстаться с Герайнтом, но нелегко и запретить ему охранить свои земли и границы, которые уже не в силах беречь его отец. Не меньше опечалилась и Гвенвифар, и все ее служанки, и дамы двора из-за боязни потерять Энид.

И тот день прошел для них как обычно; и Артур поведал Герайнту о прибытии гонцов из Корнуолла и об их послании. «Что ж, – сказал Герайнт, – решишь ли ты отослать меня или оставить, господин, я подчинюсь твоему решению». – «Тогда выслушай мой совет, – сказал Артур. – Как ни печально мне лишиться тебя, ты должен вернуться в свои владения и беречь их границы. Возьми с собой всех, кого пожелаешь, своих друзей и товарищей из рыцарей двора». – «Спасибо тебе за совет, – сказал Герайнт, – я так и поступлю». – «О чем вы шепчетесь? – спросила тут Гвенвифар. – Не о провожающих ли для Герайнта идет речь?» – «Да», – ответил Артур. «Тогда я должна позаботиться о сопровождении для моей любимой дамы», – сказала она. «Ты поступишь правильно», – сказал Артур.

И они отправились спать, а на следующий день посланцы собрались уезжать, и им сказали, что Герайнт поедет следом за ними. И на третий день Герайнт собрался в путь. Вот кто отправился с ним: Гвальхмаи, сын Гвиара, и Риогонед, сын короля Ирландии, и Ондриау, сын герцога Бургундии, и Гвиллим, сын правителя Франции, и Хоуэл, сын Эмира, из Бретани, и Элифри Анаукирдд, и Гвинн, сын Трингада, и Гореу, сын Кустеннина, и Гвейр Горхид Фаур, и Гараннау, сын Голитмера, и Передур, сын Эвраука, и Гвиннлогелл, судья при дворе Артура, и Дифир, сын Алуна Дифеда, и Гореи Гвальстауд Изтоудд,³⁸⁹ и Бедуир, сын Бедрауда, и Кадори, сын Гуирона, и Кай, сын Кинира, и Одгар Франк, управитель двора Артура, и Эдирн, сын Нудда. Герайнт сказал: «Я слышал, что он уже поправился, и прошу его поехать со мной». – «Но хоть он и поправился, – возразил Артур, – ты не должен брать его с собой, пока он не помирился с Гвенвифар». – «Быть может, Гвенвифар отпустит его со мной через поручительство?» – «Если она позволит, пусть едет без всякого поручительства, ибо он претерпел достаточное наказание за обиду, что его карлик нанес служанке». – «Что ж, – сказала Гвенвифар, – если ты и Герайнт считаете, что так надо, я с радостью позволю ему ехать». И так она отпустила Эдирна ехать с ними.

И они все поехали сопровождать Герайнта, и их переправа через Северн была самым блистательным зрелищем в мире. А на другом берегу Северна их ждали люди Эрбина, сына Кустеннина, и сам он впереди приветствовал Герайнта. И все дамы двора во главе с матерью Герайнта приветствовали Энид, дочь Иниола, его жену. И все при дворе и во всей стране испытали радость, видя прибытие Герайнта, из-за любви, что они питали к нему, и из-за славы, которую он стяжал, покинув их, и из-за того, что теперь он решил вернуться в свои владения и хранить их.

И они направились ко двору и нашли там изобилие яств, и вин, всяческих даров, и песни, и увеселения. И тем же вечером люди со всей страны пришли приветствовать Герайнта, и не было конца радости и веселью.

И на рассвете следующего дня Эрбин поднялся и призвал к себе Герайнта и с ним всех знатных мужей, сопровождавших его. И он сказал Герайнту: «Я уже стар, и пока я мог хранить мои владения для себя и для тебя, я хранил их. Ты молод, и силы твои в расцвете. Храни теперь свои владения». – «Но я приехал сюда от двора Артура, чтобы охранять твои владения, а не чтобы забирать их у тебя», – возразил Герайнт. «Теперь я отдаю их тебе. Сегодня же все люди поклянутся тебе в верности». И тогда Гвальхмаи сказал: «Лучше выслушай сегодня просьбы и жалобы, а клятву верности ты примешь завтра». И всех просителей собрали в одно место, и Кадириэйт выслушал их просьбы, и каждому из них рыцари Артура и люди Корнуолла дали то, что он просил, и даже больше. И этот день прошел среди всеобщей радости и веселья.

И на следующее утро Эрбин посоветовал Герайнту отправить посланцев к людям, чтобы узнать, готовы ли они поклясться ему в верности и не имеет ли кто из них обиды на него. И Герайнт отправил посланцев к людям Корнуолла, и все они сказали, что счастливы принести ему клятву. Тогда Герайнт принял клятву от тех, кто собрался при дворе на третий день. И на следующее утро рыцари Артура собрались уезжать, но Герайнт сказал им: «Не торопитесь уезжать, друзья! Останьтесь, пока я не закончу принимать клятву от всех своих людей». И они оставались там, пока он не закончил делать это.

³⁸⁹ Видимо, это Горхир Гвальстауд Изтоэдд, упомянутый в «Килохе».

И после они вернулись ко двору Артура; и Герайнт вместе с Энид провожал их до Диганви,³⁹⁰ и там они повернули назад. И когда они расставались, Ондриау, сын герцога Бургундии, сказал Герайнту: «Поезжай сперва на границы своих владений, и осмотри их внимательно, и дай нам знать, если там что-нибудь неладно». – «Спасибо за совет, – сказал Герайнт, – так я и сделаю». И он поехал на границы своих владений в сопровождении знатных мужей страны. И так они показали ему все владения до самых дальних окраин.

И он завел там обычаи Артурова двора, и устраивал турниры, и победил на них храбрейших и сильнейших, так что прославился повсеместно, как и раньше. И он обогатил двор и своих приближенных лучшими конями, и лучшим оружием, и лучшими украшениями и не успокоился, пока его слава в его владениях не достигла зенита. Достигнув же этого и увидев, что никто не смеет противиться ему, он возлюбил утех и развлечения.

И он любил свою жену, и постоянно пребывал с нею при дворе в пирах и увеселениях, и записался с нею в покоях, пока совсем не забросил дел управления и не забыл о своих воинах и приближенных. И их сердца отвратились от него, и они тайком возмущались тем, что он презрел их дружбу ради любви к женщине.

И их речи дошли до Эрбина. Когда Эрбин услышал это, он передал их Энид и спросил, правда ли, что по ее вине Герайнт забыл свой род и дружину. «Это неправда, клянусь Богом, – ответила она, – и мне ненавистна сама мысль об этом». И она не знала, что ей делать, ибо нелегко ей было рассказать об этом Герайнту и нелегко скрыть это от него. И из-за этого она была весьма опечалена.

И однажды утром они лежали в своей постели. Энид не спала и смотрела в застекленное окошко,³⁹¹ и летнее солнце освещало постель, и Герайнт спал с обнаженной грудью и руками. Она посмотрела на него и увидела, как он прекрасен и промолвила: «Горе мне! Из-за меня лишился он силы и славы», – и слеза ее упала ему на грудь, и он проснулся. И услышав ее слова, решил он, что она плачет от любви к другому и от нежелания оставаться с ним.

И эта мысль неотвязно преследовала Герайнта, и он почувствовал гнев и позвал своего оруженосца. И тот пришел к нему «Вели скорее, – сказал Герайнт, – приготовить моего коня и доспехи. И ты вставай, – обратился он к Энид, – и одевайся, и вели приготовить себе коня, и надень худшее из своих платьев для верховой езды. Будь я проклят, если ты вернешься сюда прежде, чем узнаешь, лишился ли я силы и славы, о которых ты говорила. И может быть, ты освободишься от моей опеки, как ты мечтала». И она встала, и надела свое самое скромное платье, и сказала: «Я не понимаю, о чем ты говоришь, господин». – «Скоро поймешь», – сказал он.

И после Герайнт пошел к Эрбину. «Отец, – сказал он, – я уезжаю и не думаю, что вернусь скоро. Сможешь ты последить за своими владениями до моего возвращения?» – «Смогу, сын мой, – ответил тот, – но меня удивляет, что ты уезжаешь столь неожиданно. И кто поедет с тобой? Ведь ты не из тех людей, что могут странствовать по Ллогру в одиночку».³⁹² – «Никто не поедет со мной, отец, кроме еще одного человека». – «Ну что ж, храни тебя Бог, сын, – сказал Эрбин, – ибо многие в Ллогре затаили против тебя зло».

И Герайнт пошел к своему коню, закованному в тяжелую броню иноземной работы. И он велел Энид сесть на ее коня и ехать впереди него на большом расстоянии. «Что бы ты ни увидела и что бы ты ни услышала, – сказал он ей, – не подъезжай ко мне; и не говори ни слова, пока я сам не заговорю с тобой».

И они двинулись в путь, и он выбрал не легкую проторенную дорогу, но глухую тропу, по которой ходили воры, разбойники да дикие звери, и по ней они ехали вдвоем. И вскоре они увидели обширный лес, и углубились в него, и там встретили четырех вооруженных людей верхом на конях. И эти люди увидели их, и один из них сказал: «Самое время нам завладеть двумя конями, и оружием, и девицей в придачу. Ведь мы легко одолеем этого сонного и унылого рыцаря». Энид же

³⁹⁰ Замок Диганви (Теганви), упоминающийся и в «Истории Галиесина», – это современный Конвей на севере Уэльса. Возможно, имеется в виду Трефинви (Монмут), хотя объяснить такую ошибку довольно трудно.

³⁹¹ Большая роскошь в то время. Даже этот невинный фрагмент леди Гест исключила из своего перевода как не соответствующий нормам викторианской морали.

³⁹² Имеется в виду, что многие затаили злобу на Герайнта, будучи побеждены им в свое время.

услышала его слова, но, боясь гнева Герайнта, не знала, смолчать или сказать ему об этом. «Гнев Божий падет на меня, – сказала она себе, – если я не предпочту смерть от его руки и не скажу ему то, что услышала, чтобы не дать ему умереть столь бесславно». И она дождалась Герайнта и спросила его: «Господин, слышал ли ты, о чем говорят те люди?» Он же поднял голову и в гневе посмотрел на нее. «Я ведь велел тебе молчать! – сказал он. – Мне ни к чему твои предупреждения и притворный страх за мою жизнь. Я вовсе не боюсь этих негодяев». А в это время один из них опустил копьё и кинулся на Герайнта. Но Герайнт встретил его и ударил в самую середину щита, так что щит раскололся, и броня его оказалась пробита, и копьё на целый локоть вошло ему в грудь, и он свалился мертвым с коня на землю. Тогда второй всадник в гневе набросился на Герайнта, увидев смерть своего товарища, и одним ударом Герайнт поверг то на землю, предав смерти, как и предыдущего. И третий кинулся на него, и он убил его так же. И таким же образом он убил и четвертого. Энид же устрашилась и опечалилась, видя все это. Герайнт спешился, и снял с убитых доспехи, и привязал, их к седлам, и связал их коней вместе, и сел на коня. «Слушай меня, – сказал он. – Возьми этих коней и гони их впереди себя; сама же езжай, как и раньше. И не говори мне ни слова, пока я первый не заговорю с тобой. Клянусь Богом, в которого верю, если ты нарушишь это, я накажу тебя». – «Я сделаю, как ты говоришь, господин», – сказала она.

И они ехали по лесу, пока не достигли широкого поля, поросшего кустарником, и там они увидели трех людей верхом на конях, вооруженных и закованных в броню. И Энид смотрела на них и, когда они подъехали ближе, услышала их разговор. «Смотрите, к нам в руки идет легкая добыча, – говорили они, – четыре коня и четыре доспеха. Мы легко отберем все это у того усталого рыцаря, и девушку в придачу». – «Это верно, – сказала она себе, – муж мой устал от битвы с теми людьми. Гнев Божий падет на меня, если я не предупрежу его». И она подождала Герайнта и спросила его: «Господин, слышал ли ты, о чем говорят те люди?» – «О чем же?» – спросил он. «Они сговариваются отнять у тебя твою добычу». – «Клянусь Богом, – сказал он, – меня гораздо больше волнует то, что ты опять нарушила мою просьбу и не смолчала». – «Но, господин, – сказала она, – я боялась, что они захватят тебя врасплох». – «Молчи об этом, я не нуждаюсь в твоих предупреждениях». И после этих слов один из всадников опустил копьё, и кинулся на Герайнта, и со всех сил ударил его. Но Герайнт выдержал этот удар и ударил всадника в самую середину щита, так что копьё пробило ему грудь, и он мертвым свалился с коня на землю. Тогда другие два всадника налетели на Герайнта, но их участь оказалась столь же плачевна. Энид же стояла и смотрела на это, и, с одной стороны, она печалилась, думая, что Герайнт ранен ударом первого всадника, но, с другой стороны радовалась, видя его победу. После этого Герайнт спешился, и привязал три доспеха к седлам, и связал коней вместе, так что всего их стало семь.

И он сел на своего коня и велел девушке гнать коней перед собой. «Сколько можно говорить тебе, чтобы ты молчала, – упрекнул он ее, – коль ты все равно не слушаешь моей просьбы». – «Я молчала, пока могла, господин мой, – возразили она, – но не могла смолчать, услышав о столь гнусном заговоре этих разбойников против тебя». – «Клянусь Богом, – сказав он, – твои слова мне не подмога. Поэтому лучше молчи». – «Я буду молчать, господин, если только смогу!» И она поехала вперед, гоня перед собою коней, а он двинулся следом.

И, пересекши поле, въехали они в обильную и прекрасную страну, и увидели там обширный лес, которому не было видно конца, и углубились в этот лес. И там им встретились пять человек верхом на конях, горделивых, могучих и храбрых, закованных в броню и вооруженных. И когда они подъехали ближе, Энид услышала разговор этих людей. «Смотрите, к нам идет легкая добыча, – говорили они, – ведь мы можем взять всех этих коней, и доспехи, и ту девицу, а этот унылый и сонный рыцарь не сможет нам помешать». И Энид весьма опечалилась, услышав их речи, ибо не знала, что ей делать, и наконец решила предостеречь Герайнта. И она повернула коня к нему и сказала: «Господин, я слышу разговор этих людей, и они угрожают тебе». Тогда Герайнт усмехнулся горько и сердито и сказал: «Я вижу, что ты не обращаешь внимания на все мои просьбы, но ты пожалеешь об этом». И вслед за этими словами те пятеро бросились на Герайнта, и он победил их всех, одного за другим. И он привязал их доспехи к седлам, и связал двенадцать коней вместе, и вручил их Энид. «Я уже не вижу смысла просить тебя о чем-то, – сказал он ей, – но последний раз прошу, чтобы ты молчала».

И девушка поехала дальше, а Герайнт следовал за ней на некотором расстоянии. И он опечалился, увидев, сколько она терпит из-за всех этих коней, и гнев понемногу начал покидать его. И ночь застала их среди леса. «Женщина, – сказал он, – пора нам отдохнуть». – «Да, господин, –

сказала она, – делай, как ты захочешь». – «Нам будет лучше остановиться здесь и дожидаться утра, чтобы ехать дальше». – «Так мы и сделаем», – сказала она. Тогда он спешился и помог ей сойти с коня. «Я так устал, что падаю с ног, – сказал он. – Ты же не спи и следи за конями». – «Хорошо, господин мой», – ответила она. И он уснул прямо в доспехах, и так прошла ночь, краткая в то время года.

И когда она увидела, что поднялось солнце, она посмотрела на него и заметила, что он проснулся. «О господин, – сказала она, – я уже собиралась будить тебя». Он же от усталости даже не вспомнил, что не разрешал ей говорить. И он встал и сказал ей: «Бери коней и езжай и держись от меня на расстоянии, как я велел тебе вчера». И так они покинули лес и выехали на открытое место, где были луга и косцы на них. И они подъехали к реке, протекавшей там, и их кони стали пить воду. После этого они поднялись вверх и встретили юношу с котомкой на плече и с синим кувшином в руке. И юноша приветствовал Герайнта. «Храни тебя Бог, – сказал Герайнт, – откуда ты?» – «Я из города, что недалеко отсюда, господин, – ответил юноша. – Ты не обидишься, если я спрошу, откуда ты сам?» – «Не обижусь, – сказал Герайнт. – Я еду из того леса». – «Ты больше не пойдешь туда?» – «Нет, я уже провел там одну ночь». Тогда юноша сказал: «Должно быть, тебе было не так уж хорошо этой ночью и ты не ел и не пил». – «Так и было, клянусь Богом», – сказал Герайнт. «Тогда послушайся моего совета, – сказал юноша, – и пообедай со мной». – «А что у тебя за обед?» – спросил Герайнт. «Я несу его тем косцам, и это всего лишь хлеб, мясо и вино; но, если хочешь, господин, я разделю его с тобой». – «С удовольствием», – сказал Герайнт, и он спешился, и юноша помог Энид слезть с коня. И они омыли руки и сели есть, и юноша разрезал хлеб, и налил им вина, и сам ждал, пока они поедят. Когда они закончили есть, юноша встал и сказал Герайнту: «Господин, с твоего позволения остальное я отнесу косцам». – «Сначала иди в город, – сказал ему Герайнт, – и найди мне лучшее жилье, какое сможешь, и лучшую конюшню для этих коней. И выбери себе коня, какого пожелаешь, в уплату за эти услуги». – «Да воздаст тебе Бог, господин, – сказал юноша, – этого хватит и за большую службу, чем та, что я сослужу тебе».

И юноша отправился в город и нашел там для Герайнта самое лучшее и удобное жилье. Потом же он пошел ко двору своего графа и рассказал ему всю историю. «А сейчас, господин, я пойду к этому рыцарю и проведу его в его жилище». – «Ступай, – сказал граф, – и пусть ему будет хорошо там». И юноша пошел к Герайнту и сказал ему, что граф пригласил его к себе, но Герайнт пошел в тот дом, что подыскал ему юноша. Там он увидел обширные покои, где было много покрывал. И он поместил коней в удобное место, и юноша принес им еды. Когда же они разместились, он обратился к Энид: «Иди на другой конец покоев и не приближайся ко мне. Если хочешь найди хозяйку и говори с ней». – «Хорошо, господин, – отвечала она, – я сделаю все, как ты хочешь».

И хозяин дома пришел к Герайнту, и приветствовал его и предложил ему поесть. Герайнт поел, и после этого юноша обратился к нему: «Не желаешь ли ты выпить чего-нибудь прежде чем пойти к графу?» – «Желаю», – сказал Герайнт. Тогда юноша пошел в город и вернулся с питьем для него. И они выпили, и Герайнт сказал: «Теперь я хочу только спать». – «Что ж, – сказал юноша, – спи, а я сам пойду к графу». – «Иди, сказал Герайнт, – но после возвращайся сюда». И он уснул и Энид уснула тоже. Юноша же пошел к графу, и граф спросил где живет рыцарь, о котором он говорил. Юноша объяснил ему и сказал: «Он велел мне вернуться туда до вечера». – «Возвращайся, – сказал граф, – и передай ему, что вечером я сам приду его навестить». – «Так и сделаю», – сказал юноша, и пошел в дом, и стал ждать, пока они проснутся.

И они проснулись и поужинали, а юноша продолжал ждать их. Тогда Герайнт велел хозяину, чтобы он привел к нему лучших людей города и угостил их за его счет. И великое множество людей пришло туда, и они говорили, и ели, и пили за счет Герайнта. В это время пришел к нему граф с двенадцатью знатными рыцарями, и Герайнт встал и приветствовал его «Храни тебя Бог», – ответил граф. И все они уселись в соответствии со своим положением, и граф спросил Герайнта, куда он едет. «Я еду искать приключений», – ответил Герайнт. Тогда граф внимательно посмотрел на Энид, и ему показалось, что он никогда не видел девушки прекрасней, чем она. И в сердце его запала мысль о ней, и он спросил Герайнта: «Позволишь ли ты мне поговорить с той девушкой, ибо я вижу, что она скучает в одиночестве?» – «С радостью», – ответил Герайнт, и граф подошел к ней и сказал: «О дева, я вижу, что путешествие с этим человеком нерадостно для тебя». – «Вовсе нет, – ответила она, – мне нравятся и дорога и путешествие». – «У тебя ведь нет ни пажей, ни служанок». – «Но для меня стократ приятнее путешествовать с этим человеком, чем с пазками или

служанками», – сказала она. «У меня к тебе предложение, – сказал он ей. – Я отдам тебе все мое графство, если ты останешься со мной». – «Нет, клянусь Богом, – ответила она. – Этому человеку я принадлежу, с ним я и останусь». – «Подумай, – сказал он. – Если я убью его, то заберу тебя и сделаю с тобой все, что захочу; когда же ты надоешь мне, я тебя выгоню. Если же ты останешься со мной по доброй воле, между нами будет мир и согласие, пока я жив». Она подумала о том, что он сказал, и решила притворно обнадежить его, и сказала: «Господин, на меня не должна падать тень подозрения, поэтому приходи завтра и заberi меня, словно я ничего об этом не знала». – «Так я и сделаю», – сказал он и после этого встал и вышел вместе со своими людьми. Она же ничего не сказала Герайнту об этом разговоре, боясь его гнева.

И когда пришло время, они отправились спать, и она сперва уснула, но в полночь поднялась и собрала вместе оружие и доспехи Герайнта, чтобы он мог быстро взять их; и в испуге она подошла к постели Герайнта и осторожно сказала ему: «Господин, вставай и одевайся. Граф говорил со мной, и вот что он задумал». И она рассказала ему обо всем. И хоть он был сердит на нее, но внял предупреждению, и встал, и оделся. Она же зажгла свечу, чтобы посветить ему. «Потуши свечу, – сказал он, – и позови сюда хозяина дома». Она пошла и привела хозяина, и Герайнт спросил его: «Сколько я должен тебе?» – «Я думаю, что немного, господин». – «Сколько бы я ни был тебе должен, возьми эти одиннадцать коней и одиннадцать доспехов». – «Да воздаст тебе Бог, господин, – сказал хозяин, – но я не заслужил столь щедрой платы». – «Что тебе за дело? – сказал Герайнт. – Не отказывайся от богатства. Знаешь ли ты короткий путь из города?» – «Я с радостью выведу тебя, – сказал хозяин, – но куда ты хочешь идти?» – «В ту сторону, откуда я пришел». И хозяин проводил его до городских ворот.

И Герайнт велел девушке ехать позади; она так и сделала, и они двинулись в путь, а торговец вернулся домой. И, подходя к дому, он услышал сильнейший шум и, оглянувшись, увидел восемьдесят вооруженных рыцарей, едущих к дому. И впереди них был сам граф Донн. «Где тот рыцарь, что жил у тебя?» – спросил граф. «С твоего позволения, господин, – ответил он, – он недавно уехал». – «Почему же, холоп, ты не известил меня о его отъезде?» – «Господин, – сказал торговец, – ты не приказывал мне. Если бы ты приказал, я не дал бы ему уехать». – «В какую сторону он поехал?» – «Я не знаю, – сказая он, – знаю только, что он поехал вверх по дороге». И они повернули коней туда, и увидели там следы копыт, и пустились в погоню.

В это время девушка оглянулась, и увидела сзади облако пыли, и испугалась, поняв, что это граф преследует их. Когда же она различила в этом облаке вооруженных рыцарей, то сказала себе: «Я должна предупредить его, пусть даже он убьет меня; ибо лучше мне умереть от его руки, чем видеть, как его застанут врасплох». – «Господин, – сказала она, – видишь ли ты людей, догоняющих нас?» – «Я вижу их, – сказал он, – и вижу, что ты опять не выполнила моей просьбы. Молчи, я не нуждаюсь в твоих предупреждениях». И он повернулся к рыцарям и первым же ударом сшиб переднего из них с коня на землю. И так к нему по очереди подъезжали все восемьдесят рыцарей, и всех их он повергал одним ударом. И наконец к нему подъехал сам граф, и он преломил копье, а затем – второе. Тогда Герайнт повернулся к нему и ударил его своим копьем в середину щита так, что щит треснул, и броня его была пробита, и он свалился с коня, раненный. И Герайнт подъехал к нему, и от ржания его коня граф очнулся. «Господин, – сказал он Герайнту, – пощади меня». И Герайнт пощадил его. И из-за ярости ударов и твердости земли, на которую они упали, никто из них не вышел из этой схватки без ран и увечий.

Герайнт же поехал дальше той же дорогой, и девушка за ним на расстоянии, и вскоре они увидели долину, прекраснейшую из виденных ими, и широкую реку, текущую в долине. И они увидели мост через реку, и за мостом укрепленный город, прекраснейший из всех городов. И, переехав через мост, увидели они всадника, скачущего к ним по полю на большом конее быстром, но послушном. «О рыцарь, – спросил Герайнт, – откуда ты едешь?» – «Я еду из той долины», – отвечал он. «Скажи мне, кто владеет этой долиной и этим укрепленным городом?» – «Я с радостью скажу тебе, – ответил рыцарь. – Французы и англичане зовут его Гвиффар Пти,³⁹³ а кимры называют Маленьким Королем». – «А как мне проехать дальше?» – спросил Герайнт. «Ты не проедешь через его владения, пока не посетишь его, ибо он не пропускает через свои земли рыцарей, не желающих принять его гостеприимство». – «Клянусь Богом, – сказа Герайнт, – я поеду, куда

³⁹³ Гвиффар – какое-то искаженное французское имя (возможно, Гвайфар), к которому прибавлено petit – «маленький».

мне надо». – «Я уверен, – сказал рыцарь, – что этим ты вызовешь его злобу и месть».

И Герайнт выехал на дорогу, которая, как он думал, вела прочь от города; но не успел он отъехать далеко, как увидел рыцаря, догоняющего его на громадном, широкогрудом и тяже лом боевом коне. Сам же рыцарь был меньше всех, кого ему доводилось видеть, но в избытке вооружен и закован в броню. И, настигнув Герайнта, он крикнул ему: «Скажи, господин, из за гордыни ты отказался принять мое гостеприимство и соблюсти мой обычай или чтобы оскорбить меня?» – «Я вовсе не знал, куда ведет эта дорога», – ответил Герайнт. «Прежде, чем ты это узнаешь, вернись ко мне во дворец». – «Я не сделаю этого, – сказал Герайнт, – и не поеду к тебе, пока ты не признаешь Артура своим господином». – «Оставь Артура в покое, – крикнул тот, – поезжай ко мне, или тебе будет плохо!» И после этого они стали сражаться. И они так били друг друга по щитам, что те потеряли свой цвет.³⁹⁴ И Герайнту было нелегко сражаться с ним – и потому, что он не мог попасть в него из-за его малости, и из-за его силы и ярости. И они бились, пока их кони не пали на колени, и наконец Герайнт сбросил его с коня. Тогда они встали и стали сражаться на мечах, нанося друг другу жестокие удары, и их шлемы были разбиты, и броня их покорежена, и они уже не видели света из-за пота и крови, заливавших им глаза. Наконец Герайнт рассердился, собрал все свои силы, и поднял меч, и нанес Маленькому Королю сокрушительный удар по голове, так что разрубил ему шлем, и кожу, и мясо до кости. Тогда меч выпал у того из рук, и он попросил у Герайнта пощады именем Бога. «Ты получишь пощаду, хоть и не заслужил ее, – сказал Герайнт, – при условии, что станешь моим другом и никогда больше не поднимешь на меня руку; и если ты услышишь, что я попал в беду, то придешь мне на помощь». – «Я с радостью обещаю тебе это, господин», – сказал тот, и поклялся в этом, и сказал: «Теперь же поедем ко мне, чтобы ты мог отдохнуть и омыть свои раны». – «Не поеду, клянусь Богом», – сказал Герайнт, и после этого Маленький Король увидел Энид, и ему больно было видеть такую прекрасную и благородную девушку столь измученной. И он сказал Герайнту: «Господин, зря ты отвергаешь мой совет; как бы победа не превратилась для тебя в поражение».

Но Герайнт твердо решил ехать дальше и сел на коня, и девушка его ехала сзади, и так они добрались до леса. Солнце жгло немилосердно, и доспехи его прилипли к телу от пота и крови. И когда они достигли леса, он встал под деревом, чтобы укрыться от солнца, и его мучила боль. И девушка стояла под другим деревом, и, стоя там, слышали они звук рогов и конский топот. А это Артур со своей свитой проезжал через лес, и он послал человека узнать дорогу. Это был слуга управителя двора, и он заметил их и сказал управителю, что он увидел. И управитель велел оседлать коня, и взял копье и щит, и поехал к месту, где был Герайнт. «О рыцарь, – спросил он, – что ты делаешь здесь?» – «Я укрываюсь в тени от лучей солнца и его жара». – «А куда ты едешь и кто ты?» – «Я еду на поиски приключений своей дорогой». – «Тогда, – сказал Кай, – поехали со мной к Артуру, он недалеко отсюда». – «Не поеду, клянусь Богом», – сказал Герайнт. «Нет, ты поедешь», – возразил Кай. Герайнт же узнал Кая, но Кай не узнал его. И они сразились, и Кай ударил Герайнта со всей силы, и Герайнт рассердился и ударил Кая в челюсть древком копья так, что тот свалился на землю. И он не желал причинять ему большего зла.

Кай в испуге вскочил, и сел на своего коня, и поехал назад. Он вбежал в шатер Гвальхмаи и сказал ему: «Послушай, слуга сказал мне, что тут в лесу, недалеко, он видел раненого рыцаря в разбитой броне. Если хочешь, поезжай и посмотри, так ли это». – «Что ж, я поеду», – сказал Гвальхмаи. «Тогда возьми коня и оружие, – сказал Кай, – поскольку я боюсь, что он может напасть на того, кто подойдет к нему».

И Гвальхмаи взял копье и щит, и сел на коня, и поехал к месту, где был Герайнт. «Рыцарь, – спросил он его, – куда ты едешь и по какому делу?» – «Я еду искать приключений своей дорогой». – «Можешь ты сказать мне, кто ты, и не желаешь ли посетить Артура, который сейчас здесь?» – «Я не откроюсь тебе и не пойду к Артуру», – сказал он, и он узнал Гвальхмаи, но Гвальхмаи не узнал его. «Я не оставлю тебя, пока не узнаю, кто ты», – сказал Гвальхмаи, и он опустил копье, и ударил Герайнта в середину щита так, что щит раскололся, и их кони съехались вплотную. Тут он внимательно посмотрел на Герайнта и узнал его. «О Герайнт, это ты?» – спросил он. «Я вовсе не Герайнт». – «Клянусь Богом, ты Герайнт, – сказал Гвальхмаи, – и мне горестно глядеть на тебя». Тут он огляделся, и увидел Энид, и с радостью приветствовал ее. «Герайнт, –

³⁹⁴ То есть они сбили со щитов эмблемы и украшения.

сказал Гвальхмаи, – поехали к Артуру, твоему господину и двоюродному брату». – «Я не поеду, – ответил Герайнт, – не в том я виде, чтобы идти к нему». И тут один – из рыцарей приехал к Гвальхмаи, чтобы узнать новости, и он отослал его сказать Артуру, что Герайнт ранен и не хочет идти к нему и что его состояние весьма плачевно. И он шепнул рыцарю так, чтобы не слышал Герайнт: «Вели поставь здесь шатер, поскольку он не желает идти сам, а уговорить его в таком состоянии невозможно».

И рыцарь пошел к Артуру и передал ему все это. И Артур поставил свой шатер у дороги, и Гвальхмаи отвел туда Герайнта. «Приветствую тебя, господин», – сказал Герайнт. «Храни тебя Бог, – ответил Артур, – кто ты?» – «Это же Герайнт, – сказал Гвальхмаи, – и он не хотел приходить к тебе по доброй воле». – «Да, – сказал Артур, – недоброе случилось с ним». И Энид пришла к Артуру и приветствовала его. «Храни тебя Бог, – сказал Артур. – Помогите ей сойти с коня». И один из пажей сделал это. «О Энид, – спросил он, – куда же вы ехали?» – «Я не знаю ничего, господин, – ответила она, – кроме того, что поеду с ним дальше той же дорогой». – «Господин, – спросил Герайнт, – могу я ехать дальше?» – «Куда ты собрался? – удивился Артур. – Ты не должен сейчас никуда ехать если не хочешь умереть». – «Он не желал слушать, когда я говорил ему то же», – сказал Гвальхмаи. «Но меня он послуша – ет, – сказал Артур, – и не уедет отсюда, пока не поправится». – «Господин, – сказал Герайнт, – я бы предпочел уехать». – «Я не отпущу тебя, клянусь Богом», – сказал Артур. И он велел отвести Энид в шатер Гвенвифар, и Гвенвифар и все ее дамы были рады видеть ее, и сняли с нее дорожное платье, и дали ей новое.

Артур же позвал Кадириэйт и велел ему разбить шатер для Герайнта и его врачей и доставить туда все, что может понадобиться для лечения. И Кадириэйт сделал это и привел к Герайнту Моргану Туда и его помощников. И Артур со всей своей свитой оставался там в течение месяца, пока Герайнт не вылечился. Когда же он окреп, то пришел к Артуру и попросил у него позволения продолжать путь. «Я не знаю, выздоровел ли ты». – «Я здоров, господин», – ответил Герайнт. «Я поверю в этом не тебе, но врачам, которые тебя лечили». И он позвал врачей и спросил их, правда ли это. «Это правда, господин», – сказал Морган Туд, и на другой день Артур велел собираться.

Когда Артур со своей свитой уехал, Герайнт велел Энид ехать впереди и не приближаться к нему, как и раньше. И они двинулись в путь и в это время услышали невдалеке громкие рыдания. «Оставайся здесь, – сказал он ей, – а я пойду посмотрю, кто это плачет». – «Я так и сделаю», – сказала она. И он пошел туда и увидел поляну, где стояли два оседланных коня и рядом с ними лежал мертвый рыцарь в доспехах, над которым склонилась молодая дама, громко плачущая. «О госпожа, – спросил он ее, – что здесь случилось?» – «Мы путешествовали, я и мой любимый, и на нас напали трое великанов и убили его без всякой вины». – «Куда они пошли?» – спросил он, и она показала ему. И он вернулся к Энид. «Иди, – сказал он ей, – к даме, которая там, и жди моего возвращения». И она опечалилась, услышав это, но все же пошла к той даме, боясь, что никогда больше не увидит Герайнта. Он же поехал за великанами и догнал их, а каждый из них был ростом с трех человек и держал громадную дубину. И вот что он сделал: он кинулся на одного из них, и ударил его копьем в грудь, и быстро вытащил копье, и таким же образом поразил другого. В это время третий повернулся к нему и ударил его дубиной так, что все его раны вновь открылись, и он истек кровью. Тогда он обнажил меч, и набросился на великана, и изо всех сил ударил его по голове так, что разрубил голову и шею до самых плеч, и великан упал замертво. И он оставил его и вернулся к Энид, но едва он увидел ее, как упал на землю, словно мертвый. И Энид испустила крик горя и отчаяния и кинулась к нему, туда, где он упал.

Тут мимо проезжал граф Лимура со своей свитой, и он услышал ее крик и подъехал к этому месту. И граф спросил Энид: «О госпожа, что с тобой случилось?» – «Рыцарь, – ответила она, – тот, кого я любила больше всех, погиб». – «А что случилось с тобой?» – обратился он к другой даме. «Тот, кого я любила больше всех, тоже убит». – «А кто же убил их?» – спросил он. «Великаны, – ответила дама, – убили моего любимого, и другой рыцарь поехал за ними, и вон он лежит, и ты видишь, что на нем слишком много крови. Поэтому я думаю, – продолжала она, – что он все же убил кого-то из них». Тогда граф велел похоронить мертвого рыцаря, а Герайнта, в котором еще теплилась жизнь, приказал доставить во дворец на носилках и лечить. И две дамы поехали с ними.

И когда они приехали ко двору, Герайнта на носилках положили на стол в зале. Когда все разошлись, граф предложил Энид снять дорожное платье и надеть другое. «Я не сделаю этого, клянусь Богом», – сказала она. «Ах, госпожа, – сказал он, ей, – не грусти так». – «Трудно мне за-

быть о нем», – сказала она. «Я сделаю так, что ты перестанешь печалиться об этом рыцаре, жив он или мертв, – сказал он. – Возвеселись и подумай о будущем». – «Я не буду веселиться, клянусь Богом, до тех пор, пока живу». – «Пойдем поедим», – предложил он тогда. «Я не пойду, клянусь Богом». – «Нет, пойдешь», – сказал он, и силой усадил ее за стол, и пытался заставить есть. «Я не буду есть, клянусь Богом, – сказала она, – пока не будет есть этот человек». – «Ты этого не дожدهшься, – сказал граф. – Этот человек вот-вот умрет». – «Но он еще жив», – возразила она. Тогда он предложил ей кубок с вином. «Выпей, – сказал он, – и ты изменишь свои намерения». – «Будь я проклята, – ответила она, – если я выпью прежде, чем выпьет он». – «Я вижу, – сказал граф, – что вежливое обращение тебе вредит». С этими словами он дал ей пощечину. И она вскрикнула от боли и обиды и подумала, что если Герайнт жив, то он очнется от ее крика. И он очнулся, услышав крик, и вскочил, и схватил свой меч, лежащий рядом, и изо всех сил ударил графа по голове так, что разрубил его пополам до самого стола. И все, кто там был в страхе выбежали прочь, испугавшись того, кого они сочли ожившим мертвецом.

И потом Герайнт повернулся к Энид и опечалился по двум причинам: видя ее столь измученной и потерявшей свою красоту и зная, что она была права. «Госпожа, – спросил он, – знаешь ли ты, где наши кони?» – «Я знаю, где твой конь, – ответила она, – но не знаю, где мой. Твой конь во дворе». Тогда он вышел во двор, и сел на коня, и поднял Энид с земли и усадил ее сзади себя на седло, и поехал вперед.

И они ехали между двух оград, пока ночь не сменила день и они увидели на фоне неба лес копий и слышали конский топот. «Я слышу, к нам идет войско, – сказал он, – и спрячу тебя за ограду». И он перенес ее через ограду, и увидел рыцаря скачущего к нему, и опустил копьё, приготовившись биться с ним. Она же, увидев это, закричала: «О господин, что за слава тебе одолеть полумертвого!» – «Да это Герайнт!» – удивился рыцарь. «Да, клянусь Богом, но кто ты такой?» – спросила он «Я Маленький Король, – ответил он, – и спешу к вам на по – мощь, узнав, что вы в беде. Если бы вы последовали моему совету, ничего этого не случилось бы». – «Ничего не случается помимо Божьей воли», – сказал Герайнт. «Ну ладно, – сказал Маленький Король, – зато теперь у меня есть хороший совет для тебя. Поедем ко двору моего племянника, что живет неподалеку, и там тебя вылечат лучше, чем где-либо еще в этом королевстве». – «Мы с радостью поедем туда», – сказал Герайнт. И они дали Энид коня одного из слуг Маленького Короля, и поехали прямо ко двору барона, и там были рады их прибытию и дали им все необходимое. Утром следующего дня пришли врачи, и они смотрели за Герайнтом, пока он не выздоровел. И пока его лечили, Маленький Король содержал в порядке его коня и оружие.

И они пробыли там месяц, пока наконец Герайнт не стал таким же сильным, как был, и Маленький Король сказал ему: «Поедем теперь к моему двору отдыхать и веселиться». – «Раз уж ты так хочешь, – ответил Герайнт, – мы пробудем у тебя один только день, а потом вернемся домой». – «Что ж, поехали», – сказал Маленький Король. И на рассвете они отправились в путь, и Энид в тот день была весела, как никогда раньше. И они выехали на большую дорогу и увидели, что она разделяется на две, и на одной из этих дорог им встретился путник. И Гвиффар спросил его, откуда он идет. «Я иду по своим делам», – ответил он. «Скажи, – спросил Герайнт, – по какой из этих дорог нам лучше ехать?» – «Лучше ехать по этой, потому что если вы поедете по другой, то уже не вернетесь. Там лежит туман,³⁹⁵ за которым неведомые чары, и никто из ушедших туда не вернулся. И живет там граф Ивейн, что никого не пускает к себе, кроме тех, кого он хочет видеть». – «Клянусь Богом, – сказал Герайнт, – этой дорогой мы и поедем».

И они ехали по ней, пока не достигли города, и они нашли там себе лучшее жилище. И когда они были там, к ним вошел юноша и приветствовал их. «Храни тебя Бог», – ответили они. «Что вы делаете тут?» – спросил он. «Мы хотим переночевать в вашем городе». – «Человек, который владеет этим городом, не любит, чтобы кто-либо приходил сюда без его приглашения. Я должен отвести вас к нему». – «Мы с радостью пойдём к нему», – сказал Герайнт. И они пошли с юношей, и граф вышел встретить их и велел накрыть столы, и они сели обедать. Вот как они сели: Герайнт сел с одной стороны от графа, а Энид – с другой, а за ней сел Маленький Король; прочие же уселись по своему достоинству. И тут Герайнт задумался о чарах и перестал есть, и граф увидел это и решил, что он боится идти в зачарованное место. И он подумал, что никогда не стал бы наводить

³⁹⁵ Здесь опять появляется волшебный туман, столь часто встречающийся на страницах мабиноги. Уже в историческое время были чародеи, славившиеся своей способностью напускать туман и убирать его.

чары, если бы знал, что из-за этого может погибнуть столь славный рыцарь, и что если Герайнт его попросит, он с радостью снимет чары. И он спросил Герайнта: «О чем ты задумался, господин, почему не ешь? Если ты не хочешь идти туда, не ходи, и никто не пойдет из уважения к тебе». – «Бог с тобой, – сказал Герайнт. – Ни о чем не мечтаю я так, как о том, чтобы поскорее пойти и поглядеть на эти чары». – «Ну что ж, если тебе хочется, иди», – сказал граф. И они поели, и отведали множество блюд, и пили лучшие вина. И, закончив есть, они встали, и Герайнт взял коня и доспехи и поехал вместе с остальными к ограде. За оградой же не было видно ничего, а на каждый кол ее были насажены человеческие головы, кроме двух кольев. А колев в ограде было великое множество. Тогда Маленький Король спросил: «Никто не может идти туда, кроме предводителя?» – «Никто», – ответил граф Ивейн. «А куда нужно идти?» – спросил Герайнт. «Не знаю, – сказал граф, – иди, куда считаешь нужным».³⁹⁶

И без страха или сомнения Герайнт пошел прямо в туман. И, пройдя через завесу тумана, он увидел обширный сад, и поляну в нем, и шелковый шатер с красным верхом, стоящий на этой поляне. Полог шатра был открыт, а у входа росла яблоня, и на ветке ее висел рог. И Герайнт спешил и вошел в шатер. Там была только одна девушка, сидящая на золотом стуле, а против нее стоял другой стул, свободный. И Герайнт сел на стул. «Господин, – сказала девушка, – не садись на этот стул». – «Почему же?» – удивился Герайнт. «Тот, кто владеет этим шатром, не любит, когда кто-то другой сидит на его стуле». – «Мне нет дела до того, что он не любит», – сказал Герайнт. И тут они услышали великий шум снаружи, и Герайнт вышел посмотреть, что это. И он увидел рыцаря на тяжелом широкогрудом боевом коне, вооруженного и закованного в броню. «Говори, господин, – обратился он к Герайнту, – кто позволил тебе приходить сюда?» – «Я сам пришел», – ответил Герайнт. «Это стыд и позор для меня, – сказал рыцарь. – Вставай же, чтобы мог я отплатить тебе за твою дерзость». И Герайнт встал, и они начали сражаться, и сломали копья, и другие, и третьи. И каждый и них наносил другому яростные и тяжкие удары. Наконец Герайнт рассердился, и пришпорил своего коня, и ударил рыцаря в середину щита так, что копье разбило щит и пробило броню и подпруга лопнула, и рыцарь свалился с коня на землю. И Герайнт быстро спешил и обнажил меч, чтобы отрубить ему голову. «О господин, – взмолился тот, – пощади меня и я сделаю все, что ты пожелаешь». – «Я не хочу ничего, – ответил Герайнт, – кроме того, чтобы исчезли эти чары, и туман, и волшебство». – «Я сделаю это с радостью, господин». – «Убери же поскорей этот туман», – сказал он. «Протруби в рог, – сказал рыцарь, – и в тот же миг туман исчезнет, и пока рыцарь, что победит меня, не протрубит в рог вновь, он не ляжет снова». Энид же весьма беспокоилась о судьбе Герайнта там, где она была.

И вот Герайнт вернулся и протрубил в рог, и тут же весь туман исчез. И все собрались и заключили мир друг с другом. И этот вечер Герайнт с Маленьким Королем пировали у графа а на утро разъехались, и Герайнт вернулся в свои владения и правил ими в мире и процветании вместе с Энид, и умножил свою честь и славу.³⁹⁷

Волшебная арфа

История Талиесина³⁹⁸

³⁹⁶ Весь этот отрывок, смысл которого не поясняется, представляет собой отголосок мифологического путешествия в потусторонний мир, обычного для кельтской традиции.

³⁹⁷ В другом варианте из БК вместо последней фразы стоит: «И с тех пор Герайнт больше не путешествовал».

³⁹⁸ *Hanes Taliesin*

Эта повесть, не входящая в состав собственно «Мабиногион», включается нами в настоящий сборник по следующим причинам: во-первых, она была включена в первый английский перевод «Мабиногион», сделанный леди Ш. Гест, и благодаря этому приобрела широкую известность; во-вторых, многое указывает на то, что ее сюжет сложился в XIII в., то есть одновременно с сюжетами мабиноги, с которыми он имеет ряд пересечений и совпадений; в-третьих, в ней широко представлена слабо отраженная в мабиноги древняя валлийская поэзия, роль которой в духовной жизни кельтского общества трудно переоценить.

В настоящем виде «История Талиесина» была скомпонована леди Гест из прозаического фольклорного сюжета о приключениях юноши Гвиона Баха, ставшего впоследствии великим бардом Талиесином (сюжет этот впервые встречается в сочинении валлийского хрониста XVI в. Элиса Гриффидда), и из поэтических сочинений, взятые из «Книги

Во времена императора Артура.³⁹⁹ жил в Пенлине⁴⁰⁰ муж благородного происхождения по имени Тепод Фозл⁴⁰¹ и дом его стоял посреди озера Тегид, а жену его звали Каридвен⁴⁰². И у него родились от его жены сын по имени Морвран ап Тегид.⁴⁰³ и дочь, названная Крейри, прекраснейшая девица в мире⁴⁰⁴. Что до сына, то он был безобразен и зол нравом, и потому его прозвали Авагдду.⁴⁰⁵ И Каридвен, его мать, решила, что он не вступит в круг людей благородной крови, пока не стяжает похвал своей мудростью. Было же все это во времена Артура и Круглого Стола.

И она решила, как написано в книге Фериллта,⁴⁰⁶ опустить своего сына в Котел Вдохновения, чтобы он обрел знание всех тайн прошлого и будущего.⁴⁰⁷ Она поставила котел на огонь, и он

Талиесина» («*Canu Taliesin*»), известной также как рукопись Peniarth 2 Национальной библиотеки Уэльса. Эта «Книга», записанная в конце XIII в., включает в себя более 60 поэтических произведений, распадающихся на три основные группы: 1) стихи, иллюстрирующие «Историю Талиесина»; 2) стихи, обращенные к разным лицам, в числе которых и мифические герои (Геркулес, Дилан, Сын Волны и др.), и реальные исторические деятели VI в. (король Регеда Уриен, Киан и др.); 3) мифологические и религиозные поэмы, очень сложные для понимания из-за ссылок на неизвестные детали валлийских легенд. В 1960 г. Ивор Уильяме доказал, что часть стихотворений второй группы действительно относится к VI в. и, по всей видимости, принадлежит перу исторического Талиесина – придворного барда Уриена, короля Регеда (бриттского королевства на северо-западе Англии), который упоминается как один из крупнейших британских бардов (наряду с Анейрином), в англосаксонских хрониках и в «Истории» Ненния.

Но этот реальный Талиесин имеет мало общего с Талиесином «Истории», которого валлийские редакторы рукописи перенесли в Уэльс, ко двору короля Мэлгона Гвинедда, и сделали великим бардом, чародеем и предсказателем, таким же, как Мирддин-Мерлин, учеником которого он становится у Гальфрида Монмутского в его «Жизни Мерлина». В качестве такового Талиесин упоминается во множестве сочинений (в том числе и в мабиноги), и ему автоматически приписываются (как раньше Мерлину) все пророчества и «поэмы, темные смыслом», встречавшиеся в старинных рукописях. Этим и объясняется образ Талиесина в «Истории», несомненно отражающий мистическую фигуру бога священного знания, воплотившегося в барда (как Мирддин воплотился в Мирддина Эмриса). Чтобы как-то сгладить языческий колорит самого героя и большинства текстов книги, монахи-редакторы включили в нее и ряд религиозных гимнов (часть их вошла и в «Историю»).

Язык поэзии «Книги Талиесина», усложненный и нарочито архаизированный даже в позднейшей части, не поддается адекватному переводу на другие языки, поэтому мы даем скорее поэтический пересказ «Истории», сообразуясь с версией леди Гест. Пророческо-мифологическую часть «Книги Талиесина» представляет перевод пророчества «Судьба Британии» («*Armes Prydein*»), перекликающегося с пророчествами Мерлина из «Истории» Гальфрида Монмутского, а также перевод «Битвы деревьев» («*Cad Goddeu*») – одного из наиболее примечательных памятников валлийской мифо-поэтической традиции.

В стихах из «Книги Талиесина» обычно рифмуются две соседние строчки; кроме того, часто присутствует внутренняя рифма. Ради сохранения ритма стиха и, возможно, более точной передачи смысла мы пошли на отмену рифмы при переводе и ряд других вольностей (слияние или разделение ряда строк и т. д.), поскольку нас интересовал прежде всего не реальный бард Талиесин и его творчество, а фигура легендарного Талиесина в контексте мифологии.

³⁹⁹ Традиция настойчиво привязывает Талиесина к временам Артура, как к предысторическому «золотому веку». См. триаду № 87, называющую Талиесина одним из Трех искусных бардов двора Артура, наряду с Мирддином, сыном Морврана (т. е. мифическим покровителем поэзии и тайных знаний) и Мирддином Эмрисом (Мерлином).

⁴⁰⁰ В Пенлине находились владения Гроно Пебира (см. «Мат, сын Матонви»); это местность в горах на севере Уэльса. Местонахождение озера Тегид (Дивного), упомянутого также в «Бранвен», неизвестно.

⁴⁰¹ Тегид Фозл появляется только в этой истории; имя его, вероятно, означает «Лысый» (т. е. монах или друид) с озера Тегид).

⁴⁰² Каридвен, или Керидвен, упоминается в стихах бардов, главным образом в связи с принадлежащим ей Котлом Вдохновения. Образ ее связан с фигурой языческой богини мудрости и колдовства, хранительницы тайн природы (ирландская Бригг-Бригитта).

⁴⁰³ См. примеч. к «Килоху».

⁴⁰⁴ Крейри упоминается в триаде № 78 как одна из Трех красавиц Острова Британии (наряду с Арианрод и Гвен, дочерью Киврида).

⁴⁰⁵ Авагдду происходит от *Y Fagddu* – «кромешная тьма».

⁴⁰⁶ Вергилий, известный в Средние века скорее не как поэт, а как чародей и прорицатель.

⁴⁰⁷ В котле варится напиток вдохновения, известный из множества мифов (ср. «мед поэзии», который крадет у великана Мимира скандинавский бог Один).

должен был кипеть, не закипая, год и еще день, пока не выйдут из него три капли вдохновения.

И она отправила туда Гвиона Баха,⁴⁰⁸ сына Гореана, из Лланфера в Керейнионе Поуисском,⁴⁰⁹ чтобы он помешивал варево в котле, и слепого по имени Морда, чтобы он поддерживал огонь, и велела им делать это не переставая целый год и еще день. Сама же она принялась каждый день, по астрологическим книгам, собирать колдовские травы. И вот однажды, когда год уже истекал, Каридвен сушила травы и читала над ними заклинания, а в это время три капли волшебной влаги выплеснулись из котла и упали на палец Гвиона Баха. И они были такими горячими, что он сунул обожженный палец в рот и, проглотив волшебные капли, узнал все, что было и будет, и понял, что ему придется столкнуться с хитростью и злобой Каридвен. И в страхе он пустился бежать к родной земле. Котел же раскололся пополам, поскольку вся жидкость в нем, когда вытекли три волшебные капли, превратилась в яд, так что лошади Гвиддно Гаранхира⁴¹⁰ отравились этой жидкостью, попавшей в ручей, из которого они пили, и этот ручей с тех пор зовется Отрава Коней Гвиддно.

Тут пришла Каридвен и увидела, что труд целого года погублен. И в гневе она схватила деревянное полено и ударила слепого Морду по голове так, что глаз его вытек на щеку. И он сказал: «Ты изувечила меня, хоть я и невиновен. Не по моей вине свершилась твоя утрата». – «Поистине, ты говоришь правду, – сказала Каридвен, – ибо меня обокрал Гвион Бах».

И она погналась за ним, а он, увидев ее, превратился в зайца и побежал. Но она превратилась в борзую и догнала его. Тогда он бросился в реку и превратился в рыбу. Но она сделалась выдрой и настигла его. Тогда он превратился в птицу и взмыл в небо. Но она сделалась соколом и догнала его в небе. Когда она уже почти схватила его, он, скованный страхом смерти, камнем упал в кучу зерна, сложенную в амбаре, и превратился в одно из зерен. Тогда она сделалась черной курицей, и принялась разгребать кучу, и нашла его, и тут же проглотила. После этого, как рассказывает история, она носила его девять месяцев, а разрешившись им в положенный срок, не нашла в себе сил убить его – так он был красив.

Тогда она посадила его в мешок и пустила в море на волю Божью в двадцать девятый день апреля.⁴¹¹

А в то время на ручье между Диви и Абериствитом стояла плотина Гвиддно, и каждый майский праздник к этой плотине прибывало на сотню фунтов всякого добра.⁴¹² У Гвиддно был единственный сын по имени Эльфин,⁴¹³ и был он самым несчастливым из юношей, так что отец решил, что он родился в недобрый час. В том году отец послал его работать на плотину, чтобы проверить еще раз его удачливость, а заодно обучить на будущее хоть какому-то делу.

И на другой день Эльфин пошел к плотине и не нашел там ничего. Вдруг он заметил кожаный мешок, зацепившийся за одну из свай. И один из тех, кто работали на плотине, сказал Эльфину: «Ты всегда был неудачником, а сегодня из-за тебе и у нас не стало удачи, ибо раньше к этой плотине никогда не прибывало добра меньше, чем на сотню фунтов, а сегодня здесь нет ничего, кроме этого мешка». – «Как знать, – сказал Эльфин, – может быть, он стоит побольше сотни фунтов». Тогда они взяли мешок, развязали его и увидели внутри маленького мальчишка. И они сказали Эльфину: «Гляди, как сияет его лицо!» – «Так пусть же зовется он Талиесин»,⁴¹⁴ – сказал Эльфин.

---

⁴⁰⁸ «Маленький Гвион».

⁴⁰⁹ Керейнион – община (cantref) на севере Поуиса.

⁴¹⁰ См. примеч. к «Килоху».

⁴¹¹ После этого в тексте Э. Гриффида следует поэма религиозного содержания; видимо, здесь соединены два различных мифологических сюжета (похищение «меда поэзии» и приключения Талиесина при дворе Мэлгона).

⁴¹² Имеется в виду рыба и другая «морская пища».

⁴¹³ Хотя Эльфин упоминается в триадах и в «Видении Ронабви», он вместе с Гвиддно кажется чисто легендарной фигурой в отличие от короля Мэлгона и самого Талиесина; но история его заточения и освобождения была хорошо известна в валлийском фольклоре уже в XII в.

⁴¹⁴ Taliesin – сияющее чело (валл.)

И он взял мальчика на руки и понес, проклиная свое невезение. Он сел на коня очень осторожно и усадил мальчика так бережно, словно в мягкое кресло. И тут мальчик произнес Утешение Эльфина, в котором предсказал ему славу и почет и вот слова этого Утешения:

*«Добрый Эльфин, не печалься!
Прокуси в том, что имеешь;
От печали нету проку,
Она в горе не подмога.
Шем, кто молится усердно,
Бог пошлет вознагражденье.⁴¹⁵
Никогда в плотине Гвиддно
Не было улова лучше!*

*Добрый Эльфин, вытри слезы!
От печали толку мало.
Не везет тебе, ты скажешь,
Но печаль не даст везенья.
Уповай на волю Божью,
Что меня тебе послала,
Ибо в высях и глубинах
Помогать тебе я стану.*

*Добрый и прекрасный Эльфин,
Недостойны твои слезы!
Шы не должен огорчаться,
Коль тебе я послан небом.
Хоть я плавал, словно щепка,
В грозной Дилана⁴¹⁶ стихии,
Но полезней сотни рыбин
Для тебя в беде я буду.*

*Добрый Эльфин, не печалься!
Шы не будешь невезучим;
Из мешка меня доставши,
Мудреца вернул ты к жизни.
Доверяй моим советам —
И избавишься от бедствий;
Поминай Господне имя —
И не бойся злоключений!»*

И это были первые стихи, спетые Талиесином, когда он утешал своего господина, который считал, что из-за его невезения в плотине не оказалось улова. И потом Эльфин в удивлении спросил его, кто он, человек или дух. Тогда он рассказал свою историю:

*«Был когда-то я простым пастушонком,
Был работником у ведьмы Каридвен;
Незаметен был я, слаб и ничтожен,
Случай сделал меня великим,
Случай дал мне сладость познания;
Но узнала это злобная ведьма,*

---

⁴¹⁵ В отличие от текстов, действительно принадлежащих Талиесину, стихи из «Истории» проникнуты христианским духом, что отражает монашескую редакцию. Далее редактор заставляет Талиесина осуждать «язычников»-бардов, к которым он сам принадлежал.

⁴¹⁶ Имеется в виду Дилан, Сын Волны (см. «Мат»).

*Рассердилась на меня, отнять хотела
То, что я у нее похитил.
Я бежал от нее зеленой лягушкой,
Я бежал в обличье серой вороны,
Я бежал со всех ног, замечая след,
Я бежал через чащу, словно косуля,
Я бежал, как волк, попавший в облаву,
Я бежал, дроздом меж кустов порхая,
Я бежал лисой, что петляет в дебрях,
Я бежал, как стриж, подымаясь в небо,
Я бежал, как белка, в дупле скрываясь,
Я летел, как удар оленьего рога,
Как струя железа в плавильном горне,
Как копье, что противнику смерть приносит,
Как могучий бык в разъяренном беге,
Как свирепый вепрь между скал в ущелье,
И упал наконец, как зерно пшеницы,
На льняную ткань, и она казалась
Мне конем, что умчит меня от погони,
Кораблем, что спасет меня от несчастья.
Но схватили меня, в мешок посадили,
Бросили на гибель в бескрайнее море,
Волны моря были моим жилищем,
И теперь, наконец, я обрел свободу».*

Тут Эльфин приехал в дом Гвиддно, своего отца, вместе с Талиесином. И Гвиддно спросил его, хороший ли улов собрал он на плотине, и он ответил, что нашел то, что лучше всякой рыбы. «Что же это?» – спросил Гвиддно. «Это бард», – ответил Эльфин. Тогда Гвиддно спросил: «Какая же от него польза?» И сам Талиесин вмешался и сказал: «Я стою больше всего твоего улова». – «Ты умеешь говорить, хотя так мал?» – изумился Гвиддно. «Лучше, чем ты», – ответил ему Талиесин. «Ну, что ж, я послушаю, что ты скажешь», – сказал Гвиддно. И Талиесин спел:

*«Для меня вода стала благом,
В ней обрел я радость познания.
Ведь поистине Бог дарует
Все, что мы у него попросим.*

*Стал я мудр, трижды рожденный;
Горе тем, кто не станет слушать
Слов моих, в крик званье мира,
Что в нем было, что есть, что будет.*

*Пусть Господь ниспошлет мне милость,
Вразумит, как сберечь премудрость;
Сын Мариин, надежда мира,
Моя вера, мое спасенье!*

*Уповаю я только на Бога,
Только им спасаюсь от бедствий,
Каждодневно прошу я в молитве,
Чтоб свершилась Господня воля».*

И после этого Эльфин отдал ребенка своей ясене, и та ухаживала за ним с любовью и терпением. А Эльфин с тех пор преуспевал все более день ото дня и жил в почете и чести у короля, и вот, когда Талиесину уже исполнилось тринадцать лет, Эльфин отправился на Рождество к своему

дяде, королю Мэлгону Гвинедду,⁴¹⁷ в замок Теганви, где собирались все знатные мужи королевства, духовные и светские, с множеством рыцарей и богатых хозяев. И там у них возник спор. Вот о чем они поспорили: есть ли в целом мире король более великий, чем Мэлгон, или же тот, кому даровано от Бога больше достоинств, чем ему? И они все сказали, что небеса дали ему дар, превосходящий все прочие: красоту, и благонравие, и мудрость, и скромность его королевы, затмившей своими достоинствами всех дам и знатных дев королевства. И они принялись спрашивать друг друга: «Кто более храбр? Кто имеет лучших коней или борзых? У кого более мудрые и искусные барды, чем у короля Мэлгона?»

А в то время барды пользовались в королевстве великим почетом, выполняя роль тех, кого ныне именуют герольдами, поскольку им были ведомы родословия, и гербы, и деяния королей и знатных мужей, и дела иноземных государей, и древности королевства, особенно анналы его стародавних правителей, и также знали они всяческие языки – латынь, и французский, и валлийский, и саксонский. И на всех этих языках они составляли хроники и грамоты и слагали стихи и энгины. И на том пиру при дворе Мэлгона их было двадцать четыре, и старшим среди них считался Хайнин-бард.⁴¹⁸

И когда они закончили восхвалять короля и его достоинства, случилось так, что Эльфин сказал: «По правде говоря, тягаться с королем вправе лишь король, но хоть я и не король, я скажу, что жена моя мудрее любой из женщин королевства, а мой бард одолеет всех королевских бардов». И советники тут же передали королю хвастливые речи Эльфина, и король велел бросить его в темницу, пока не будут доказаны мудрость его жены и искусство его барда.

И вот, когда Эльфина заключили в темницу с цепью на ногах (и говорят, что цепь была золотой, поскольку в жилах его текла королевская кровь),⁴¹⁹ король, как повествует история, послал своего сына Рина проверить мудрость жены Эльфина. А Рин был самым жестоким в мире человеком,⁴²⁰ и от его жестокости не спасались ни женщина, ни девушка. И когда он пошел в дом Эльфина, чтобы покрыть его жену позором, Талиесин поведал хозяйке, как король заключил ее мужа в темницу и как он послал Рина испытать ее. И он посоветовал хозяйке переодеть одну из служанок в ее платье и надеть ей на пальцы свои лучшие кольца. И она сделала это по его совету.

И Талиесин научил хозяйку со служанкой сесть за стол во время ужина, и хозяйке держаться как служанке, а служанке – как хозяйке. И вот, когда они так сидели, к ним в дом внезапно явился Рин, и слуги впустили его и провели в комнату госпожи, в которую была переодета служанка, и она встала и приветствовала его. И они сели ужинать, и он стал подливать вина служанке, переодетой в хозяйку, и история говорит, что вскоре она так опьянела, что отправилась спать, и что это случилось от порошка, который Рин тайком подсыпал ей в питье. После этого он отрезал ей палец с кольцом, которое было красивейшим из колец Эльфина, подаренных им жене. И Рин вернулся к королю с отрезанным пальцем, похваляясь тем, что, когда он его отрезал, жена Эльфина даже не очнулась.

Король развеселился, и послал за своими приближенными, которым он рассказал эту историю, и велел привести из темницы Эльфина, и ему тоже все рассказал. И он сказал Эльфину: «Тебе, без сомнения, известно, что каждый уверен в своей жене, пока случай не убедит его в обрат-

---

⁴¹⁷ Король Мэлгон Гвинедд, сын Касваллауна, правил Гвинеддом (Северный Уэльс) с 517 по 547 г. Он известен как могущественный правитель, защитник британской независимости, покровитель бардов и ученых. Замок Теганви (Диганви) в Лланросе был его излюбленной резиденцией. Мэлгон умер от «желтой заразы» (Vad Velen), опустошившей Уэльс в середине VI в., которая ассоциируется здесь с «божеским наказанием», предсказанным Талиесином. В это время самому барду было действительно лет тринадцать, и он не мог, конечно, совершить при дворе Мэлгона все описанные далее подвиги.

⁴¹⁸ Пассаж, касающийся бардов, отражает неприязнь к ним редакторов-монахов. В то же время он демонстрирует реальную деградацию сословия бардов ко времени оформления легенды, когда они превратились в бродячих певцов, не брезгующих и нищенством. Хайнин (Heinin Vardd) подвизался между 520 и 560 гг. в монастырской школе в Лланкарване (графство Гламорган).

⁴¹⁹ Популярная в фольклоре «привилегия» знатных узников.

⁴²⁰ Рин ап Мэлгон, ставший после смерти отца королем Гвинедда, прославлен в традиции как неотразимый кавалер; поэтому Мэлгон и посылает его испытать верность жены Эльфина. О его жестокости в других источниках ничего не говорится.

ном; чтобы ты не превозносил до небес мудрость своей жены, вот тебе ее палец с твоим лучшим кольцом, что отрезали у нее прошлой ночью, когда она валялась пьяной». Тогда Эльфин сказал: «С твоего позволения, господин, я не стану отрицать, что это мое кольцо, ибо многим оно знакомо, но я никогда не поверю, что оно надето на палец моей жены, поскольку у этого пальца есть три свойства, каких у моей жены никогда не было. Во-первых, это кольцо, стояла ли она, сидела или лежала, всегда было надето у нее на большом пальце, а сейчас ты видишь, что оно на мизинце и даже на него налезло с трудом. Во-вторых, моя жена не пропускала ни одной субботы чтобы не постричь ногти, а на этом мизинце, как ты видишь ноготь не стрижен больше месяца. И в-третьих, ты видишь, что рука, с которой срезан этот палец, не далее как три дня назад месила тесто, а я ручаюсь, что ни разу моя жена, с тех пор как она стала моей женой, не занималась подобным делом».

И король был так разгневан поведением Эльфина, который, стоя перед ним в цепях, продолжал превозносить свою жену, что велел отвести его обратно в темницу и держать там, пока он не докажет, что искусство его барда столь же велико, как добродетель его жены.

А в это время жена Эльфина сидела у себя дома вместе с Талиесином, и он поведал ей, как Эльфин вновь оказался в темнице, но просил ее не печалиться, поскольку он вскоре отправится ко двору Мэлгона и освободит хозяина. Когда она спросила, как он собирается это сделать, он в ответ спел:

*«Я в путь сейчас отправлюсь,
И подойду к воротам,
И в зал войду дворцовый,
И там спою я песню,
И там скажу я слово,
Ославлю гордых бардов
С вождем их совокупно,
И подниму их на смех,
И их сломя гордыню,
Чтоб стал свободен Эльфин.*

*Затею состязанье
Пред королевским взором
И с бардами поспорю
В сложенье сладких песен,
И в колдовском искусстве,
И в мудрости друидов.⁴²¹
Не место у престола
Тем, чьи коварны думы,
Чьи помыслы лукавы,
Чьи ложь и злоязычье
Хотят сгубить невинных
И обелить виновных.*

*Пускай они замолкнут,
Как в битве при Бадоне⁴²²
Пред доблестью Артура,
Пред острыми клинками,
Багряными от крови.
Как тем врагам Артура,
Чья кровь текла рекою
До северного леса,
Коварным будет худо,*

---

⁴²¹ К этому времени в Уэльсе друиды (derwydd), в отличие от Ирландии, были уже легендарными мудрецами и волшебниками; их роль хранителей традиций восприняли барды (bardd).

⁴²² См. примеч. к «Видению Ронабви».

Когда придет расплата.

*Я – Талиесин мудрый,
Я знанием друидов
Дам Эльфину свободу
От пут несправедливца
И положу пределы
Его дурным деяньям.
Пусть ни добра, ни счастья
Не знает Мэлгон Гвинедд
За зло, что он содеял!
Пусть Фин жестокосердный
Со всем своим семейством
Бесславно жизнь окончит
И скоро смерть увидит!⁴²³
Пусть бедствия, и войны,
И долгое изгнанье
Узнает Мэлгон Гвинедд!»*

И, сказав это, он покинул хозяйку и пришел во дворец Мэлгона, который пировал в кругу своих приближенных, как тогда было в обычае у всякого короля и принца. И когда Талиесин вошел в зал, он сел в самом дальнем углу, недалеко от места, где собирались барды и певцы, готовясь воспевать короля, как они всегда делали. И вот, когда барды и герольды встали, чтобы воспеть достоинства короля, и проходили мимо места, где сидел Талиесин, он надул губы и принялся пальцем водить по ним, извлекая звуки наподобие «блерум-блерум». Никто из них не обратил на него внимания, но, приблизившись к королю, они вдруг не смогли вымолвить ни единого слова, а лишь надули губы и стали водить по ним пальцами, говоря «блерум-блерум», как мальчик, которого они видели. Король, заметив это, изумился и подумал, что они опьянели от множества выпитого. Поэтому он велел одному из придворных, бывших при нем, увести их, чтобы они протрезвились и вспомнили, как подобает вести себя перед королем. И тот сделал это.

Но они вели себя точно так же, и он отослал их во второй раз и в третий. Наконец, король в гневе приказал одному из пажей побить их главного, Хайнина-барда, и тот взял палку и ударил его по голове так, что он свалился наземь. И он поднялся, и пал на колени, и воззвал к милости короля, говоря, что их бессилие вызвано не потерей знаний и не опьянением, а колдовством. И затем Хайнин сказал следующее: «О славный король, да будет ведомо твоей милости, что мы онемели не от количества выпитого или от его крепости, а от воздействия духа, что сидит в углу в обличье ребенка». И король велел пажу привести его; и тот пошел к месту, где сидел Талиесин, и привел его к королю. И король спросил, кто он и откуда явился. И он ответил королю стихами:

*«Хоть сейчас я бард, чей хозяин Эльфин,
Но родился я в небесных пределах;
Пророк Иоанн называл меня Мирддин,⁴²⁴
Я сегодня я зовусь Талиесин.*

*Я был с Господом моим на небесной тверди,
Когда он Люцифера низвергнул в бездну;
Знаменосцем я шел перед Александром;
Перечел я все звезды с юга на север;
Я был с Гвидионом возле Божьего трона;
Я видел в Ханаане смерть Авессалома;⁴²⁵*

⁴²³ Кажется, Рин все-таки кончил жизнь вполне мирно.

⁴²⁴ Здесь Талиесин отождествляется со знаменитым Мирддином-Мерлином, хотя обычно традиция разделяет их. Гальфрид Монмутский в своей «Жизни Мерлина» называет Талиесина (Тельгесина) учеником Мерлина.

⁴²⁵ Авессалом – сын библейского царя Давида, восставший против него и погибший.

*Я нес Божье слово в долину Хеврона;⁴²⁶
Я был у ложа Дон при рождении Гвидиона;⁴²⁷
Я наставником был у Или с Енохом;
Я составил план Вавилонской башни;
Я стоял у креста, где распяли Сына;
Я три года томился в плену Арианрод;⁴²⁸
Я в ковчеге с Ноем плавал по водам;
Я дрожал, видя казнь Содома с Гоморрой;
Я видел, как строился Рим великий;
Я видел, как рушились стены Трои.
Я был с Господом моим у ослиных яслей;
Моисея я провел по водам Иорданским;
С Магдалиной я стоял пред Господним взором;
Я добыл свой дар из котла Каридвен;
Прогал я струны арфы у Леон Алихлина;⁴²⁹
Я стоял на Белом холме с Кинфелином;⁴³⁰
Год и день пребывал я в цепях и путах,
Голод, жажду терпел ради Сына девы.*

*Я был найден в земле, что Святой зовется,
И измерил все уголки Вселенной;
Я останусь в ней до конца творенья,
Но не знаю, кем буду – рыбой иль птицей.⁴³¹*

*Девять месяцев я пребывал в утробе
У ведьмы, которая дала мне мудрость.
И хотя тогда Гвион Бах я звался,
Но сегодня я зовусь Талиесин».*

И когда король и его приближенные услышали это, они весьма изумились, ибо никогда еще не слышали таких речей от столь юного мальчика. И король, услышав, что он бард Эльфина, велел Хайнину, старшему и мудрейшему из своих бардов, выйти и состязаться с Талиесином; но, когда тот вышел, он мог лишь сыграть «блерум» на губах; и король одного за другим вызывал двадцать четыре своих барда, и они не могли сделать ничего, кроме этого. Тогда Мэлгон спросил Талиесина, зачем он пришел, и он ответил стихами:

*«Мои речи, жалкие барды,
Лишь для тех, кто умеет слушать;
Я скажу о своей потере,
Что хочу я вернуть скорее:
Господин мой, достойный Эльфин,
Заключен в темницу Пеганви,
Золотою опутан цепью.
Я проникну в стены Пеганви,*

---

⁴²⁶ Долина Хеврона близ Иерусалима – место действия многих сюжетов Ветхого завета.

⁴²⁷ В «Кад Годдеу» Гвидион сам создает Талиесина вместе с другими чародеями.

⁴²⁸ Арианрод, дочь Дон, отождествляется здесь с пленившей Талиесина Кардвен.

⁴²⁹ Место одной из легендарных битв, ассоциируемое с Норвегией (Ллихлин).

⁴³⁰ Кинфелин – внук Касваллауна, правивший в Лондоне (где находился Белый Холм) и воевавший против римлян.

⁴³¹ Отражение древнего учения о переселении душ, разделяемого кельтами, по свидетельствам античных авторов.

*Поколеблю их силой слова;
Ведь сильно мое слово в песне,
Где слились сотни песен вместе.
Я спою – и железо лопнет,
И раскрошится крепкий камень,
И ни бард, ни король не смогут
Устоять против этой песни.
Господин мой Эльфин, сын Гвиддно,
Заключен в темницу Шеганви,
За тринадцать замков посажен
Потому, что хвалил мои песни.
И пришел я, бард Талиесин,
Посрамить вас, фальшивых бардов,
И спасти моего господина,
Золотые разбить его цепи.*

* * *

*Если вы настоящие барды
И изведали все науки,
То поведайте мне о тайнах,
Что сокрыты в глубинах бездны,
Где чудовище обитает⁴³²
В адской пропасти беспредельной,
Где лютые земные горы⁴³³
Канут до снеговой вершины.
То чудовище неуязвимо,
Не боится мечей и копий,
Девятьсот груженных повозок
Унести оно может в лапах;
В темноту глядит одним глазом,
Что морского льда зеленее;
При источниках вытекают
Из его могучего зева;
Имена этих трех потоков
Я скажу вам, от вас не скрою.
Первый – тот океан рождает,
Что течет из глубин Корина,⁴³⁴
Все моря наполняя влагой;
А второй равномерно льется
На людей и всю тварь земную,
Когда дождь идет животворный
С грозового темного неба;
Третий же посылают горы
Вниз с вершин на свои долины,
Засытая их битым щебнем.
Вы такого, барды, не знали,*

---

⁴³² Многогранный образ «чудовища» в поэмах Талиесина отражает представления о «вселенской змее» (скандинавская Midgardorm), держащей мир, и одновременно воплощает идею судьбы и космической справедливости. Связан он и с конкретным злом – эпидемией «желтой заразы», погубившей в сер. VI в. короля Мэлгона и значительную часть населения Уэльса.

⁴³³ Буквально: «альпийские вершины».

⁴³⁴ Корина (Corina) – «мировой океан» кельтской мифологии.

Суется в погоне за славой.
Где вам славить державу бриттов!
Но пришел я, бард Шалиесин,
Посрамить вас, фальшивых бардов,
И спасти моего господина,
Золотые разбить его цепи.

* * *

Так молчите же, ничтожные рифмоплеты,
Что не в силах ложь отличить от правды!
Если б вы дорожили правдивым словом,
Знал король бы цену своим деяньям.
Но пришел я, бард, вдохновленный свыше,
Чтоб поведать людям, что здесь творится,
Чтоб с достойного Эльфина снять окровы,
Чтоб предречь королю, что его постигнет.
Выйдет чудо морское из вод Рианедд,⁴³⁵
Взыщут с Мэлгона Гвинедда полной мерой;
Золотыми будут глаза и зубы
У чудовища, что Мэлгона покарает.

* * *

Так знайте же, что это
Чудовище без крови,
Без жил, без сухожилий,
Без кости и без мяса,
Без головы, без тела;
Не старше, не моложе,
Чем было изначально;
Нет у него желаний
И плотских устремлений.
Как забушует море,
Когда его извергнет!
Великие несчастья
Оно доставит с юга;
Пгуман великий сядет,
Когда оно явится;
Полями и лесами
Пройдет оно безногим,
В дороге не устанет,
Хоть годы его старше
Пяти эпох великих,
Своей громадной тушей
Всю землю закрывает,
Не знавшее рожденья,
И смерть не испытает;
Несет оно несчастья
На суше и на море,
Куда Господь укажет.
Не видит и невидно

---

⁴³⁵ Возможна связь с именем Рианнон.

*Кружит, шагая к цели,
Является неожиданным,
А кждущим не приходит,
На суше и на море
Со всеми справедливо
Всех пред собой равняет.
Во всех концах Вселенной
Не знает снисхожденья;
Со всех концов приходит,
Ни с кем не совещаюсь,
Само не даст совета.
Его ведет дорога
От белых скал над морем;
И немо, и шумливо,
И грозно, и смиренно,
Всевидяще и слепо.
На землю вытолзая,
Оно несет молчанье,
Что громче и ужасней
Любого шума в мире.
И зло и милосердно,
Всегда несправедливо,
Не прячется, поскольку
Никто его не видит.
Повсюду проникая,
Во всех вселяет ужас,
Но зла не причиняет
И не несет ответа
За все свои деянья.
Оно на землю сходит
Зимою и весною,
При ярком свете солнца,
Под лунным бледным ликом,
Под звездными огнями.
Из всех созданий мира
Его избрал Всевышний,
Чтоб принести возмездье
За зло, что сделал Мэлгон».*

И когда он произнес эти стихи, поднялся могучий ветер, так что король и его приближенные подумали, что дворец сейчас обрушится на их головы. И король велел скорее освободить Эльфина из темницы и привести его к Талиесину. И когда это было сделано, Талиесин немедленно спел песнь, от которой оковы упали к ногам Эльфина:

*«Славлю тебя, Всевышний, Господин всех созданий,
Тот, кто воздвиг небеса, хлябь отделив от тверди;
Тот, кто воду нам дал и пищу для насыщенья;
Тот, кто каждую тварь благословил для жизни!
Даруй прощенья мед Мэлгону, что послушал
Совет, данный ему твоим слугой в назиданье.
Даруй ему урожай душистого свежего меда,
Что хлопотуньи пчелы в свои собирают ульи.
Вытьем же пенный мед, лучший из всех напитков,
Роги поднимем во славу Господа всей Вселенной!
Множество тварей в воде, и на земле, и в небе
Бог сотворил для людей, чтоб славил его имя:*

*И жестоких и кротких – всех равно возлюбил он,
И домашних и диких – всех равно сотворил он,
Чтобы часть их давала одежду для человека,
А другая чтоб стала питьем и пищей.
Славлю тебя, Всевышний, Господин мирозданья,
За то, что ты цепи снял с моего господина,
Который мне дал и мед, и вино, и пиво,
И пищу дал, и коня, что скоростью с ветром сравнится.
Ты же, Господь, мне даровал все остальное —
Мудрость прошедших веков, и мир, и благоволение.
Эльфин, Медовый Рыцарь,⁴³⁶ вернулась к тебе свобода,
Славь же со мною Бога, что дал нам освобождение!»*

И затем он спел стихи, названные «Вопросы бардам»:

*«Кто был первым человеком,
Сотворенным Божьей волей?
Языком каким он славил
Своего Творца в Эдеме?
Что он пил, чем он питался,
Где скрывался в непогоду?
Слово первое какое
Сказано его устами?
Что одеждой ему было?
За какое преступление
Бог изгнал его из рая?»*

*Отчего тверды каменья?
Отчего колюч терновник?
Что на свете тверже камня,
Что на свете слаще меда
Или солонее соли?
Отчего растут деревья?
Отчего круглы колеса?
Отчего язык звучнее,
Чем другие члены тела?
Если вы и вправду барды,
Что ответьте мне на это!»*

Но они не смогли ему ответить, тогда он спел стихи, названные «Упрек бардам»:

*«Если вы настоящие барды,
Испытавшие вдохновение,
Почему вы молчите, видя,
Что неправду король содеял?
Говоришь ты, Хайнин, не зная
Ни того, как твой стих зовется,
Ни как ложь отличить от правды,
Ни как звали Сына Господня,
Пока он не принял крещенья.
Ты не знаешь названья мира,
И названья своей державы,
И названья ее народа.*

---

⁴³⁶ Наименование здесь Эльфина Медовым Рыцарем (у vel marchauc) отражает связь его образа с освобожденным (воскрешенным) божеством плодородия.

Господин мой внизу, в темнице,
В золотых цепях Арианрод,
Вы же чванитесь высотой,
Вознесенные без заслуги,
Но не знаете вдохновенья,
Но не ведаете отличья
Меж словами правды и кривды.
Вы не видите дальше носа,
Суется в погоне за славой,
Но, смолчав сейчас предо мною,
Не узнаете вы покая,
До могилы не отдохнете.
Хоть молчите вы предо мною —
На Суде смолчать не удастся!»

И после этого он спел стихи, названные «Поношение бардов».

«Бард неискренний лживую сложит песню;
И хвала, что возносит бард суетливый,
Щетна и мимолетна, как в небе дымка;
И пусты их речи и труд напрасен.

Их слова опорочить спешат невинных,
Запятнать целомудрие честных женщин
И невинных дев, подобных Марии;
Клевета стала целью их жалкой жизни.

Ночью пьют они, день для сна оставляя,
Праздно проводят жизнь, гнушаясь работой;
Вместо храма в кабаке их ведет дорога,
А друзья их — мошенники и бродяги.

Во дворец они входят, не протрезвевши,
И бессмыслицу всякую восхваляют,
Всякий смертный грех до небес возносят,
Всякий низкий поступок для них заслуга.

Города и деревни они проходят,
Будто скрыться хотят из объятий смерти.
Нет у них ни жилищ, ни приюта на ночь,
Они часто голодными спать ложатся.

Ни молитв, ни псалмов они знать не знают
И хвалы не возносят Единому Богу.
Не увидишь их в храме по воскресеньям,
И святые праздники им — что будни.

В небе птицы летают, рыбы плавают в море,
Пчелы мед собирают, черви в земле роются.
Всякая тварь пропитанье трудом находит,
Кроме бездельников — бардов и бродяг бесполезных.

В каждой песне и в каждой строчке
Возношу хвалу я Божьим деяньям;
Их же песни, где нет ни слова о Боге, —
Поношенья Христу и его ученью!»

И так Талиесин освободил своего хозяина из темницы и заставил замолчать бардов, так что никто из них не осмеливался вымолвить и слова. После этого он позвал жену Эльфина и показал, что у нее целы все пальцы. И Эльфин порадовался этому вместе с Талиесином.

И он надоумил Эльфина сказать королю, что у него есть конь лучше и быстрее, чем все королевские кони. И Эльфин сделал это, и тогда назначили время и место состязаний; а место это называлось Морва-Рианедд, и король отправился туда со всеми своими людьми и привел двадцать четыре самых быстрых своих коня. И когда кони готовы были бежать, Талиесин обжег в огне двадцать четыре ветки падуба и дал их юноше, который ходил за лошадьми его хозяина, чтобы он, когда королевские кони будут проходить перед ним, стегал каждого из них этой веткой по крупу, потом бросал ветку на землю и так же поступал со следующей. Кроме того, Талиесин сказал ему, чтобы он бросил свою шапку на то место, где споткнется его собственный конь.

И юноша сделал это, стегнув каждого из королевских коней по крупу и бросив шапку туда, где споткнулся его конь. И к этому месту Талиесин привел хозяина, когда его конь выиграл состязания. И он попросил Эльфина выкопать там яму; и когда слуги вырыли яму достаточной глубины, они нашли там большой котел, полный золота. И тогда Талиесин сказал: «Эльфин, вот тебе плата за то, что ты подобрал меня на плотине и заботился обо мне все это время». На этом же месте образовалась яма с водой, что с тех пор зовется Пуллбайр.⁴³⁷

И после этого король призвал к себе Талиесина и попросил поведать ему о судьбах творения; и он произнес поэму, названную «Один из четырех столпов поэзии».

И вот пророчество Талиесина:⁴³⁸

*«В долине Ханаанской
Господь создал из глины
Своей рукой искусной
Адама – человека.*

*И пребывало тело
В долине пять столетий,
Недвижно и безгласно
Без Божьего дыханья.*

*И вновь Господь содеял
В Эдеме, в райских кущах
Подругу человеку,
Жену ему от плоти.*

*Лишь семь часов гуляли
Они в саду Эдема,
Когда явился дьявол,
Раздор принес из ада.*

*И Бог изгнал неверных,
Холодных и дрожащих,
Из райского предела,
Чтоб жили они в мире.*

*Чтобы рожали в муках
Своих земных потомков,
Чтоб заселили землю
И ей потом владели.*

---

⁴³⁷ «Яма котла».

⁴³⁸ Эта поэма, вкратце излагающая священную историю и историю Британии, обычно именуется «Судьба Британии» («Armes Prydein»).

Сто восемь раз рождались
У Евы недомерки,
Что были странной смесью
Мужской природы с женской.

Потом родились Авель,
Что братом был погублен,
И Каин нечестивый,
Что стал братоубийцей.

Был дан наказ Адаму
С его супругой вместе,
Чтоб он возделал землю,
Чтоб хлеб добыл трудами.

Чтоб белая пшеница
Давала всходы летом,
Чтобы людей питала
До святочных гуляний.

От Божьего престола
Спустился к Еве ангел,
Дал ей семян пшеницы,
Чтоб их могла посеять.

Но Ева отказалась
Дать Богу десятину,
И урожай богатый
Стал тотчас серой пылью.

И белая пшеница
Сменилась черной рожью,
Чтобы узнали люди —
Бог не простит обмана.

Чтоб урожай богатый
С полей мы собирали —
Должны мы десятину
Платить без промедленья.⁴³⁹

Должны нести мы пиво,
Что варят в свете солнца
И ночью новолунья;
Вино из белой грозди

И спелую пшеницу,
Что претворится в Тело,
И то вино, что красно,
Как кровь Господня Сына.

Хлеб — истинное Тело,
Вино же стало кровью
Иисуса, сына Альфы,⁴⁴⁰

---

⁴³⁹ Явный след церковной редакции.

Что мир спасти явился.

*Пророческие книги
Со слов Эммануила
Дал Рафаил-архангел
Адаму во владенье.*

*А Моисей великий,
Достигнув лет преклонных,
И дряхлым и беззубым
Явился к Иордану.*

*И там Господь поведал
На водах Иордана
Ему благу тайну
Трех посохов волшебных.*

*И Соломон премудрый
На башне Вавилонской
Узнал все тайны мира
В пределах азиатских.*

*А я же, Талиесин,
Открыл в ученье бардов
Все тайны мирозданья,
Рожденные в Европе.*

*Мне ведом жребий мира,
Вершины и паденья,
Начала и исходы
До дня Суда Господня.*

*Я прорицаю верно
И столь же непреклонно,
Как дева, что сулила
Беду народу Трои.⁴⁴¹*

*Явится змей великий
На крыльях золоченых;
Протянет свои кольца
Из-за морей Востока.⁴⁴²*

*Поглотит Алогр и Альбан⁴⁴³
Без жалости и страха,
От Алихлина морского⁴⁴⁴
До Северна течения.*

---

⁴⁴⁰ Альфа – иносказательное имя Бога Отца в западной традиции.

⁴⁴¹ Имеется в виду пророчица Кассандра, дочь Приама.

⁴⁴² Здесь под змеем, как и в пророчествах Мерлина у Гальфрида, подразумеваются англосаксы.

⁴⁴³ Англия и Шотландия.

⁴⁴⁴ Здесь Ллихлин – север Британии.

*И будет племя бриттов
В плену его томиться;
Рабами станут бритты
У сақсов жесткосердных.*

*Оберегая веру
И древние сказанья,
Страну свою утратят,
Лишь Кимру⁴⁴⁵ сохранивши.*

*Но минет скоро время
Покорности и рабства,
Когда терпенья чашу
Обиды переполнят.*

*Тогда вернутся к бриттам
Их земли и корона,
А злые чужеземцы
Развеются бесследно.⁴⁴⁶*

*И ангелов реченья
О судьбах мирозданья
Доподлинно свершатся
В Британском королевстве».*

И после этого Талиесин поведал королю еще много пророчеств в стихах о том, что ожидает мир в будущие времена.

Кад Годдеу (Битва Деревьев)⁴⁴⁷

I

*Множество форм я сменил, пока не обрел свободу⁴⁴⁸
Я был острием меча – поистине это было;
Я был дождевою каплей, и был я звездным лучом;
Я был книгой и буквой заглавною в этой книге;
Я фонарем светил, разгоняя ночную темень;
Я простирался мостом над течением рек могучих;
Орлом я летел в небесах, плыл лодкою в бурном море;*

---

⁴⁴⁵ Уэльс (валл. Сутги).

⁴⁴⁶ Вся пророческая традиция Уэльса проникнута мечтой о восстановлении никогда не существовавшего на деле королевства бриттов. В насмешку над этими чаяниями последний правитель независимого Уэльса Давид ап Грифидд, обезглавленный в Лондоне в 1283 г., был перед казнь «коронован» венком из плюща.

⁴⁴⁷ *Cad Goddeu*

В триадах «Битва деревьев» именуется одной из Трех битв Острова Британии, возникших из-за пустой причины. В рукописи Джона Дэвиса из Маллвида (XVII в.) упоминается, что эта битва произошла «из-за оленя и борзого щенка, что пришли из Аннуина». Там же говорится, что битва произошла в Каэр-Невенхир (неизвестное место; само название означает «крепость высоких небес»), и в ней против сил Аннуина сражались Гвидион и Аметон, сыновья Дон. В целом эта битва является отголоском мифологического сюжета о борьбе божеств Космоса и Хаоса (греческие боги и титаны, ирландские дануиды и фоморы и др.). Кроме весьма туманного описания битвы, в поэме большое место уделено самовосхвалению легендарного Талиесина, который выступает здесь как предвечный «свидетель истории» (наподобие ирландского Финтана) и одновременно могучий воин и чародей.

⁴⁴⁸ Опять отголосок учения о переселении душ.

Был пузырьком в бочке пива, был водою ручья;
Был в сраженьи мечом и щитом, тот меч отражавшим;
Десять лет был струною арфы, год был морскою пеной;
Я был языком огня и бревном, в том огне горевшим.
С детства я создавал созвучия песен дивных;
Было же лучшим из них сказанье о Битве деревьев,⁴⁴⁹
Где ранил я быстрых коней и с армиями сражался,
Где встретил страшную тварь, разверзшую сотни пастей,
На шее которой могло укрыться целое войско;
Видел я черную жабу с сотней когтей острейших;
Видел и змея, в котором сотня душ заключалась.

II

Я видел в Каэр-Невенхир, как бились за власть деревья,
Как барды слагали песни, как воины шли в сраженьи,
Как Гвидион вверх поднял свой тонкий волшебный жезл,
Молитву творя небесам и Господа умоляя
Его не бросить в беде, избавить от злой напасти.
И слово Господне сошло с небесных высот на землю:
«Чтоб Теблиз⁴⁵⁰ могучий не смог твой край предать разоренью,
Пусть войском твоим деревья и травы лесные станут».
И Гвидион создал войско из самых сильных деревьев,
Я слабые вырубил, чтобы не стало врагу подмоги.
И в битве, что там случилась, сразили троих великих,
И дева вздохнула горько, и сердце ее разбилось.⁴⁵¹
Нам тяжко пришлось в сраженьи, где кровь рекою струилась,
Но нам придавало силы раденье о судьбах мира.
Ведь три важнейших события, случившихся в этом мире, —
Потоп, что землю залил и род обновил человечесий,
Затем распяты Хрифта, затем день Суда Господня.

III

На битву первыми шли деревья, старшие в роде⁴⁵²
Я юные ива с рябиной процессию замыкали;
От запаха крови пьян, шагал терновник колючий;
Ольха устремлялась в бой, подняв могучие ветви;
И розы свои шипы к врагу простирали в гневе;
Кусты малины пришли, покинув лесную чащу;
И жимолость ради битвы презрела свою ограду,
И плоть вместе с ней, и вишня, что шла на битву со смехом;
Последней береза шла, мудрейшее из деревьев,

---

⁴⁴⁹ Cad goddeu; слово «goddeu» переводится как «деревья» или «лес», но может означать также «цель, намерение».

⁴⁵⁰ Имя неясной этимологии, возможно, «хозяин шатра».

⁴⁵¹ Аллюзия судьбы Бранвен.

⁴⁵² Последующее перечисление деревьев отражает их важную роль в кельтской мифологии. Особенно популярны в фольклоре дуб (священное дерево друидов), тис (дерево королей, из которого делали королевские покои) и терновник, что соответствовало трехсловному делению кельтского общества.

Отстав не трусости ради, а гордость свою сберегая;
Их строй по бокам ограждал золотарник цветущий,
Ель шла впереди, полководцем средь них величаясь;
А королем был тис, что первым в Британии правил;
Мохом обросший вяз не в силах был сдвинуть корни
И плелся в хвосте, пугая врагов кряхтеньем и скрипом;
Орешник оружие острил в преддверии грозной битвы,
И бирючина, как бык, стремилась за стройной елью.

IV

Падуб зеленый пришел, не отставая от прочих;
За ним и боярышник дивный, чей сок исцеляет раны;
Лоза, извиваясь, ползла на бой за деревьями следом.
Нерадостно трусам пришлось: был папоротник загублен,
Ракутник пришлось срубить и выкорчевать утесник,
Но храбр, хоть и ростом мал, оказался медовый вереск,
Что в первых войска рядах врагу наносил удары.
От поступи мощного дуба дрожали земля и небо,
Он втапывал в землю врагов, разя их без счета,
А рядом с ним царственный тис отражал атаку
Врагов, что шли на него, как волны на берег моря;
И груша сражалась там же, обильно кровь проливая;
Каштан состязался с елью в свершенье подвигов ратных,
Бел снег, и чернила черны, и зелены деревья,
Спокойны пучины вод с тех пор, как я крик услышал;
С тех пор березы растут в стране этой без опаски,
И тянутся вверх дубы в холмистом Гвархан-Мэлдеро.⁴⁵³

V

Меня, когда я родился, не мать с отцом породили,
Но создан я был волшебством из форм девяти элементов:
Из сока сладких плодов, из предвечного Божия Слова,
Из горных цветов, из цвета деревьев, из дикого меда,
Из соли земной, из руд, что таятся в недрах,
Из листьев крапивы и из пены девятого вала.
Меня сотворил Гвидион, коснувшись волшебным жезлом,
И Мат меня создал, чтоб вид я смог обрести и облик.
Стараньем великих магов я смог на свет появиться;
Эурис, Эурон и Модрон трудились, чтоб я родился;⁴⁵⁴
И сам взволновался Господь, увидев мое рождение —
Ведь создан я магом из магов еще до творенья мира;
Я жил и помню, когда из хаоса мир явился.
О барды! Я вам спою, чего язык не расскажет,
Ведь жил я на дне морском, спал в раковине моллюска
И дружбу водил с самим Диланом, Сыном Моря;⁴⁵⁵

---

⁴⁵³ Неизвестное место. Вообще география поэмы кажется полностью мифической.

⁴⁵⁴ Перечисляются самые известные чародеи валлийских мифов: Гвидион, сын Дон, Мат, сын Матонви, пара Эурис и Эурон и Модрон, мать Мабона.

Я жил во дворцах и на равных беседовал с королями.

VI

*Я помню два острых копья, сошедших на землю с неба,
Что бились со мной в Аннуине, желая меня повергнуть;
Хоть восемь десятков раз был ранен я их остриями,
И сила трехсот ударов была в их каждом ударе;
Но мой удар был сильнее, девятистам людских равняясь;
Я их одолел, хоть были они меня не моложе.
Я помню волшебный меч, сразивший немало храбрых,
Он кровь мою обновил, отрезал все, что мешало.
Народы рождались, и гибли, и вновь восставали из праха;
Всегда мое славилось имя, всегда мое слово ценилось.
Я вился змеей по холму, по озеру рыбой плавал;
Я был лучистой звездой, сиянье с небес простиравшей.
Имел я волшебный плащ, имел чародейную чашу,
Что вызвать могла туман, неделю страну скрывавший.
Кинжал мой стоил дороже десятка рабынь искусных⁴⁵⁶
И шесть соловых коней ценой не могли сравняться
С рыжим моим скакуном, летевшим быстрее чайки.*

VII

*Не слаб я еще в бою на суше и среди моря;
На ратном поле могу я с сотней бойцов поспорить;
Запятнан кровью врагов мой щит с золотой каймою.
Еще не родился тот, кто в битве со мной сравнится;
Лишь Горонви⁴⁵⁷ на меня способен поднять оружие.
Я белых пальцев своих не портил черной работой;
Я воином был, хотя сейчас я – певец и книжник;
Разил я врагов и сам не раз был сражаем ими;
На сотне стен крепостных стоял я во время осады,
И сотню стен осаждал, тараном их пробивая.
Друиды сказали Артуру, когда он хотел услышать
О трех важнейших событиях, случившихся в этом мире,
Что первым случился потоп, что род обновил человечий,
Потом был распят Христос, людей от греха спасая,
И будет Господень Суд, и век золотой настанет.
Тогда я найду покой и радость в Небесном царстве,
Как мудрый Вергилий⁴⁵⁸ реж в своем прорицанье давнем.*

---

⁴⁵⁵ См. примеч. к «Мату».

⁴⁵⁶ Анахронизм. В историческое время рабыни в Уэльсе (в отличие от Ирландии) не выступали как единица обмена.

⁴⁵⁷ Горонви из Долеу-Эдриви – волшебник, упомянутый в триадах как современник Артура.

⁴⁵⁸ См. примеч. к «Истории Талиесина».

U, которая может читаться как «и» или «у», передается почти везде как «и», кроме случаев, когда это вступает в противоречие с традиционным прочтением, например: Llundein – «Ллундейн» (Лондон).

Y передается везде как «и» или «й» (не как «е»).

Что касается валлийских дифтонгов, то ei передается как «ай» (например, Cei – «Кай»), eu – как «эу» (иногда «ау»), ie – как «ие» (например, «Талиесин»), aw – как «ау».

Географические названия вне пределов Уэльса даются либо в привычной форме (Франция, Британия), либо в форме, взятой из валлийского языка (Ллундейн, Ллогр), если это оправдано историческими причинами.

Все валлийские термины мы постарались адекватно передать по-русски, что при необходимости разъясняется в примечаниях.

Ударение в валлийских словах в большинстве случаев падает на предпоследний слог; в сложных или заимствованных словах, где это правило не соблюдается, знак ударения проставлен.

Библиография

1) Издания текстов

- The Book of Taliesin. Ed. J. Gwenogvryn Evans. Oxford, 1910.
Branwen uerch Lyr. Ed. D. S. Thomson. Dublin, 1961.
Pedeir Keinc y Mabinogi. Ed. I. Williams. Cardiff, 1930.
Pwyll Pendueic Dyuet. Ed. R. L. Thomson. Dublin, 1957.
The Poems of Taliesin. Ed. by J. Caerwin Williams. Dublin, 1968.
The Text of the Mabinogion and other Welsh Tales from the Red Book of Hergest. Ed. J. Rees, J. Gwenogvryn Evans. Oxford, 1887.
The White Book Mabinogion. Ed. J. Gwenogvryn Evans. Pwllheli, 1907.

2) Переводы

- The Mabinogion. Tr. Lady Charlotte Guest. London, 1838–1849.
The Mabinogion. Tr. T.P.Ellis, J.Lloyd, v. 1–2. Oxford, 1929.
The Mabinogion. Tr. Gwynn Jones, Thomas Jones. L., 1949.
The Mabinogi and other Medieval Welsh tales. Tr. P. K. Ford. Cardiff, 1977.
Les Mabinogion. Tr. J. Loth. Paris, 1913.

3) Литература

- Bromwich R. Trioedd Ynys Prydein. Cardiff, 1961.
Gruffydd W. J. Math uab Mathonwy. Cardiff, 1928.
Gruffydd W.J. Rhiannon. Cardiff, 1953.
Lloyd J.E. A History of Wales, v. 1–2. London, 1948.
Loomis R. S. Wales and the Arthurian Legend. Cardiff, 1956.
Mac Cana P. Branwen Daughter of Llyr. Cardiff, 1958.
O'Rahilly T.E. Early Irish History and Mythology. Dublin, 1946.
Rees A., Rees B. Celtic Heritage. London, 1976.
Wales through the ages., v. 1. Llandibie, 1959.